

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2021 '1

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2021

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)
С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2021

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saraliev, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. E. A. Smirnov, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. N. S. Rychikhina (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2021
© Ivanovo State University, 2021

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 3—19
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.1

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 3—19
ББК 66.74(2Рос)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.1

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ БАЛАНСА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЖЕНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru

Статья посвящена малоисследованной проблеме взаимодействия государства и женского движения в современной России. Авторами разработаны концептуальные основы баланса взаимодействия государства и женского движения как компонента гражданского общества. В данном контексте под балансом понимается система показателей, которые при определенных условиях обеспечивают равновесие интересов в процессе взаимодействия государства и женского движения. Рассматриваются компоненты баланса взаимодействия, а также условия, способствующие его формированию. Центральное место занимает разработка структуры баланса взаимодействия государства и женского движения: баланса сотрудничества в действиях, а также взаимных услуг, интересов сторон взаимодействия. Сформулированы условия обеспечения баланса взаимодействия государства и женской инициативы: создание государственного механизма обеспечения равноправия мужчин и женщин, гендерная сбалансированность на всех уровнях государственного управления, внедрение этой задачи в повестку политических партий, преодоление разобщенности женского движения, гендерное просвещение населения. Процесс формирования баланса государства и женской инициативы рассматривается в контексте современных реалий функционирования российского женского движения.

Ключевые слова: баланс взаимодействия государства и женской инициативы, баланс сотрудничества в действиях, баланс взаимных услуг, баланс интересов сторон взаимодействия, государственный механизм обеспечения равноправия полов, гендерная сбалансированность на уровне государственного управления, преодоление разобщенности женского движения, гендерное просвещение населения.

© Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31466 «Формирование женского движения в современной России: моделирование баланса государства и общественной инициативы».

**THE RUSSIAN WOMEN'S MOVEMENT:
THE CREATION OF THE BALANCE MODEL
OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT
AND WOMEN'S INITIATIVES**

O. A. Khasbulatova, I. N. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovain@ivanovo.ac.ru

The article is devoted to the underexplored problem of interaction between government and women's initiatives in modern Russia. The conceptual frameworks of the interaction balance between government and women's initiatives as part of civil society are developed. Here the balance is understood as a system of indicators. Furthermore, there are conditions under which the system of indicators provides the balance in the process of engagement between government and women's movement. The aspects of the balance of interaction and factors that contribute to the formation of the balance are analyzed. The key role of the development of the balance framework of interaction between government and women's movement, namely the balance of development cooperation, the balance of reciprocal services, the balance of engagement between parties' interests, are also noted. The factors that contribute to the balance of interaction between government and women's initiatives, namely the establishment of the institutional mechanism for gender equality, the gender balance at all levels of government, the implementation of the objective on the agenda of political parties, overcoming disunity of women's movement, the development of women's initiatives to support women's self-employment and women's self-help groups, the gender education to the population in general, are formulated. The formation process of the balance between government and women's initiatives is perceived within the context of functioning of the contemporary women's movement in Russia.

Key words: trial balance of interaction between government and women's initiatives, balance of development cooperation, balance of reciprocal services, balance of engagement between parties' interests, institutional mechanism for gender equality, gender balance at the level of government, overcoming dissociation in women's movement, gender education to the population in general.

Женское движение по итогам 30 лет российской государственности

Типология и содержание деятельности женского движения постсоветского периода получили широкое освещение в диссертационных исследованиях и научных публикациях [Айвазова, 1998; Мельникова, 1999; Якушкина, 2009; Шведова, 2010; Тимшина, 2013; Каменева, 2014; Полюшкевич, 2018; Воронина, 2019; Хасбулатова, 2019]. Женское движение периода 1990-х гг. ученые определили как «независимое», когда женские организации стали активно обсуждать проблемы дискриминации женщин в обществе, искали формы взаимодействия со структурами государственной власти и партийно-политической системой, проводили независимые женские форумы, а женское политическое движение «Женщины России» сумело создать в 1993 г. фракцию в Государственной думе [Айвазова, 1998: 120—126; Якушкина, 2009: 207—208].

На этапе 1995—2012 гг. общественно-политическая активность женщин оставалась высокой, в органах государственной власти создавались структуры, ответственные за политику достижения равноправия мужчин и женщин, разрабатывались первые национальные планы действий в интересах женщин. В 2003 г. при участии ряда женских организаций была предпринята попытка принять Закон РФ «О государственных гарантиях равных прав, свобод и равных возможностей для мужчин и женщин в Российской Федерации». При участии женщин-ученых Министерством труда и социального развития РФ была разработана Гендерная стратегия Российской Федерации [Гендерная стратегия... , 2003]. Именно этот период исследователи считают наиболее плодотворным для женского движения с точки зрения его влияния на продвижение в обществе идей гендерного равноправия [Воронина, 2019: 12—13].

В 2012—2020 гг. женское движение приобрело ряд новых характеристик. Это формирование правозащитного направления, которое реализуется в деятельности кризисных центров по защите женщин от различных форм насилия, комитетов солдатских матерей, Консорциума женских неправительственных организаций и др. Союз женщин России, который был основан на базе Комитета советских женщин, сформировал разветвленную сеть женских организаций в регионах страны [Тимшина, 2013]. Отмечается появление благотворительных женских организаций, а также женских объединений, оказывающих помощь многодетным и малоимущим семьям, социальную поддержку различным категориям женщин [Каменова, 2014]. К отличительной черте этого периода отнесено преобладание советов матерей и женских организаций, ориентирующих женщин на выполнение традиционных ролей матери и хозяйки дома, что, по мнению ученых, практически ничего не меняет в традиционном статусе женщины [Тулузакова, 2013: 53].

Новые тенденции в работе женских организаций

В период 2012—2020 гг. женское движение становится менее политизированным, приобретает реформистский характер. Это новое женское движение, которое функционирует в реалиях современной политической системы и основано на совместных действиях женских организаций с целью изменения гендерных отношений в сферах управления, занятости и социальной политики. Женское движение имеет разнообразную структуру и включает несколько направлений. Наиболее активны женские организации *профессионального типа*, которые объединяют женщин-предпринимательниц, руководителей и вносят существенный вклад в смягчение гендерной асимметрии на рынке труда. Это организации зонтичного типа: Союз женских сил, «Деловые женщины России», ассоциации женщин-предпринимателей России, Республик Башкортостан, Татарстан, ассоциация предпринимательских организаций «Деловая петербурженка», женский комитет общественной организации «Опора России», в которые входят сотни женских организаций, нацеленных на профессиональную самореализацию. *Правозащитное направление*, как мы уже говорили, реализуется в деятельности кризисных центров по защите женщин от различных форм насилия, комитетов солдатских матерей, Консорциума женских неправительственных организаций и др. Правовым просвещением женщин-специалистов, повышением

их профессионального мастерства занимаются организации, объединяющие представительниц различных профессий: врачей, педагогов, юристов, ученых, художниц, женщин, работающих в атомной промышленности и агропромышленном комплексе, подразделениях Военно-морского флота. Активная жизненная позиция представительниц этого направления женского движения является достойным продолжением традиций женских организаций начала XX в., ориентировавших женщин на саморазвитие, самопомощь и самозащиту.

К новым тенденциям в статусном положении женских организаций можно отнести изменение статуса Союза женщин России с общественной на общественно-государственную организацию, что ставит перед членами региональных отделений Союза конкретные задачи по участию в государственной политике по реализации национальных проектов в области демографии, здравоохранения, образования, культуры и экологии.

Социальное направление осуществляется в работе благотворительных женских организаций, а также женских объединений, оказывающих помощь многодетным и малоимущим семьям, социальную поддержку различным категориям женщин. На эту деятельность нацелены более половины женских организаций, что является реакцией на снижение уровня жизни населения и сложившиеся проблемы в современной государственной социальной политике [Тимшина, 2013; Тулузакова, 2013; Каменева, 2014].

С 2018 г. в Государственной думе Федерального собрания РФ действует Клуб успешных женщин, в состав которого вошли представительницы всех парламентских фракций (<http://duma.gov.ru/>). К рассмотрению проблем, затрагивающих интересы женщин, привлекаются члены научного сообщества, бизнес-структур, женских организаций [Милованова, 2020]. Активную общественную деятельность осуществляет женское собрание парламентского клуба «Российский парламентарий» (<http://PARLAMENT-CLUB.RU/>). Широкий круг социально-политических проблем рассматривается на форумах, организованных Социал-демократическим союзом женщин России (<http://sdwomen.ru/>). Развитие гендерных исследований в вузах страны поддерживает межрегиональная общественная организация «Федерация женщин с университетским образованием» (<https://graduatewomenofrussia.ru/>).

В целом женские организации рассредоточены по всем регионам России и объединяют десятки тысяч женщин. Вместо протестных акций они разрабатывают технологии повышения статуса женщин в различных сферах жизни общества: вовлекают их в сферу предпринимательства, поддерживают стремление к саморазвитию, выступают против различных форм насилия, помогают семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, развивают гендерные исследования, распространяют в обществе идеи о равноправии полов. Это свидетельствует о высоком потенциале женского движения.

К характерным чертам современного женского движения целесообразно отнести объединение женщин на основе общих ценностей и интересов, обеспеченность качеством их жизни, выбор таких способов достижения цели, как «технология добрых дел» и поддержка женщин, стремящихся к самореализации, использование неформальных методов деятельности. В качестве движущей силы выступают группы образованных женщин из различных слоев общества.

Полагаем, что современное российское женское движение является примером новых социальных движений, которые имеют гибкую и разнообразную структуру. Спад публичной активности не означает исчезновения женского движения. Женские организации используют технологии «мирной» общественной активности, которая возникает в результате нерешаемости проблем. Но в случае необходимости они способны объединить усилия для приближения к главной цели, в данном контексте — достижению гендерного равноправия в обществе. Соединение потенциала женского движения с властными полномочиями может повысить роль женщин в управлении и стать стимулом социально-экономического развития общества. В этих условиях в России все более актуальной становится проблема взаимодействия государства и женского движения.

О взаимодействии государства и женского движения

Занимая определенные социальные ниши в жизни общества, женское движение выполняет ряд социальных функций. Обозначим основные из них. *Функция интеграции и множественности интересов различных групп женщин* позволяет женскому движению представлять общие и специфические интересы, потребности женщин как крупной социально-демографической группы общества, а также потребности женщин разных профессий, семейных, возрастных, социокультурных характеристик. *Идеологическая функция* заключается в выработке стратегии и тактики действий женской организации, ее устава и идейной платформы, распространении идей своей организации через научную и публицистическую литературу, интернет-сайты, другие электронные средства. *Функция политической социализации* содействует включению женщин в общественную жизнь, сферу политики и управления, способствует росту гражданского самосознания и инициативности. *Функция социальной защиты и поддержки самопомощи* характерна для организаций, объединяющих женщин по профессиональному признаку. Она проявляется в отстаивании прав профессионально занятых женщин, профессиональной подготовке и содействии в трудоустройстве, создании новых рабочих мест в ходе коммерческой деятельности. *Просветительская функция* позволяет женщинам расширить кругозор, впитать идеи о *равноправии* полов, сформировать убеждения о самоценности и самостоятельности личности. *Организаторская функция* выражается в формировании сети женских групп и организаций, форумов, массовых акций. Осуществление обозначенных функций позволяет женскому движению выступить актором политического и социального процессов.

Являясь компонентом гражданского общества, женское движение не может функционировать вне государства. В российской политической и социологической науке активно исследуются практики и проблемы взаимодействия государства и гражданского общества. По этому поводу Л. Мамут отмечает, что гражданское общество и государство — абсолютно взаимозависимые величины. Они не просто взаимозависимы, но и взаимодополняемы [Мамут, 2002: 101]. А. Сунгуров предлагает три варианта взаимодействия органов власти и общественных структур: партнерское взаимодействие; взаимодействие, основанное на доминировании власти (патерналистская модель); отсутствие взаимодействия (игнорирование НКО государством) и конфронтация [Сунгуров, 2009]. В монографии

Г. В. Косова, О. В. Паслер выделены следующие модели взаимодействия гражданского общества и государства: идеальная модель, основанная на принципе паритета — равенстве сторон; умеренно деэтикетская модель (умеренно слабое государство — умеренно сильное гражданское общество); умеренно этикетская модель (умеренно сильное государство — умеренно слабое гражданское общество); этикетская модель (сильное государство — слабое гражданское общество) [Косов, Паслер, 2010: 46—59]. С. И. Шкирчак дополняет типологию взаимодействия государства и гражданского общества консенсусной моделью (сферы компетенции государства определены и регламентированы); самоорганизационной моделью (роль вертикальных связей сведена к минимуму); смешанной моделью (объединение двух вышеназванных) [Шкирчак, 2013: 179—180]. Лидер координационного совета «Общероссийский народный фронт» В. Леонов выделяет три варианта взаимоотношений гражданского общества и государства: подчинение власти гражданскому обществу, если оно выражает интересы всего общества; предоставление преференций со стороны государства отдельным социальным группам; государственная поддержка общественных организаций, которые созданы при участии органов власти [Гражданское общество и государство... , 2013: 14—15].

Наряду с вышеназванными моделями ученые и общественные деятели стали выдвигать социальное партнерство в качестве эффективной модели взаимодействия государственных органов управления и НКО. Так, И. Дискин охарактеризовал взаимно ответственное партнерство как новый стандарт отношений государства и общества [Дискин, 2019]. Л. Воронина и А. Пыльцова назвали партнерские отношения «идеальным вариантом отношений социально ориентированных НКО и государственных органов управления», вкладывая в это понятие согласованную систему правовых норм и регуляторов, обеспечивающих постоянное, результативное взаимодействие органов власти и НКО [Воронина, Пыльцова, 2014].

Обозначенный перечень работ показывает, что в общественных науках тема взаимодействия государства и гражданского общества достаточно актуальна. К этой проблеме в течение последних десятилетий обращаются также ученые, занимающиеся исследованием женского движения. По их мнению, женские организации упираются в своеобразный «стеклянный потолок», где реальные механизмы взаимодействия не прописаны и соответственно не могут быть реализованы, органы государственного управления проявляют пассивность во взаимодействии с женскими организациями [Полюшкевич, 2018: 259]. Эффективной формой взаимодействия с органами управления, позитивным партнерством названо привлечение женских организаций к участию в совещаниях, консультациях, общественных комиссиях, к разработке законов и социальных программ [Гафизова, 2007: 37—38]. По мнению М. Кашиной, государство и женские организации должны двигаться в направлении друг к другу с целью содержательного диалога по поводу решения гендерных проблем. Она подчеркивает, что возможной точкой встречи государства и женских организаций может быть аутсорсинг: государство финансирует из бюджета НКО, которые занимаются решением гендерных проблем [Кашина, 2007: 230]. По мнению Е. Якушкиной, независимость женских организаций не означает конфронтации, предполагает сотрудничество и партнерство с органами исполнительной власти, когда

«неправительственные организации делают то, до чего не доходят руки у государства» [Якушкина, 2009: 210]. Таким образом, в российском научном сообществе складывается консенсус относительно актуальности проблемы системного взаимодействия женского движения и государства.

Руководители женских организаций также подтверждают актуальность взаимодействия с органами государственного управления. В конце 2020 г. для оценки текущей ситуации в женском движении авторами методом глубинного экспертного интервью было опрошено 45 руководительниц женских организаций, которые представляют регионы центра России, Урала и Сибири. Продолжительность интервью составила 30—40 минут. От 66,7 до 84,0 % лидеров женских организаций в зависимости от региона высказались за «партнерское взаимодействие, когда государственные органы понимают важность женских общественных организаций, не пытаются ими управлять, а взаимодействуют с ними», за «сотрудничество, когда инициативы женских организаций встречаются со стороны власти понимание и конкретные действия», за взаимодействие, «когда власти не мешают, не тормозят инициативы».

Исходя из данного методологического посыла представляется важным разработать концепцию баланса взаимодействия государства и женского движения в российском обществе. В этом контексте *под балансом понимается система показателей, которые при определенных условиях обеспечивают равновесие интересов в процессе взаимодействия государства и женского движения, учет интересов женщин как социально-демографической группы.*

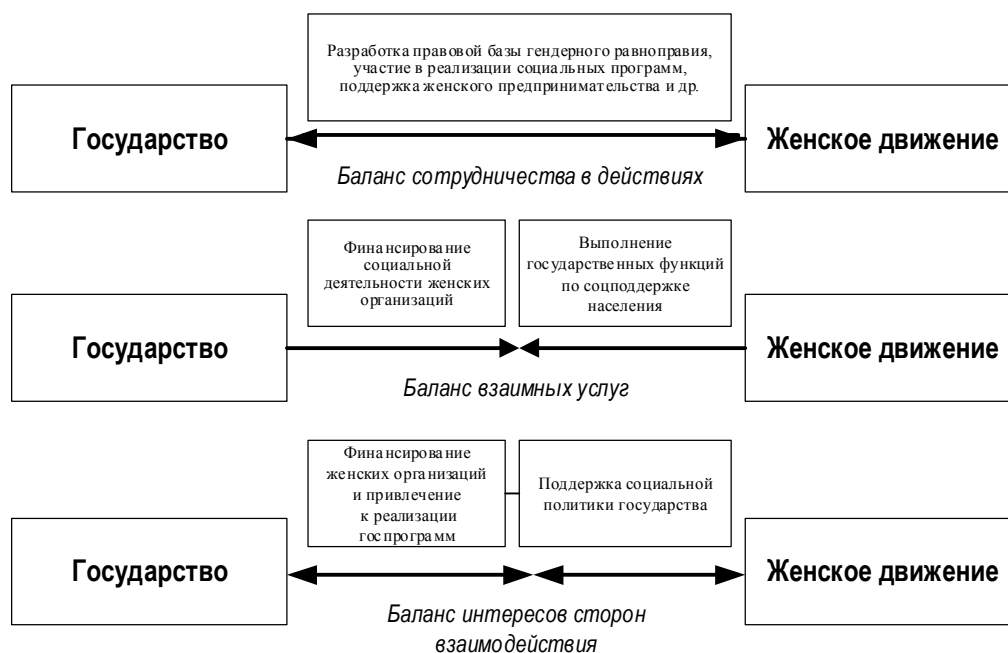
Концепция баланса взаимодействия государства и женского движения

Возможность взаимодействия государства и женского движения обусловлена следующими обстоятельствами. Женские организации действуют в масштабах страны, отдельных республик и в большинстве регионов России. Выше уже отмечалось, что они решают различные проблемы в сферах занятости, правовой защиты, профессиональной подготовки, социальной поддержки и организации свободного времени женщин и семей. Выражая интересы половины населения страны, женские организации должны продвигать женщин в сферу управления государством, участвовать в реализации гендерной политики, в разработке законодательных актов, целевых программ, в защите интересов женщин, оказании социальных услуг семьям с детьми. Следует также иметь в виду, что их деятельность по своим программам носит реформистский характер и не ставит целью открытое противостояние власти. Это означает, что в центре концепции баланса взаимодействия современного российского государства и общественной женской инициативы может быть заложен устраивающий обе стороны общий интерес — создание условий для полного и равноправного участия женщин во всех сферах жизни общества.

Рассмотрим компоненты баланса взаимодействия государства и женского движения. Систематическое взаимодействие органов власти и женских организаций с целью разработки правовой базы гендерного равноправия, участия в реализации социальных программ, продвижения женщин в сферу государственного управления, поддержки женского предпринимательства и других направлений гендерной политики можно обозначить как *баланс сотрудничества в действиях.*

Анализ содержания деятельности женских организаций показывает, что большинство из них работают в сферах профессиональной подготовки, саморазвития женщин, социальной поддержки семей с детьми, открывают кризисные центры по защите женщин и детей от различных видов насилия, занимаются благотворительной деятельностью. Таким образом, женские организации оказывают ряд услуг, которые относятся к полномочиям региональных и муниципальных органов управления, выполняя тем самым государственные функции по социальной поддержке населения. Однако участие государства в реализации этих инициатив ограничивается разовыми грантами. На финансовые трудности при поддержке безработных женщин, начинающих предпринимательниц, семей с детьми, защите женщин и детей от насилия указали более 80 % лидеров женских организаций, участвовавших в интервью. При определенных поправках в законодательстве государственные структуры могли бы финансировать социальную деятельность женских организаций в качестве регулярной оплаты услуг населению. В этом случае можно говорить о *балансе взаимных услуг* государства и женских организаций.

Следует учитывать, что ряд женских организаций могут создаваться при поддержке органов государственного управления. В этом случае они будут получать регулярную поддержку со стороны государства, что обеспечит *баланс интересов сторон взаимодействия*. К методам уравнивания интересов можно отнести следующие: со стороны государства — финансовую поддержку женской организации, привлечение ее членов к участию в реализации государственных социальных программ; со стороны женской организации — поддержку социальной политики государства (рис.).

Баланс взаимодействия государства и женского движения

Очевидно, что автоматически баланс взаимодействия государства и женского движения не станет реальностью. Необходимы целенаправленные двусторонние действия по выполнению определенных условий с целью его достижения и сохранения.

К условиям, которые предстоит выполнить органам государственной власти, следует отнести:

- формирование государственного механизма, обеспечивающего политику гендерного равноправия в обществе;
- сбалансированность представительства мужчин и женщин на всех уровнях государственного управления;
- вовлечение женских организаций в работу федеральных комиссий, общественных советов по реализации политики, затрагивающей интересы женщин как крупной социально-демографической группы;
- внесение изменений в законодательство для создания правовых, административных условий, финансовых инструментов, позволяющих женским организациям участвовать в качестве полноправных акторов в реализации социальной политики государства.

С целью активного взаимодействия с органами государственного управления *женским организациям предстоит выполнить следующие условия:*

- преодолеть разобщенность женского движения. Речь идет не о централизации женского движения, а о скоординированности действий, проведении общих съездов с целью объединения усилий женских организаций на различных направлениях достижения гендерного равенства в обществе, а также в период избирательных кампаний по выборам депутатов в органы представительной власти;
- привлечь внимание политических партий, участвующих в формировании представительных органов власти, к проблеме достижения гендерного баланса на уровне принятия государственных решений и наладить с ними взаимодействие с целью увеличения доли женщин на всех уровнях принятия решений;
- настойчивее доносить до органов власти свою позицию по принципиальным проблемам обеспечения равных прав и равных возможностей женщин и мужчин (рост уровня бедности среди женщин, незначительное участие женщин в государственном управлении, неполное использование их научного и интеллектуального потенциала);
- развернуть активную работу по информированию участниц женского движения о сущности гендерной политики государства и технологиях смягчения гендерной асимметрии в обществе, повысить уровень гендерного просвещения широких слоев женщин.

Об условиях достижения баланса взаимодействия государства и женского движения

В число стратегий, которые будут способствовать формированию баланса государства и женской инициативы, включено *создание государственного механизма по обеспечению равноправия мужчин и женщин*. Это означает, что государство должно организовать работу управленческих структур, которые будут принимать правовые акты о гендерном равноправии, а также развивать каналы связи между государством и женскими организациями в виде различного рода консультационных комитетов, комиссий, советов при органах исполнительной власти.

Зарубежный опыт показывает, что организационная форма государственного механизма может быть различной: министерство, департамент, комиссия по делам равноправия женщин, аппарат омбудсмана по равным возможностям [Women and Gender Equality Canada; Government Communication... , 2017]. Смысл заключается в том, что государственный институт обладает конкретными полномочиями по разработке правовых документов, рекомендаций, инструкций, консультированию правительственных и общественных структур по широкому спектру проблем, связанных с обеспечением равных прав мужчин и женщин в различных сферах жизни общества. Это означает, что работа государственных структур требует постоянного сотрудничества с женскими организациями, учеными, специалистами в области равноправия полов.

Поскольку в России отсутствует комплексная система государственного влияния на обеспечение равенства мужчин и женщин в обществе, преждевременно говорить о применении в полной мере зарубежного опыта к российской действительности. Целесообразно начать с учреждения Департаментов по вопросам гендерного равенства в Министерствах труда и социальной защиты, просвещения, науки и высшего образования Российской Федерации. Их совместная работа с женскими организациями и центрами гендерных исследований может заложить основу баланса сотрудничества в действиях.

Поясним, почему выбраны эти государственные учреждения. В структуре названных министерств и подчиненных им организаций в настоящее время нет самостоятельных подразделений по проблемам гендерного равенства. В Министерстве труда и социальной защиты РФ полномочия по обеспечению гендерного равенства определены Департаменту демографической и семейной политики вместе с проблемами социальной защиты семей с детьми и поддержки граждан старшего поколения [Положение о Департаменте... , 2020]. Данный Департамент выступает автором и координатором Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. [Национальная стратегия... , 2017]. В Координационный совет по ее реализации входят руководительницы двух женских организаций. В соответствии с Национальной стратегией оказание государственной поддержки планируется женским организациям, реализующим мероприятия по улучшению положения женщин. Однако баланс сотрудничества в действиях предполагает не отдельные программы, а повседневную административную целенаправленную работу по достижению гендерного равноправия в обществе, которая должна осуществляться с участием женских организаций: гендерная экспертиза всех социально значимых планов и проектов; ликвидация гендерного разрыва в оплате труда; вовлечение женщин в технологические профессии, в сферу государственного управления; совместная разработка мер по квотированию мест для женщин в советах директоров и наблюдательных советах; учет мнения женского актива при разработке государственных мер по вопросам равноправного распределения неоплачиваемых семейных обязанностей; отклик органов государственной власти на предложения женских организаций по смягчению гендерной асимметрии в обществе. Этот перечень можно продолжить, он свидетельствует об актуальности достижения баланса сотрудничества в действиях государства и женского движения.

Не менее значимо достижение *баланса сотрудничества в действиях* между женским движением, Министерством просвещения и Министерством науки

и высшего образования РФ. Ученые, занимающиеся гендерными исследованиями, неоднократно обращали внимание органов образования на наличие глубокого противоречия между потребностями современного рынка в квалифицированных технологических кадрах и традиционными культурными барьерами, которыми общество окружает девочек и женщин [Хасбулатова, Смирнова, 2020; Савинская, Мхитарян, 2020; Агафонова, 2020]. Федерация женщин с университетским образованием, вузовские центры гендерных исследований предлагают пересмотреть концепцию технологического образования школьников, разработать нормативную базу по гендерному равенству в STEM-образовании, ввести в практику гендерную экспертизу школьных учебников, внести гендерное образование студентов в государственный образовательный стандарт системы высшего образования. Проблемы непростые, но актуальные, их можно и нужно решать совместными усилиями органов власти, ученых и женских организаций.

Важным условием обеспечения баланса взаимодействия государства и женского движения выступает *паритетное представительство мужчин и женщин на всех уровнях государственного управления*. Увеличение количества женщин среди депутатов законодательных органов и руководителей органов исполнительной власти всех уровней необходимо для принятия соответствующих законов и программ по достижению гендерного равноправия. Однако в течение последних десятилетий доля женщин среди депутатов парламента едва превышает 15 %, что не обеспечивает паритетного участия в принятии политических решений. Аналогичная ситуация и в органах исполнительной власти, где большинство руководящих должностей закреплено за мужчинами. В обеих палатах Федерального собрания РФ женское движение представляет лишь Союз женщин России в лице его руководителя Е. Ф. Лаховой. Из руководителей страны только Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ В. И. Матвиенко на встрече с Президентом России В. В. Путиным выступила с предложением увеличить число женщин на всех уровнях власти [Валентина Матвиенко... , 2018]. Для решения проблемы этого недостаточно.

Среди факторов, препятствующих продвижению женщин в политику и управление, можно назвать исторические традиции, особенности политической культуры, сохранение стереотипов массового и индивидуального сознания. Поэтому в решении вопроса о выравнивании шансов мужчин и женщин в политике и управлении решающая роль должна принадлежать государству. В Федеральном законе «О политических партиях» предусматривается равноправие мужчин и женщин в списках кандидатов в депутаты выборных органов власти, однако в реальных избирательных процессах данный принцип не соблюдается. Полагаем, что для решения проблемы требуется специальная государственная программа, нацеленная на продвижение женщин в сферу управления, в реализации которой могли бы участвовать женские организации.

Достижение *баланса взаимных услуг* также требует выполнения определенных условий со стороны органов государственного управления и женских организаций. Анализ показывает, что в регионах распространены объединения, которые занимаются профессиональной подготовкой и созданием рабочих мест для женщин, вовлечением их в предпринимательскую деятельность, тем самым ориентируя женщин на самопомощь и саморазвитие. В большинстве регионов страны действуют женские НКО в виде кризисных центров по поддержке

женщин и детей, подвергшихся насилию, центров по социализации детей-сирот, семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья или оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Консорциум женских неправительственных организаций предоставляет нуждающимся в помощи женщинам бесплатную юридическую помощь. Практически женские организации работают по аналогии с государственными социальными учреждениями. Однако их инициативу сдерживает отсутствие системной государственной поддержки.

Данный вывод подтвердили и интервью с лидерами женских организаций. Так, руководительницы женских организаций Хакасии отметили: «Сложности у всех одни — пандемия и финансовая нестабильность. Не хватает средств, чтобы помочь всем нуждающимся, испытываем недопонимание должностными лицами актуальности обозначенных социальных проблем и их оперативного решения, слышим постоянные ссылки на несовершенство законодательной базы и отсутствие финансов». Активистки женских советов Башкирии, городов центра России отмечали отсутствие финансовой поддержки, трудности с помещениями, сложности с подачей заявок на гранты, потребность в повышении квалификации, предлагали принять федеральный закон о взаимодействии органов власти с женскими организациями профессиональной и социальной направленности. Высказывалось общее мнение, что «без тесных деловых контактов с властными структурами реализовать намеченные цели сложно, а зачастую невозможно». Руководительница только одной женской организации из г. Москвы отметила, что «тесно сотрудничает с Департаментом труда и социальной защиты города, поэтому проблем в работе не возникает».

Полагаем, что обеспечение баланса взаимных услуг создаст правовые и финансовые инструменты, которые позволят женским организациям участвовать в качестве полноправных акторов в социальной политике государства.

Женскому движению также предстоит выполнить ряд условий, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с органами государственной власти. По направленности действий современное женское движение представляет мозаичную картину, объединяющую организации федерального и регионального уровней, десятков направлений деятельности, разных политических взглядов и убеждений. Между тем в их деятельности есть общий мотив — повышение социального статуса женщин, достижение гендерного равенства в обществе. Однако полная разобщенность в действиях различных подсистем современного женского движения снижает его способность повлиять на государственную политику. В этой связи представляется актуальным объединение усилий женских организаций в целях полноправного вовлечения женщин в управление государством.

Речь идет не о централизации женского движения, а о скоординированности действий, объединении усилий, проведении съездов с целью выработки стратегических задач, например принятия законов, затрагивающих интересы женщин. Эта задача выполнима, ее поддержала каждая вторая руководительница женских организаций, участвовавших в интервью.

Выше уже упоминалось, что политические партии не проявляют интереса к вовлечению женщин в сферу управления. Интервью с лидерами женских организаций показало, что они тоже не готовы к системной работе с политическими партиями. Более 60 % отметили, что «будут опираться на собственные силы

и сами решать проблемы», только каждая пятая «готова обращаться за поддержкой в политическую партию».

Так будет продолжаться, пока женские организации не проявят инициативу, не будут взаимодействовать с политическими партиями в период избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной думы и органов представительной власти в регионах, использовать для этого самые разнообразные методы, вплоть до требования принятия закона о равных правах и возможностях. Следует отметить, что лидеры женских организаций, участвовавшие в интервью, рассматривали проблему шире, предлагая «участвовать в работе других общественных организаций — Общественной палаты, ОНФ, общественных советов при исполнительных органах», чтобы «самим быть активными и подавать голос», «вести активную информационно-разъяснительную работу». Поэтому полагаем, что эту задачу может взять на себя Союз женщин России, который имеет в своей программе пункт о продвижении женщин в сферу управления, а также Союз женских сил, СДСЖР, женские организации общественно-политического направления, союзы предпринимательниц, женщин-ученых и другие организации зонтичного типа. Их активная позиция по продвижению женщин в партийные списки на выборах в органы законодательной власти всех уровней, другие общественные организации, реагирование на законопроекты, лоббирование интересов женщин может создать условия для выдвижения на ведущие позиции в политике женщин, представляющих гражданское общество.

Важным условием достижения баланса взаимодействия государства и женского движения является просветительство, продвижение идей о равноправии полов не только среди женщин, но и в обществе в целом. Сегодня эту функцию частично выполняют ученые, которые продвигают свои идеи посредством научных конференций, вебинаров, публикуют статьи в журнале «Женщина в российском обществе», других изданиях. Однако можно согласиться с мнением, что современное гендерное экспертное сообщество работает в автономном режиме [Воронина, 2019: 13]. Среди молодежи идеи разных направлений феминизма внедряются через неформальные интернет-структуры. Следует отметить, что, по мнению лидеров женских организаций, активистки нуждаются в правовой, информационной поддержке, поскольку «не хватает времени на саморазвитие и полноценную коммуникацию, нет навыков работать с большим потоком информации». Высказывалось предложение о «выделении грантов на обучение лидеров женских организаций», «создании единого информационного центра для женских организаций». Полагаем, что *научное сообщество, женские организации зонтичного типа могли бы взять на себя просветительскую функцию*. В соответствии с этим актуализируется проблема взаимосвязи между центрами гендерных исследований и женским движением.

В целом можно заключить, что современное российское женское движение выражает интересы значительной части общества и занимает самостоятельную социальную нишу в поддержке различных категорий женщин и развитии женской инициативы. Реализация модели баланса взаимодействия государства и женской общественной инициативы позволит государственным структурам и женскому движению совместно осуществлять программы действий, направленные на достижение гендерного равноправия во всех сферах жизнедеятельности общества.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: Ред.-изд. комплекс Русанова, 1998. 408 с.
- Агафонова П. В.* Гендерные стереотипы в «Атласе новых профессий» // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 3 марта 2020 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 121—126.
- Валентина Матвиенко предложила привлекать женщин во властные структуры. 2018. URL: <https://www.pnp.ru/politics/valentina-matvienko-predlozhila-privlekat-zhenshinvo-vlastnye-struktury.html> (дата обращения: 10.05.2019).
- Воронина О. А.* Гендерное равенство в России: роль женского движения, гендерного сообщества и государства // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 11—18.
- Воронина Л. И., Пыльцова А. Г.* Взаимодействие государственных органов управления с некоммерческими организациями. 2014. URL: <http://handle.net/10995/41080> (дата обращения: 11.12.2020).
- Гафизова Н. Б.* Женское движение и государство: социальное партнерство в сфере гендерной политики // Женщина в российском обществе. 2007. № 2. С. 37—43.
- Гендерная стратегия Российской Федерации. М., 2003. 39 с.
- Гражданское общество и государство: новые стандарты взаимодействия: стенограмма семинара от 11.04.2013 г. // Общественная палата Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1862/1933/newsitem/20544> (дата обращения: 08.09.2020).
- Дискин И. Е.* «Российский прорыв» и задачи гражданского общества // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, 25—28 мая 2019 г. Краснодар: Экоинвест, 2019. С. 6—33.
- Каменева Г. Н.* Деятельность женских советов в решении социальных вопросов: история и современность // KANT. 2014. № 1. С. 82—86.
- Кашина М. А.* Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации политики гендерного равенства в России // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 228—234.
- Косов Г. В., Паслер О. В.* Модели взаимодействия гражданского общества и государства в глобальной общественно-политической системе. Ставрополь: Ставролит. 2010. 154 с.
- Мамут Л. С.* Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 94—103.
- Мельникова Т. А.* Женское движение в России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999. 188 с.
- Милованова М. Ю.* Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 27—36.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 года № 410-р. М., 2017. 22 с.
- Положение о Департаменте демографической и семейной политики Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. 2020. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/about/structure/dep/protection> (дата обращения: 07.01.2021).

- Полушкевич О. А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление: электронный вестник. 2018. Вып. 70. С. 246—264.
- Савинская О. В., Мхитарян Т. А. Почему девочки не идут на кружки робототехники: гендерные стереотипы и выбор родителей // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 3 марта 2020 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 61—67.
- Сунгуров А. Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2009. Кн. 1. С. 500—508.
- Тимишина Е. Л. Цели и стратегии женского движения в современной России // Социодинамика. 2013. № 2. С. 362—378.
- Тулузакова М. В. К вопросу о социальных практиках современных российских женских организаций // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2013. № 1. С. 49—53.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—27.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. № 2. С. 161—171.
- Шведова Н. А. Женское движение в России: проблемы современного этапа // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра. М.: РОДП «Яблоко», 2010. С. 35—49.
- Шкирчак С. И. К вопросу о модели взаимодействия государственной власти и гражданского общества // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Вып. 28. С. 177—184.
- Якушкина Е. М. Деятельность региональных женских организаций в контексте современного женского движения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. № 9. С. 205—212.
- Government Communication «Power, goals and agency — a feminist policy for a gender-equal future». 2017. URL: <https://www.egeringen.se/49c517/globalassets/government/dokument/socialdepartmentet/summary-of-the-government-communication-power-goals-and-agency--a-feminist-policy.pdf> (дата обращения: 18.11.2020).
- Women and Gender Equality Canada. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 26.11.2020).

References

- Agafonova, P. V. (2020) Gendernye stereotipy v “Atlase novykh professii” [Gender stereotypes in the “Atlas of new professions”], in: *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 121—126.
- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova.
- Diskin, I. E. (2019) “Rossiiskii proryv” i zadachi grazhdanskogo obshchestva [“Russian breakthrough” and the tasks of civil society], in: *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiia i vzaimodeistviia: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 25—28 maia 2019 g., Krasnodar: Ekoinvest, pp. 6—33.

- Gafizova, N. B. (2007) Zhenskoe dvizhenie i gosudarstvo: sotsial'noe partnĕrstvo v sfere gendernoĭ politiki [Women's movement and the state: social partnership in the field of gender policy], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 37—43.
- Gendernaia strategĭia Rossiĭskoĭ Federatsii* (2003) [Gender strategy of the Russian Federation], Moscow.
- Iakushkina, E. M. (2009) Deiatel'nost' regional'nykh zhenskikh organizatsiĭ v kontekste sovremennogo zhenskogo dvizheniia [Activities of regional women's organizations in the context of the modern women's movement], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorĭia, Politologĭia, no. 9, pp. 205—212.
- Kameneva, G. N. (2014) Deiatel'nost' zhenskikh sovetov v reshenii sotsial'nykh voprosov: istorĭia i sovremennost' [Activity of women's councils in solving social issues: history and modernity], *KANT*, no. 1, pp. 82—86.
- Kashina, M. A. (2007) Vzaimodeĭstvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v realizatsii politiki gendernogo ravenstva v Rossii [Interaction between the state and civil society in the implementation of gender equality policy in Russia], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 2, pp. 228—234.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Zhenskoe dvizhenie v sovremennoĭ Rossii [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—27.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2020) Gendernye stereotipy v tsifrovom obshchestve: sovremennye tendentsii [Gender stereotypes in a digital society: current trends], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 161—171.
- Kosov, G. V., Pasler, O. V. (2010) *Modeli vzaimodeĭstviia grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v global'noĭ obshchestvenno-politicheskoĭ sisteme* [Models of interaction between civil society and the state in the global socio-political system], Stavropol': Stavrolit.
- Mamut, L. S. (2002) Gradanskoe obshchestvo i gosudarstvo: problema sootnosheniia [City society and the state: the problem of relation], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 94—103.
- Mel'nikova, T. A. (1999) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii v politicheskikh protsessakh sovremennogo obshchestva* [Women's movement in Russia in the political processes of modern society], Moscow: SIMS.
- Milovanova, M. Iu. (2020) Zhenskoe predprinimatel'stvo v sel'skoĭ mestnosti: istochniki razvitiia, podderzhka semeĭnogo predprinimatel'stva [Women's entrepreneurship in rural areas: sources of development, support for family entrepreneurship], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 27—36.
- Poliushkevich, O. A. (2018) Mezhsektornoe vzaimodeĭstvie zhenskikh nekommercheskikh organizatsiĭ Sibirskogo federal'nogo okruga [Intersectoral interaction of women's non-profit organizations of the Siberian Federal District], *Gosudarstvennoe upravlenie: Ėlektronnyi vestnik*, no. 70, pp. 246—264.
- Savinskaia, O. V., Mkhitarian, T. A. (2020) Pochemu devochki ne idut na kruzhki robototekhniki: gendernye stereotipy i vybor roditelĕĭ [Why girls don't go to robotics clubs: gender stereotypes and parental choices], in: *Zhenshchiny v professiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy: Materialy Vserossiĭskoĭ nauchnoĭ konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ivanovo: Ivanovskĭ gosudarstvennyi universitet, pp. 61—67.
- Shkirchak, S. I. (2013) K voprosu o modeli vzaimodeĭstviia gosudarstvennoĭ vlasti i grazhdanskogo obshchestva [On the question of the model of interaction between government and civil society], *Nauchnye vedomosti*, seriia Istorĭia, Politologĭia, Ėkonomika, Informatika, vol. 28, pp. 177—184.

- Shvedova, N. A. (2010) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: problemy sovremennogo étaga [Women's movement in Russia: problems of the modern stage], in: *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: vchera, segodnia, zavtra*, Moscow: Rossiiskaia ob"edinënaia demokraticheskaiia partiia "Iabloko", pp. 35—49.
- Sungurov, A. Iu. (2009) Modeli vzaimodeistviia organov gosudarstvennoï vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: rossiiskii opyt [Models of interaction between government bodies and civil society structures: Russian experience], in: *Modernizatsiia ékonomiki i globalizatsiia*: in 3 vols, vol. 1, Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshiaia shkola ékonomiki", pp. 500—508.
- Timshina, E. L. (2013) Tseli i strategii zhenskogo dvizheniia v sovremennoï Rossii [Goals and strategies of the women's movement in modern Russia], *Sotsiodinamika*, no. 2, pp. 362—378.
- Tuluzakova, M. V. (2013) K voprosu o sotsial'nykh praktikakh sovremennykh rossiiskikh zhenskikh organizatsiï [On the issue of social practices of modern Russian women's organizations], *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*, no. 1, pp. 49—53.
- Voronina, O. A. (2019) Gendernoe ravenstvo v Rossii: rol' zhenskogo dvizheniia, gendernogo soobshchestva i gosudarstva [Gender equality in Russia: the role of the women's movement, the gender community and the state], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ékonomika, sotsial'naia politika*: Materialy mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 11—18.

Статья поступила 08.01.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 20—32
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.2

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 20—32
ББК 66.74(7Coe)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.2

WOMEN'S MOVEMENT IN THE UNITED STATES TODAY

Yu. S. Zadornova

University of California, Sacramento, USA, yulia-zadornova@mail.ru

The article discusses the content and the history of modern women's movement in the USA. The review of the American sociological literature was conducted to make a definition of the term "women's movement". The article provides a comprehensive analysis of the main periods in the development of the women's movement that are referred to by the American researchers as waves. The review of the history of the women's movement identified and characterized three waves of the women's movement in the United States based on their goals, scale of activity, methods and results of the struggle for the gender equity in the American society. The author analyzed the large-scale network of American women's organizations and formulated their typology based on their goals and functions. The article outlines the perspectives of the American modern women's movement further development.

Key words: women's movement, feminist movement, feminist waves, MeToo movement, women's organizations, gender discrimination, gender equality.

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В США

Ю. С. Задорнова

Калифорнийский университет, г. Сакраменто, США, yulia-zadornova@mail.ru

Статья посвящена характеристике содержания современного женского движения в США и истории его развития. На основании изучения американской социологической литературы сформулировано определение понятия «женское движение». Представлен комплексный анализ основных этапов развития женского движения в США, при описании которых американские исследователи используют аналогию с волнами. Анализ позволил выделить и охарактеризовать три волны этого движения в соответствии с целями, масштабом деятельности, методами и результатами борьбы их участниц за гендерное равенство в американском обществе. Рассмотрена масштабная национальная сеть американских женских организаций и сформулирована их типология на основе целей и выполняемых функций. По мнению автора, перед современным женским движением в США стоят актуальные нерешенные задачи — ратификация Декларации ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, лоббирование принятия поправки

к Конституции о равных правах женщин и мужчин в обществе, защита репродуктивных прав женщин, сокращение гендерного разрыва в политической сфере и оплате труда. Сделан вывод о том, что если женское движение в США сможет отказаться от внутренних дискуссий, консолидироваться и сосредоточить свои усилия на борьбе с институциональными причинами гендерного неравенства, то оно имеет все основания стать весомой конструктивной силой, способной оказывать влияние на общество в мировом масштабе и способствовать установлению гендерного равноправия.

Ключевые слова: женское движение, феминистское движение, волны феминизма, движение *MeToo*, женские организации, гендерная дискриминация, гендерное равенство.

The history of the women's movement in the United States extends back more than one hundred years. American women have covered a long road of the fight for their rights and against the discrimination based on the grounds of gender in political, economical and educational areas.

According to the "Global Gender Gap" annual report prepared for the International Economic Forum in 2019, the United States ranks 53rd out of 153 countries in overcoming gender inequity having lost two points compared to 2018. The biggest gap is in the political empowerment. Even with a significant increase in the number of women in the legislature and in the cabinet positions compared to the previous years, congresswomen are just 23,6 % of the available seats, and female secretaries are only 21,7 % of the cabinet. In addition, as we know, there has never been a woman president to date. Similarly, women are under-represented in the very top business positions: only 21,7 % of corporate managing board members are women [The Global Gender Gap Report... , 2020].

Furthermore, the USA is one of only seven countries that had not ratified the United Nations Convention to End All Forms of Discrimination Against Women, and the American Constitution does not have an article prescribing equal rights for women and men in the society.

Therefore, despite the long history of the women's movement in the USA we can not state that the country has achieved complete and ultimate gender equity.

Nevertheless, the women's movement in modern United States has a significant societal force. It articulates new values of popular consciousness, has an assertive activist nature and becomes an active participant of the social and political processes in the country.

The American sociological literature equates the terms of women's movement and feminist movement (the term of women's liberation movement or simply feminism are also used synonymously) [Heywood, 2006; Evans, 2004; Backhouse, Flaherty, 1992].

Whereas the goal of any women's movement has always been achieving gender equity in various spheres of societal life, what is the basic idea of feminism too, I consider it justified to use synonymously the notions of feminist movement and women's movement.

Women's (feminist) movement is described as a type of social and political movement that aims to establish equal rights and legal protections for women. The feminist movement is a conjunction of various women's organizations, individual representatives of the general public — activists, who act with the purpose of ensuring gender equity in various spheres of societal life, satisfying political and social interests,

---

and in professional and personal fulfillment. Women's movement advocates and fights for body integrity; abortion and reproductive rights, including contraception and prenatal care; protection from domestic violence, sexual harassment, and rape; workplace rights, including maternity leave and equal pay. It stands against all forms of discrimination that women encounter [Dicker, 2008].

Analyzing the history of the women's movement in America, researchers usually draw an analogy with the waves. It is widely agreed that there have been three waves of the feminist movement in the history of women's struggle for their rights [Humm, 1990; Dicker, Piepmeier, 2003; Aikau et al., 2007].

The wave metaphor helps to analyze feminist movement according to historical approach. It describes and distinguishes conceptual orientation of the feminist movement according to a specific historic period and reflects various value orientations of their representatives within the specific time frame.

Each wave has its specifics: goal-setting and strategies for achieving goals, level of organization and cohesion of the members and their social composition, as well as the scale and effectiveness.

The first wave occurred in the XIX and early XX c. It was mainly concerned with women's right to vote. The second wave, at its height in the 1960s and 1970s, refers to the women's liberation movement for equal legal and social rights. The third wave started in the 1990s and continues nowadays as a reaction to the achievements of the second wave [Aikau et al., 2007].

The last several years saw a pronounced spike in the activities of the women's movement in the United States. It is demonstrated by the large-scale MeToo movement against the sexual harassment; the Women's March against anti-feminist politics of the Trump administration; numerous rallies across the nation for the women's reproductive rights after several states enacted anti-abortion legislation.

As the result, some researches point to the possible emerging of the fourth wave of the feminist movement in America [Rampton, 2015].

Brief history of women's movement in the United States

The first wave of the feminist movement is also known as a suffrage movement because it mainly focused on gaining women's right to vote. The first-wave feminism also promoted equal contract and property rights for women and opposed ownership of married women by their husbands.

The first wave basically began with the Seneca Falls convention of 1848 in New York where the "Declaration of Sentiments" was signed. The document expanded on the women's right to education, equality in marriage and the right to property. During these years the legislature of New York state passed the "Married Women's Property Act" that gave women the right to own their earnings, to have equal with the husband right for the custody of children, and provided property rights of the widows [Dicker, 2008].

During the first wave two suffrage organizations were formed: American Equal Rights Association in 1866 and American Woman Suffrage Association in 1869. They merged in 1890 to create the National American Woman Suffrage Association. Their main goal was guaranteeing equal suffrage rights for women.

The first wave feminism in the United States came to the end in 1920 with the enactment of the 19th Amendment to the US Constitution that granted voting

rights to white women. The 19th Amendment was the greatest achievement of the first wave. Although individual groups continued their struggles — for reproductive freedom, for equality in education and employment, for voting rights for black women — the movement as a whole began to splinter. It no longer had a unified goal with the strong cultural momentum behind it, and it would not find another until the second wave began in the 1960s [ibid.].

The second wave of the feminist movement brought a new and wider range of issues compared to the first wave. The second wave raised the issues of women's sexuality, family, inequality at the workplace and the labor market. Feminists of the United States targeted the agenda of domestic violence and marital rape, the establishment of rape crisis and shelters for abused women [ibid.].

During the second wave there appeared the first scientific studies and works that criticized patriarchal culture and discrimination of women in politics, economics, and family relations.

Betty Friedan, the feminist writer and activist was one of the most prominent figures of the second wave feminist movement. In her book “*The Feminine Mystique*”, which came out in 1963, Friedan criticized the concept that women could find fulfillment only through childbearing and homemaking. Friedan hypothesizes that women are victims of false beliefs that require them to find identity in their lives through husbands and children as a wife and a mother. This causes women to lose their identities in the family [Friedan, 1963]. Her book ignited the women's movement and as a result permanently transformed the social fabric of the United States and the countries around the world.

As its slogan, the second wave adopted the name of Carol Hanisch's book “*Personal is political*”. It reflects the understanding that discrimination of women in private sphere is the result of the existing sexist patriarchal culture of the society. Hanisch argued that there is no real distinction between “political” and “personal”, with the latter allegedly being free from the social control since all the aspects of private sphere are the object of much bigger control than any of the aspects of “political”. At the same time, the patriarchal culture considers political problems of women as a class to be just the issues of individual women; and these political issues should be resolved by the political actions, which begin with unification of women and raising of class consciousness [Hanisch, 1969].

The realization of the need of consolidation in standing up for the rights and in the fight for equity lead to creation of big number of women's organizations in the 1970s. Below is the list of some of them.

National Organization for Women (NOW) was founded in 1966; it focused heavily on passing the Equal Rights Amendment. The purpose of NOW was to bring women into the equal partnership with men, which meant supporting of a number of legal and social changes.

Women's Action Alliance was founded in 1971. It helped to open the first shelters for battered women. *National Abortion Rights Action League* (NARAL) was focused narrowly on the issue of abortions and reproductive rights for women.

National Women's Political Caucus was founded in 1972 to increase women's participation in public life as voters, party convention delegates, party officials and officeholders at the local, state and national levels.

National Association for Female Executives (NAFE) was founded in 1972 to help women succeed in business. It focused on education and networking as well as on some public advocacy.

National Congress of Neighborhood Women (NCNW) was founded in 1974 to help poor and working-class women through educational programs. It promoted educational opportunities, apprenticeship programs and leadership skills for women with the purpose of strengthening neighborhoods.

ERAmerica was created in 1974 to fundraise and to direct the funds to the ratification efforts in the states, which had not yet ratified the Equal Rights Amendment (ERA). *ERAmerica* created branches in those states with the purpose of lobbying, educating, distributing information, fundraising and organizing publicity.

Coalition of Labor Union Women was founded in 1974 to increase women's involvement in the unions and to make union organizations better serve the needs of women members. *Women Employed* was founded in 1973 and worked to serve working women, especially non-union women in the offices, to gain economic equality and workplace respect.

Combahee River Collective, *National Black Feminist Organization* (NBFO or BFO), *National Council of Negro Women* (NCNW) promoted equity and opportunity for African American women [Lewis, 2019].

The vigorous activities of the women's organizations of the second wave resulted in significant success in achieving of gender equity in various areas of the society.

The biggest effort of the women's movement in those years was the introduction of the Equal Rights Amendment to the United States Constitution. It was the second attempt to introduce such legislation since 1923. Even though the bill was approved by both chambers of the US Congress, the amendment was obstructed and eventually was not ratified in the required by law number of states due to the efforts of anti-feminists. It still is not a part of the Constitution of the United States [Patterson, 1996].

In 1960, the US Food and Drug Administration approved the combined oral contraceptive pill providing women with a better birth control tool, which allowed women to plan their careers [Farber, 2004].

In 1961, President John F. Kennedy established the Presidential Commission of the Status of Women. The commission had an advisory role and investigated issues of women's equality in education and workplace. The commission documented and reviewed systemic discrimination against women in the workplace, specifically in hours and wages, in legal representation of women, and in many taxation issues. The commission's final report, "American Woman", showed that in the early 1960s a full time female employee was paid less than 60 percent than her male counterpart. Based on the commission's recommendations, in 1963 President Kennedy signed the Equal Pay Act. In the first 10 years after the enactment of the law 171,000 female employees received back pay that amounted 84 million dollars [ibid.].

In 1968, women's organization National Organization for Women successfully lobbied the Equal Employment Opportunity Commission to pass an amendment to Title VII of the Civil Rights Act of 1964, which prevented discrimination based on sex in the workplace [Patterson, 1996].

The second wave representatives worked on getting women the right to have credit cards in their names and to apply for mortgages. They worked to outlaw marital

rape, to raise awareness about domestic violence and to build shelters for women fleeing rape and domestic violence [Farber, 2004].

During the second wave the radical feminism emerged. Radical feminism considers society as fundamentally patriarchal in which men dominate and oppress women; it demands fundamental changes of the social structure and abolishing of male dominance.

One of the best known campaigns of the radical feminists of the second wave is the 1968 protests against the Miss America pageant and its demeaning, patriarchal treatment of women. As part of the protest, participants ceremoniously destroyed objects that they considered to be symbols of women's objectification, including bras and copies of Playboy [ibid.].

The radical manifestations of the second wave started discrediting the women's movement. The consequences of this discrediting still affect the negative perception of feminism by some representatives of the society. Additionally, the second wave is criticized because the women's movement was primarily centered on protection of the rights of the upper middle-class white women [Henry, 2004].

The *third wave* feminist movement began in the early 1990s responding to the failures of the second wave and as the reaction to its initiatives and achievements. The feministic ideology of the third wave challenges the definitions of femininity that grew out of the ideas of the second wave. Furthermore, the third wave contended that the race, ethnicity, class, religion, gender, and nationality were significant factors in the discussion of feminism [Baumgardner, Richards, 2000; Dicker, Piepmeier, 2003; Heywood, 2006].

The beginning of the third wave was marked by two events: the Anita Hill case of 1991, and the emergence of the riot grrrl music groups in early 1990s.

In 1991, Anita Hill testified before the Senate Judiciary Committee that Clarence Thomas, a Supreme Court nominee, had sexually harassed her at work. Although Thomas was eventually elected to the Supreme Court, this case drew attention to the issue of sexual harassment and abuse of power in the professional world [Walker, 1992].

This process was very similar to the case of Harvey Weinstein where the statement of one-woman led to numerous sexual harassment accusations all over the country.

Culturally, the third wave is deeply influenced by the rise of the riot grrrls — the girl groups who epitomized feminism of the 1990s. The word *girl* here points to one of the major differences between second and third wave feminism. Second-wavers fought to be called *women* rather than *girls*. They weren't children, they were fully grown adults, and they demanded to be treated with according respect. In contrast to this, the third wave feminists preferred identification with the word *girl*. They wanted to make it empowering, even threatening — hence the new word *grrrl* [Darms, 2013].

The ideological foundation of the third wave activism was laid by the work of theorists Kimberle Crenshaw, a scholar of gender and critical race theory who coined the term *intersectionality* that describes the ways of intersection of different forms of oppression; and Judith Butler, who argued that gender and sex are separate, and that gender is performative. The works of Crenshaw and Butler's became the foundation of the third wave and paved the way for intersectional feminism [Crenshaw, 2017; Butler, 2004].

Researches identify the following characteristic features of the third wave. First, demanding the revision of the category of "women", the third wave accentuates

---

personal narratives that illustrate an intersectional and multiperspectival version of feminism. Second, the third wavers give preferences to multivocality over synthesis and to action over theoretical justification. And third, the feminism of the third wave shifts away from the strict contraposition of man and woman as representatives of “the oppressor” and “the oppressed” and attempts to find ways for constructive dialogue, asserting that the patriarchal culture is harmful for both, women and men [Snyder, 2008].

Characteristic features of the women’s movement in modern US

Current women’s movement in the USA is notable for high social and political activity level. The third wave slogan “Being feminist, doing feminism” stresses the need for active efforts in achieving gender equity [Heywood, Drake, 1997].

A great number of publications are dedicated to conceptualization and comprehension of the third wave of the women’s movement. Among them are: Leslie L. Heywood who has put together a two-volume set “The Women’s Movement Today. An Encyclopedia of Third-Wave Feminism”; Barbara Findlen with “Listen Up. Voices from the Next Feminist Generation”; Marcelle Karp and Debbie Stoller with “The Bust Guide to the New Girl Order” [Karp, Stoller, 1999]; Jennifer Baumgardner and Amy Richards with “Manifesta. Young Women, Feminism, and the Future”; Daisy Hernandez and Bushra Rehman with “Colonize This! Young Women of Color on Today’s Feminism”; Rory Dicker and Alison Piepmeier with “Catching a Wave. Reclaiming Feminism for the 21st Century”; and Vivien Labaton and Dawn Lundy Martin with “The Fire This Time. Young Activists and the New Feminism” [Labaton, Martin, 2004].

All these works are hard to systemize, mainly because many of these texts are autobiographical narratives written from the first-person. Furthermore, these volumes demonstrate that whereas the third wave embraces a multiplicity of aspects of gender, sexual, race identities they largely avoid a unifying agenda. And for these reasons the women’s movement of the third wave is hard to standardize and unify.

The third wavers emphasize that they are a new generation and that they have their own distinctive version of feminism [Findlen, 2001].

They claim that their version of feminism is more inclusive and racially diverse than the second wave. One of the known researchers of the third wave Leslie Heywood defines the third wave feminism as “a form of inclusiveness” [Heywood, Drake, 1997].

The third wave feminism acknowledges not only the differences between women based on race [Thompson, 2002], social class [Tea, 2004], ethnicity and religion [Hernandez, 2002], but it also emphasizes different identities within a single person: bisexuality [Stuckey, 2015], and transgenderism [Wilchins, 2014].

Consequently, as multiple identities rather than gender identity are added into the modern feminist agenda, the systemizing of the modern women’s movement gets more complicated.

However, there is a number of specific features of the women’s movement typical of the modern development of American society.

With the development of the information and online technologies, one of the main characteristic features of the modern women’s movement in the United States and globally is the switch of the activism activities to the Internet.

Online is where feminist activists communicate and have their campaigns. Sometimes women's activism exists only online (posts in Twitter and Facebook) and sometimes activism moves onto the streets as was the case with the Women's March. But the popularization of feministic ideas and discussion of the pressing problems of the women's movement is happening mostly online [Gay, 2014].

Being shaped online and moving into the real world the women's movement can become a powerful social force. A good example is the MeToo movement created in the social media by activist Tarana Burke in 2006 who suggested online posting of sexual harassment stories with the hashtag MeToo to create the community of like-minded people who had been the victims of sexual abuse. Since 2017, after the Harvey Weinstein's case, it became a powerful force of women in their fight against discrimination and abuse all over the world.

On the one hand, the World Wide Web is uniting the likeminded women and allows each voice to be heard, and on the other hand, it creates the ideological disconnectedness and deprives the women's movement of the unified opinion on the contemporary gender issues.

The women's movement in the United States is distinguished by the lack of consolidation and coordination. There is still an ideological debate as for which wave is right and effective in achieving equity. Therefore, today we cannot talk about the women's movement as a unified social and political movement that reflects common goals and performs similar functions.

Furthermore, the movement has no unified social and demographic support base since different branches of feminism attract huge numbers of supporters of various ages, professions, and areas of residence.

Black feminism clearly stands out of Black Lives Matter, the largest scale movement today in the United States. Its representatives insist that black women are the most oppressed social group and their experience demands a thorough thought.

The second wavers widely criticize the third wavers arguing that the latter frequently overstate their distinctiveness while showing little knowledge of their own history. Second wave supporters declare that the third wave feminism comes down to the rebellion of young women against their mothers and that the new generation desires to have a feminism of their own, even though their political agenda — if they have one — remains quite similar to that of the second wave [Henry, 2004].

Another criticism of the women's movement of the third wave comes from the fact that while focusing on the individual experience related to the identity, sexual orientation and ethnicity, it moves away from the classic understanding of feminism as the fight against gender inequality and for the change of the patriarchal structure in favor of the gender equity in every area of the society. As they concentrate on the issues of specific social groups, modern feminists do not suggest solutions of reforming of the social and political system of the society as their predecessors of the first and second waves did [Crispin, 2017].

Since the third wave represents a diffuse movement without a clearly defined central goal, there's no single piece of legislation or major political change that could be the achievement of the third wave, in the way that the 19th Amendment belongs to the first wave.

Despite the lack of consolidation among the representatives of the third wave, the United States has an organized and active large scale national network of more than 100 women's organizations that have branches and offices in all the states. All of them play an important role in establishing of gender equity and in protection of women's rights.

Additionally, there are regional and local women's organizations in every state and in many counties. They are mostly shelters and hotlines for female victims of domestic violence.

The study of the information sources made it possible to compartmentalize the national women's organizations by their goals and functions.

Feminist organizations directly engaged in empowering women through service and defending women's rights, promoting equity in various spheres of society.

One of the largest feminist organizations founded in 1966 is *National Organization for Women* (www.now.org). It plays the most important role on the national level. The organization has 550 chapters in 50 US states and in Washington, DC. Its goal is to bring women into full participation in the American society exercising privileges and responsibilities in truly equal partnership with men. The six core issues that NOW addresses are: abortion and reproductive health services access; violence against women; constitutional equity; promoting diversity and ending racism; lesbian rights; and economic justice. To achieve its goals, the organization conducts lobbying, rallies, marches, and conferences.

Zonta International (www.zonta.org) is another organization with the important role in women's empowering process. It provides opportunities for women through a number of educational programs and awards.

Feminists for Life (www.feministsforlife.org) aims at achieving the core feminist values of justice, non-discrimination, and non-violence.

Feminist Majority Foundation (www.feminist.org) focuses on advancing legal, social and political equity of women and men; it recruits and trains young feminists to encourage future leadership for the feminist movement in the United States.

National Woman's Party (www.nationalwomansparty.org) advocates women's rights and educates the public about the social importance of the women's rights movement.

A very significant spot among the women's organizations in the USA is held by **non-government political organizations**. Many of them were formed in the years of the first wave and the suffrage movement. Today women's non-government political organizations unite adherents of both, democratic and republican parties. They provide assistance to campaigns of female candidates who run for the US Congress and Senate, and fight for compliance with the equal rights legislation.

EMILY's List (www.emilyslist.org) advocates for larger leadership roles for pro-choice Democratic women in the legislative bodies and executive seats.

National Federation of Republican Women (www.nfrw.org) empowers women in the political process and provides a forum for women to serve as leaders in the political, government, and civic areas; informs the public through political and legislative education, training and activity; and recruits, trains and elects Republican women candidates.

League of Women Voters (www.lwv.org) assists political leaders, shapes public policy, and promotes informed citizen participation at all levels of government.

Equal Rights Advocates (www.equalrights.org) fights for social justice to protect the rights and opportunities for women, girls, and transgender people through the legislative process.

Ladies of Liberty Alliance (LOLA) (www.ladiesofliberty.org) empowers female leaders and creates the network of libertarian women leaders who actively engage in public discourse, and draws new audiences to the political and societal changes needed to secure opportunities for women.

National Women's Political Caucus (www.nwpc.org) promotes increasing women's participation in the political process. It recruits, trains and supports pro-choice women candidates for elected and appointed offices at all levels of government.

Among the variety of the women's organizations we should note **professional women's organizations**, which are organized and operate to support women of the same or similar professions. Such organizations in the USA unite women radiologists (*American Association for Women Radiologists* — AAWR; www.aawr.org), women in journalism and PR (*Association for Women in Communications*; www.womcom.org), women in art (*Women's Caucus for Art*; www.nationalwca.org), and women in science, technology, engineering, and mathematics (STEM) (*Association for Women in Science* — AWIS; www.awis.org).

National Association of Professional Women (NAPW) (www.iawomen.com) is the largest business network for professional women in the United States, spanning virtually every industry and profession, with over 850,000 members from diverse backgrounds. It provides online and in-person network, presents speakers from various fields of expertise who are leaders in their industry.

Professional organization *National Association for Women in Education* (www.newg.org) organizes continuous education of its members, develops professional contacts, conducts scientific research, and promotes women in science and education.

The main goals of another professional women's organization, *Business and Professional Women's Foundation* (www.bpwfoundation.org) are development of women's entrepreneurship, continuous training and creation of successful workplaces for women.

American Association of University Women (www.aauw.org) fights to remove the barriers and biases that stand in the way of gender equity, trains women to negotiate for pay and benefits and to pursue leadership roles, advocates for federal, state and local laws and policies that would ensure equity and the end of the discrimination.

Women Employed (www.womenemployed.org) relentlessly pursues equity for women in the workforce by fighting for policy change, expanding access to educational opportunities, and advocating for fair and inclusive workplaces.

Youth organizations for girls have a special place in the women's movement. They aim at empowering, inspiring and supporting girls in education, sports, and at promotion of healthy lifestyles.

Big Sisters (www.bbbs.org) creates programs to prevent risky behavior, builds role models for young girls, and supports them in education and hobbies.

Girls on the Run (www.girlsontherun.org) has various programs to develop personal potential, emotional intelligence and leadership skills of young women, helps fight bullying, and empowers girls to build healthy physical and mental habits that last long beyond the program.

Girl Scouts of the United States of America (www.girlscouts.org) is a leadership organization that provides girls with the opportunities to develop personal potential, to prepare them for a lifetime of leadership.

Girls Who Code (www.girlswhocode.com) works to encourage girls to master computer science and to choose STEM careers.

A special spot among women's organizations belongs to **religious organizations for women** that unify women on the basis of faith values. They provide religious education and mentorship, advocate and support victims of domestic violence. One of the oldest and largest religious women's organizations is *Young Women's Christian Association USA* (YWCA) (www.ywca.org). It serves more than 2 million women, girls and their families. Each year YWCA helps more than 500,000 women with safety services, including sexual assault survivor support programs, emergency shelters for survivors of domestic violence, crisis hotlines, counseling and court assistance. The organization also serves more than 260,000 women and girls with economic empowerment programs.

Catholic Daughters of the Americas (www.catholicdaughters.org) promotes the principle of faith in promotion of justice, equity and advancement of human rights and human dignity for all.

Woman's Missionary Union (WMU) (www.wmystore.com) is the largest Protestant missionary organization for women in the world with a membership of approximately 1 million. It unites more than 30 women's religious organization in the nation. It offers an array of resources including conferences, ministry ideas and models, volunteer opportunities, and leadership training.

Concerned Women for America (www.concernedwomen.org) protects and promotes Biblical values and Constitutional principles of equality of all people and sanctity of human life through various missionary and education programs.

A special place in the women's movement is held by the **African American women's organizations**. They have various goals like fighting for and achieving of equal rights and equal opportunities for black women in education and professional development (*Association of Black Women Historians*, *Collegium of Black Women Philosophers*), protection of reproductive rights and freedoms (*African-American Women for Reproductive Freedom*), etc.

The two largest organizations of black women in the United States are the *National Coalition of 100 Black Women* and the *National Council of Negro Women*. The first organization is a united voice for more than 20 million black women in the United States throughout 60 chapters in 28 states. The organization provides the communication network for black women in their personal and professional development. The second organization advocates for women of African descent, their families and communities; promotes education with a special focus on STEM; encourages entrepreneurship, financial literacy and economic stability; educates women about good health and HIV/AIDS; promotes civic engagement of black women in social life.

This is only a small enumeration of the women's organizations that work on the US national level. The list can go without end because a huge number of organizations work on the state and local levels.

As we can see, the modern network of women's organizations manifests and advocates the interests of women in various spheres of the society. Since women's

organizations represent various social groups, ages, professions and interests, they cannot be unified based on socio-demographic profiles.

However, we have all grounds to state that the women's organizations in the USA are an important and integral component of the civic society. They consolidate large social groups in achieving of their goals and are capable of significant impact on the political processes and of being affluent participants of legislative process.

Summarizing the results of the research we can conclude that the women's movement in the United States has a long and rich history that dates back more than hundred years and at the same time it is still in the making. We can witness the emerging and development of the fourth wave of the women's movement represented by a new generation of Z. We can not but agree with a number of researches that in all likelihood the majority of the feminist activism will move into the Web and will be developing based on Internet platforms.

As the analysis shows, the modern women's movement lacks cohesion and common idea that could consolidate various social groups as was seen in the periods of the first and the second waves. At the same time, as evidenced by the recent events (MeToo movement, the Women's March), the modern American women's movement creates new concepts and sets the modern feminist agenda, becomes a powerful social and political force capable of making changes to the existing patriarchal structure of the society.

The modern American women's movement faces some vital unresolved challenges — ratification of the United Nations Convention to End All Forms of Discrimination Against Women, lobbying of Equal Rights Amendment on equal rights of men and women in the society, securing women's reproductive rights, narrowing the gender gap in political sphere and in labor compensation.

In this context, it is fair to assume that if the women's movement of the United States is able to withdraw from internal debates, to consolidate and to concentrates on fighting institutional causes of gender inequity, it has every reason to become a powerful and constructive force capable of having impact on the society globally and of hastening the establishment of gender equity not only in the USA but worldwide.

References

- Aikau, H. K., Erickson, K. A., Pierce, J. L. (eds) (2007) *Feminist Waves, Feminist Generations: Life Stories from the Academy*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Backhouse, C., Flaherty, D. H. (eds) (1992) *Challenging Times: The Women's Movement in Canada and the United States*, Quebec: McGill-Queen's University Press.
- Baumgardner, J., Richards, A. (2000) *Manifesta: Young Women, Feminism, and the Future*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Butler, J. (2004) *Undoing Gender*, New York: Routledge.
- Crenshaw, K. (2017) *On Intersectionality: Essential Writings*, New York: The New Press.
- Crispin, J. (2017) *Why I Am Not a Feminist: A Feminist Manifesto*, New York: Melville House.
- Darms, L. (2013) *The Riot Grrrl Collection*, New York: The Feminist Press at the City University of New York.
- Dicker, R. (2008) *A History of U. S. Feminisms*, Berkeley: Seal Press.
- Dicker, R., Piepmeier, A. (eds) (2003) *Catching a Wave: Reclaiming Feminism for the 21st Century*, Boston: Northeastern University Press.

- Evans, S. M. (2004) *Tidal Wave: How Women Changed America at Century's End*, New York: Simon and Schuster.
- Farber, D. (2004) *The Sixties Chronicle*, Lincolnwood: Publications International.
- Findlen, B. (ed.) (2001) *Listen Up: Voices from the Next Feminist Generation*, New York: Seal Press.
- Friedan, B. (1963) *The Feminine Mystique*, New York: W. W. Norton & Company.
- Gay, R. (2014) *Bad Feminist*, New York: Harper Perennial.
- Hanisch, C. (1969) The personal is political, in: Firestone, Sh., Koedt, A. (eds), *Notes from the Second Year: Women's Liberation*, New York: Radical Feminism, pp. 76—78.
- Henry, A. (2004) *Not My Mother's Sister: Generational Conflict and Third Wave Feminism*, Bloomington: Indiana University Press.
- Hernandez, D., Rehman, B. (eds) (2002) *Colonize This!: Young Women of Color on Today's Feminism*, New York: Seal Press.
- Heywood, L. L. (ed.) (2006) *The Women's Movement Today: An Encyclopedia of Third-Wave Feminism*, vol. 1, A—Z; vol. 2, Primary Documents, Westport, CT: Greenwood.
- Heywood, L., Drake, J. (1997) *Third Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Humm, M. (1990) *The Dictionary of Feminist Theory*, Columbus: Ohio State University Press.
- Karp, M., Stoller, D. (eds) (1999) *The Bust Guide to the New Girl Order*, New York: Penguin Group.
- Labaton, V., Martin, D. L. (eds) (2004) *The Fire This Time: Young Activists and the New Feminism*, New York: Anchor Books.
- Lewis, J. J. (2019) Feminist organizations of the 1970s: American women's rights organizations of the second wave, *ThoughtCo*, available from <https://www.thoughtco.com/top-feminist-organizations-of-the-1970s-3528928> (accessed 30.07.2020).
- Patterson, J. T. (1996) *Grand Expectations: The United States, 1945—1974*, New York: Oxford University Press.
- Rampton, M. (2015) *Four Waves of Feminism*, available from <https://www.pacificu.edu/magazine/four-waves-feminism> (accessed 30.07.2020).
- Snyder, R. C. (2008) What is third-wave feminism?: A new directions essay, *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 34, no. 1, pp. 175—196.
- Stuckey, R. (2015) *Sexual Orientation and Gender Identity*, Saint Catherine's: Crabtree Publishing Company.
- Tea, M. (ed.) (2004) *Without a Net: The Female Experience of Growing Up Working Class*, Emeryville: Seal Press.
- The Global Gender Gap Report 2020* (2020), available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed 30.07.2020).
- Thompson, B. (2002) Multiracial feminism: recasting the chronology of second wave feminism, *Feminist Studies*, vol. 28, no. 2, pp. 336—360.
- Walker, R. (1992) Becoming the third wave, *Ms.*, vol. 2, no. 4, pp. 39—41.
- Wilchins, R. (2014) *Queer Theory, Gender Theory*, New York: Riverdale Avenue Books.

Статья поступила 24.09.2020 г.

Information about the author / Информация об авторе

Zadvornova Yuliya — PhD in Social Science, attendee, University of California, Sacramento, USA, yulia-zadvornova@mail.ru (кандидат социологических наук, слушательница, Калифорнийский университет, г. Сакраменто, США).

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 33—43
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.3

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 33—43
ББК 66.74(2Рос.Хак)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.3

ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХАКАСИИ

З. В. Анайбан

Институт востоковедения, Российская академия наук, г. Москва,
Россия, anayban@mail.ru

Статья посвящена исследованию истории формирования и особенностям функционирования современных женских союзов в Республике Хакасия. Анализ деятельности имеющихся в регионе женских общественных организаций показал, что женское движение в постсоветской Хакасии за прошедшие четверть века можно характеризовать как значимое явление в жизни республики. Подавляющее большинство из них, как и прежде, имеют явную социальную и гуманитарную направленность. Недостаточная сегодня эффективность и результативность работы женских объединений обусловлена их несплоченностью и разобщенностью действий. Эмпирическую базу исследования составили материалы официальной статистики, а также данные, хранящиеся в архивах местных женских организаций.

Ключевые слова: Хакасия, женские общества, лидеры, социальная помощь, общественно-политическая активность.

WOMEN'S PUBLIC SOCIETIES IN CONTEMPORARY KHAKASSIA

Z. V. Anayban

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, anayban@mail.ru

This article is devoted to studying the contemporary women's unions history of formation as well as functioning in a single region of the Russian Federation — the Republic of Khakassia. At the same time, special attention is devoted to those whose activities in the socio-political and cultural life of the Republic, from our point of view, are currently most noticeable. The analysis of women's public organizations activities in this region has shown that the women's movement in Post-Soviet Khakassia over the past quarter of a century, despite all the difficulties of formation and development, can be characterized as a significant phenomenon

in the life of the Republic. Today the vast majority of them, like before, have obvious social and humanitarian orientation. Despite the fact that almost all women's societies currently operating in the territory of this region have their own political slogans, their main activity is still limited to helping the needy and socially vulnerable. However, the lack of efficiency and effectiveness of women's associations is largely due to their lack of integrity and lack of unanimity of actions. In addition, the level of involvement of the Republic's residents in women's movements and their socio-professional composition leaves much to be desired. According to our research, the vast majority of women, mainly residents of rural areas, unfortunately, do not take any part in the social life of the region. The empirical base of the study is built upon official statistics obtained from the Ministry of Justice and the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia, as well as materials stored in the archives of local women's organizations. Besides, the results of our interviews with the leaders and most active participants of these associations have been particularly valuable.

Key words: Khakassia, women's societies, leaders, social assistance, public and political activity.

Прошло почти три десятка лет со времени появления и формирования в России разного рода общественно-политических партий и движений, отличающихся от таковых в предыдущий советский период разнообразием форм и содержанием деятельности. Их наличие и численность являются своего рода характеристикой гражданской активности населения.

В статье делается попытка показать историю формирования и особенности функционирования современных женских объединений в Республике Хакасия. При этом отдельное внимание уделено тем из них, деятельность которых в общественно-политической и культурной жизни республики, с нашей точки зрения, на сегодняшний день наиболее заметна.

Эмпирическую базу исследования составили материалы официальной статистики, полученные в Министерстве юстиции и Министерстве национальной и территориальной политики Республики Хакасия, а также материалы, хранящиеся в банке данных (текущих архивах) местных женских организаций. Кроме того, особую ценность для нас представили результаты интервью с лидерами и наиболее активными участниками отдельных объединений. Помимо этого, нами использованы результаты экспертного опроса в Хакасии 2019 г., в числе задач которого было изучение мнения опрошенных относительно действующих общественных объединений. В этой связи мы обратились к тем, кто, на наш взгляд, лучше других знает и может аргументированно судить о сложившейся на данный момент ситуации: работникам профильных государственных органов, политикам, ученым, журналистам. В результате по специально разработанной анкете нами было опрошено (методом интервью) 25 экспертов.

Отметим, что обращение к названной теме исследования обусловлено в первую очередь тем, что, несмотря на актуальность и важность, эта проблема в ряду современных российских гендерных изысканий применительно к ее региональной составляющей все еще недостаточно изучена и по сей день не значится в ряду приоритетных. Кроме того, необходимость изучения в обозначенном ракурсе продиктована слабой включенностью женщины в современные общественно-политические процессы республики, сохраняющимися различиями

в положении мужчин и женщин в важнейших сферах жизнедеятельности. Между тем дальнейшее развитие и совершенствование в России правовых демократических основ невозможно без широкого и полноценного участия женщин в этих процессах, что в том числе предопределяет необходимость серьезного анализа масштабов и степени вовлеченности женщин в общественную жизнь. В этой связи необходимость исследования в разных российских регионах тех или иных современных гендерных проблем, включая вопросы состояния и развития женских движений на местах, с учетом их социально-экономической и этнокультурной специфики приобретает особую значимость.

Следует сказать, что, говоря о женских движениях, мы разделяем точку зрения О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой, определяющих их как «совокупность многих женских организаций, групп и объединений с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения какого-либо материального, социального, политического, духовного и иного интереса, корректировки государственной политики с целью достижения гендерного равенства — фактического равноправия женщин и мужчин в различных сферах общественной жизни» [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 10—11]. Основные цели российского женского движения на современном этапе формулируются следующим образом: представить достижения и выявить проблемы в соблюдении прав женщин, предложить способы решения этих проблем, обратить внимание государственной власти на необходимость увеличения инвестиций в человеческий капитал и соблюдения принципа равных прав и равных возможностей женщин и мужчин [Тончу, 2009: 498].

В настоящее время в Республике Хакасия действует множество разных объединений, движений и партий. По состоянию на начало 2020 г. в Министерстве юстиции республики было зарегистрировано 711 некоммерческих организаций, в том числе 376 общественных объединений [Список общественных объединений, 2020: 6]. На протяжении многих лет наблюдается тенденция постепенного роста их численности. В общем числе зарегистрированных некоммерческих организаций республики наиболее широко представлены объединения, действующие в сферах спорта и туризма (18,4 %), образования и культуры (16,2 %), религиозные (16,5 %). Здесь немало профсоюзных организаций (11,9 %), а также работающих в области социальной защиты и защиты семьи (11,4 %). Удельный вес политических организаций достигает 3,7 %, обществ этнической и этнокультурной направленности — 4,2 %, правозащитных — 2,5 %, казачьих — 2,0 %, других — 13,2 % [Отчет о работе... , 2020: 36]. В отчете Министерства национальной и территориальной политики за 2019 г. сказано, что «общественные организации Республики Хакасия объединяют более 100 тыс. человек. Многие из таких организаций ведут активную, конструктивную работу, реализуя социально значимые проекты в самых разных сферах» [там же: 43]. Численность женщин в составе официально оформленных в Хакасии общественно-политических партий и движений достигает чуть более трети (35 %). Это примерно столько же, сколько было 15 лет назад — в начале 2000-х (32 %). Вместе с тем этот показатель все же заметно меньше, чем в середине 90-х [Анайбан, 2005: 163]. Между тем известно, что важным признаком способности общественной системы к модернизации — переходу от традиционного уклада

к укладу современному — является возникновение различных форм женской гражданской активности, включая активность политическую.

В общем списке официально зарегистрированных в Министерстве юстиции республики общественных организаций доля женских объединений в наши дни едва достигает 2 % (8 из 376). В их числе лига хакасских женщин «Алтынай», «Клуб деловых женщин», «Союз женщин России в Республике Хакасия», региональное отделение Всероссийского женского союза «Надежда России» Республики Хакасия, «Союз православных женщин Хакасии», региональное отделение общероссийской общественной организации «Деловые женщины России», региональное отделение общероссийского общественного движения «За права женщин России», региональное отделение Всероссийского общественного движения «Матери России» Республики Хакасия. В то же время в аналитической записке Министерства национальной и территориальной политики «Об общественно-политической ситуации в Республике Хакасия» в разделе, где дается классификация действующих в это время общественных организаций, к числу женских отнесены только 5 из них [Об общественно-политической ситуации... , 2014: 14]. При этом конкретно, «поименно» эти 5 обществ нигде не названы, если не считать упоминания в Приложении этого же материала, где идет речь о наиболее влиятельных и активных объединениях, 2 из них — лиги хакасских женщин «Алтынай» и «Клуба деловых женщин Республики Хакасия», о которых лишь сказано, что в политическом аспекте они занимают нейтральную позицию. Более того, во время нашей беседы с начальником отдела этого Министерства, курирующего в настоящее время работу с местными общественными организациями, выяснилось, что конкретно женскими обществами они не занимаются и соответственно не отслеживают их деятельность. Безусловно, данное обстоятельство не может не вызывать, по меньшей мере, недоумение. Вместе с тем, как видно из отчетов и других документальных материалов названной организации, много внимания ею уделяется религиозным и национально-культурным объединениям, при этом никак не освещается и не анализируется, т. е. практически игнорируется, работа женских объединений. Можно было предположить, что по роду деятельности отчасти они были отнесены к этническим или культурным объединениям. Однако и в таком ракурсе они не значатся. С нашей точки зрения, в большей степени этот факт обусловлен тем, что, как было подчеркнуто в упомянутом отчете, «Миннацполитики Хакасии осуществляет взаимодействие со многими из действующих в республике некоммерческих организаций, прежде всего с профильными, определенными распоряжением Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия от 07.08.2012 № 134-рп национальными и религиозными организациями» [Отчет о работе... , 2020: 44].

Между тем с течением времени можно констатировать, что из всего разнообразия существующих в Республике Хакасия общественных организаций к числу наиболее заметных и деятельных следует по праву отнести и женские объединения. Неслучайно, по данным названного экспертного опроса, в ряду тех немногих известных партий и движений, которые являются реально функционирующими, чаще других называли именно женские общества.

Исходя из анализа деятельности женских общественных движений в постсоветской Хакасии, можно условно выделить два периода их развития. Один — с начала 90-х гг. прошлого столетия до начала 2000-х — был ознаменован формированием первых женских объединений, а также их дальнейшим организационным становлением, определением главных целей и задач деятельности. Известно, что главным импульсом их появления послужили политические и экономические преобразования того времени. Чтобы выжить в создавшихся непростых условиях, поскольку государство по существу дистанцировалось от решения социальных последствий проводимых реформ, женщины проявили гражданскую активность и предприимчивость. Именно на этом этапе у них возникла потребность объединиться и совместными усилиями преодолевать житейские невзгоды. Как подчеркивали специалисты по гендерной проблематике, именно постсоветский этап развития российской государственности в полной мере раскрыл потенциал женской инициативы, что дало основание говорить о становлении «нового женского движения» [Хасбулатова, 2005: 346]. С одной стороны, оно было связано с начавшимися демократическими процессами в стране, с другой — с индифферентным отношением государственных структур к положению, в котором оказалось на тот момент население вообще и женщины в частности. Это была своего рода реакция на проводимые социально-экономические трансформации. Вместе с тем женские союзы этого периода характеризуются не только ограниченностью направлений своей работы, но и определенной несогласованностью и разобщенностью в действиях.

Основной целью этих объединений на первых порах было оказание помощи наиболее обездоленным, социально незащищенным слоям населения. Одним из первых женских объединений Хакасии постсоветского периода был «Клуб деловых женщин». В его уставе, который фактически остается неизменным со дня основания, уже три десятилетия (1991 г.), говорится, что в числе основных задач его деятельности находится благотворительность, помощь детям-сиротам, оказавшимся без попечения родителей. С первых дней создания «Клуб деловых женщин» взял шефство над детскими домами и школами-интернатами. Как нам сказала одна из активных членов клуба О. А. Левченко, все держалось на собственном энтузиазме, никто со стороны не помогал, необходимое для нуждавшихся приобреталось из личных средств. В то же время членами клуба осуществлялись попытки поддержки женского предпринимательства, развития деловых качеств женщин.

Ветераном женского движения в республике является также лига хакасских женщин «Алтынай», созданная в 1994 г. Изначально, в трудные пореформенные годы, основные инициативы членов лиги были направлены на оказание помощи малообеспеченным семьям. С этой целью они осуществляли сбор разных средств, начиная с книг и заканчивая одеждой и продуктами. Понятно, что большую работу организация проводила и проводит по сей день, прежде всего, в сельской местности. В этом плане стала уже традиционной благотворительная акция ««Алтынай» — селу»; выезды в сельские районы республики осуществляются совместно с приглашенными специалистами разного профиля.

Этот период отмечен также и появлением в регионе таких женских организаций, которые в своих программных документах декларировали идеи

гендерного равенства, участия женщин наравне с мужчинами в общественно-политической жизни страны, защиты их прав в период экономического кризиса. Как подчеркивала исследовательница российской гендерной проблематики Н. Л. Пушкарева, именно радикальные реформы начала 90-х гг. изменили позиции женщин в обществе, создали условия для возникновения новых форм женского движения; женщины стали добиваться не просто формально-юридического, но реального гендерного равенства [Пушкарева, 2007: 433]. Здесь следует назвать «Союз женщин России в Республике Хакасия», образованный в 1991 г. на базе комитетов советских женщин, региональное отделение общероссийского общественного движения «За права женщин России», региональное отделение общероссийской общественной организации «Деловые женщины России». Первая из названных работает под руководством «Союза женщин России». Основная задача этой организации — повышение социальной роли и улучшение положения женщин в обществе, содействие в росте их общественно-политической активности. Важным мотивом для участия в работе этого объединения является желание помочь обездоленным. Особое место в деятельности женских союзов отводится поискам путей и способов наименее безболезненной адаптации женщин к новым условиям жизни, к рыночным отношениям. Ими также делаются первые шаги по налаживанию делового сотрудничества со структурами исполнительной и законодательной власти республики.

Второй период, характеризующийся развитием тех организаций, которые наиболее активно заявили о себе на первом этапе, расширением масштабов их деятельности, дальнейшим определением путей и форм действия в условиях гражданского общества, относится к последним 15 годам (с начала 2000-х по настоящее время). Вместе с тем активизация деятельности отдельных национальных женских движений и объединений, отмечаемая на первых этапах преобразовательных процессов, в эти годы постепенно пошла на спад, их энтузиазм несколько убавился и в итоге некоторые из них существуют лишь формально. Показательно, что, например, «Клуб деловых женщин» и женский союз Республики Хакасия «Надежда России» на определенное время даже прекратили свою деятельность и вновь возродились относительно недавно. В итоге в настоящее время на плаву остались самые жизнестойчивые.

В перечне наиболее заметных и реально действующих сегодня женских обществ назовем прежде всего лигу хакасских женщин «Алтынай», «Союз женщин Хакасии», а также «Клуб деловых женщин». По национальному составу первое из них чисто хакасское, два других — этнически смешанные. Различаются они как формой и структурой, так и численностью и социально-профессиональным составом. Если общее количество членов лиги — чуть более 100 человек, состоящих в комитетах, находящихся в разных районах республики (кроме Богградского района), то «Союз женщин Хакасии» состоит из 13 женских советов, каждый из которых насчитывает от 20 до 30 человек. Эти советы расположены в 5 городах и 8 районах республики. Несмотря на то что членства как такового нет, общая численность этой организации на сегодняшний день достигает 2,5 тыс. человек. Что касается «Клуба деловых женщин», здесь всего 14 человек. Отметим, что основное отличие его в том, что его членами являются

исключительно женщины, занимающиеся бизнесом. Это сообщество достаточно закрытое, желающие вступить в его ряды должны пройти испытательный срок.

Женщины-активистки первых двух объединений по своему социальному положению всегда были очень разные, начиная с руководителей республиканской или районной администрации, людей творческой профессии и заканчивая домохозяйками. И все же основной костяк традиционно составляют представители интеллигенции. Говоря о составе женских обществ, следует заострить внимание и на такой проблеме, как малочисленность молодежи, на что обращали внимание многие из опрошенных. С другой стороны, отрадно заметить, что в хакасских союзах до сих пор работают женщины, которые стояли у истоков их появления и которым уже за 80 лет.

Не секрет, что одной из приоритетных задач любого из действующих в настоящее время местных общественных объединений является своего рода реклама, агитация и привлечение к работе молодых женщин. И тут реальную помощь могли бы оказать различные СМИ, информируя население о существовании и деятельности этих обществ. Увы, единственный печатный орган за всю историю женского движения в Хакасии — одноименная газета лиги «Алтынай» — несколько лет назад прекратила существование. Кстати, по результатам названного опроса, подавляющее большинство экспертов (83 %), называя наиболее активные и действенные женские общественные объединения, при этом добавляли, что все же основная масса местных жителей региона не знает ни об их существовании, ни об их работе.

По признанию президента лиги «Алтынай» Т. А. Майнагашевой, председателя «Союза женщин России в Республике Хакасия» Л. П. Безлепкиной и президента «Клуба деловых женщин» Н. А. Романюк, на данном этапе направление их действий существенно изменилось, стало шире и разнообразнее. Сегодня оно включает вопросы, связанные с отстаиванием прав и статуса женщин в обществе, устранением гендерного неравенства, достойным представлением женщин в органах власти. Отдельное внимание они уделяют образовательному и культурному аспектам, особенно в сельской среде. В вопросах просвещения непосредственно женской аудитории для них особую значимость имеют идеи гендерного равенства. Президент «Алтынай» отметила, что в последнее время «серьезной болью» для них является экологическая проблема. Так, в целях улучшения экологической ситуации они периодически посещают те или иные промышленные объекты республики, отходы которых загрязняют природную среду. Например, летом 2019 г. представители лиги посетили угольное предприятие — разрез Майрыхский, чтобы убедиться, что условия добычи угля, как заверяет руководство, экологически безвредны. Таким образом, поле деятельности женских организаций Хакасии сейчас охватывает практически все сферы жизнедеятельности хакасского социума.

Как записано в уставе «Алтынай», в числе основных ее задач значатся повышение общественно-политического самосознания женщин; взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления Республики Хакасия по решению проблем женщин, семьи, молодежи, детей и участие в реализации соответствующих федеральных и республиканских программ; участие хакасских женщин в развитии традиционных отраслей хозяйствования, сохранении

и развитии культуры, языка хакасского народа; укрепление мира, дружбы и согласия между народами, проживающими в Хакасии, предотвращение социальных, национальных и религиозных конфликтов; занятие благотворительной деятельностью [Хакасская республиканская общественно-политическая организация... , 2020: 2]. Особый акцент в работе делается на решении тех или иных этнических проблем, в числе которых дальнейшее развитие национальной культуры, традиций и обычаев, сохранение и повышение статуса родного языка хакасов, а также продвижение женщин — представителей титульного этноса республики — в разные структуры местной власти.

Надо признать, что в целом названные женские союзы Хакасии живут сегодня интересной и насыщенной событиями жизнью. Они регулярно участвуют в различных общественных республиканских мероприятиях, а также сами организуют слеты, встречи, конференции. Например, в 2019 г. «Алтынай», отмечая 25-летие со дня образования, сообща с другими объединениями провела межрегиональную конференцию «Семья и материнство как этнокультурное наследие коренных народов Сибири». Добавим, что в этот период были установлены контакты между имеющимися женскими сообществами республики, которые выражались прежде всего в организации и реализации совместных мероприятий. При этом надо заметить, что единения между ними пока не наблюдается.

Как и раньше, в целях решения тех или иных вопросов женскими союзами используются разные возможности, начиная с проведения благотворительных акций и заканчивая участием в грантовых конкурсах и обращением по этому поводу к спонсорам. Правда, в этом плане некоторое исключение составляет «Клуб деловых женщин», который самофинансируется (как сказала его руководитель, «денег ни у кого не просим»).

Тем не менее, с точки зрения активистов названных объединений, из-за неблагоприятной социально-экономической ситуации до сих пор вся деятельность местных женских обществ в основном сосредоточена на социальных проблемах. Так, например, «Алтынай» на протяжении многих лет принимает активное участие в решении проблем женской безработицы в регионе. Не так давно, благодаря вмешательству регионального «Союза женщин», был решен дискуссионный вопрос с изменением статуса участковых больниц и закрытием малокомплектных школ на селе. Для «Клуба деловых женщин» стали традиционными поездки по республике: его члены проводят мастер-классы, делятся профессионально-деловым опытом и по возможности помогают трудоустроиться потерявшим работу. По их инициативе не так давно удалось открыть в столице республики онкологический диспансер с первой операционной. Общими усилиями женских организаций в наиболее проблемных районах были созданы специальные кабинеты по профилактике алкоголизма и наркомании. Безусловно, в известной степени всему этому способствовало установление деловых контактов с разными структурами государственной власти и местного самоуправления республики.

Однако, не отрицая важности и необходимости того, что делается женскими обществами, мы считаем, что их действия все же носят лишь адресный характер; как правило, ими решаются конкретные вопросы; к сожалению, нет общего анализа проблем и разработанных на этой основе предложений по их решению.

Что касается вовлеченности женских объединений в политическую жизнь региона, до недавнего времени это зачастую ограничивалось участием в выборных кампаниях, связанным с обращением к ним какой-либо партии за поддержкой, что, кстати, кроме всего прочего, в известной степени свидетельствует об отношении властей предрезающих к женским обществам и гендерной политике вообще. Несколько особняком в этом ряду стоит женский союз Республики Хакасия «Надежда России». Как сказала его председатель Л. А. Кауфман, их воспринимают не как общественное объединение, а как часть партии КПРФ, так как они работают в тесном сотрудничестве с этой партией, поскольку союз собственно и создавался «для пропаганды коммунистических идей в женской среде». В последнее время на политическом поприще несвойственную им ранее инициативность проявили женщины «Алтынай». Так, в период выборной кампании осенью 2018 г. они активно выступили против избрания на пост главы региона коммуниста В. Коновалова. В этой связи ими были организованы протестные митинги, разного рода обращения и воззвания, выступления на радио и телевидении. При этом в качестве основного аргумента неподдержки этого претендента чаще всего звучало незнание и непонимание им специфики национально-культурных проблем титульного этноса республики.

Итак, анализ деятельности имеющихся в регионе женских общественных организаций показал, что женское движение в постсоветской Хакасии за прошедшие четверть века при всех трудностях становления и развития можно характеризовать как значимое явление в жизни республики. В процессе их функционирования наряду с общероссийскими выявились и специфические, характерные для этого региона особенности. Сегодня подавляющее большинство из них, как и прежде, имеют явную социальную и гуманитарную направленность. Несмотря на то что практически у всех действующих в настоящее время на территории республики женских организаций имеются свои политические лозунги, все же основная их деятельность по-прежнему сводится к тому, чтобы помочь нуждающимся, социально незащищенным.

Исследуя различные аспекты деятельности женских движений в Российской Федерации, многие специалисты указывали на их недостаточную организованность и политизированность. Такое утверждение в полной мере относится и к женским движениям Хакасии. Некоторое исключение в этом плане составляют лига «Алтынай» и женский союз Республики Хакасия «Надежда России». На наш взгляд, большей эффективности и результативности работы женских союзов в регионе в какой-то мере мешает разобщенность их действий. В данном случае, возможно, сказывается отсутствие единой для всех женских сообществ идейной платформы и общего авторитетного лидера. Определенную роль здесь играет и тот факт, что, несмотря на отмечаемый позитивный сдвиг в отношениях женских объединений с властными структурами, последними все еще до конца не изучены и не установлены формы и способы их взаимодействия. Вместе с тем, как показывает эмпирический материал, женские союзы Хакасии сами не проявляют в должной мере инициативность в обсуждении и решении тех или иных злободневных вопросов как страны, так и республики, в числе таковых и поправки к Конституции, и пенсионная реформа, и проблема дальнейшего социального расслоения общества, и др. Справедливости ради скажем, что отчасти

это обусловлено непредставленностью женских объединений в Верховном Совете и Правительстве Республики Хакасия, что, кроме всего прочего, служит еще одним свидетельством явно недостаточного внимания местной власти к женским сообществам.

Оставляет желать лучшего степень вовлеченности жителей республики в женские объединения и их социально-профессиональный состав. Подавляющее большинство участниц, независимо от места проживания (город или село), — представители местной интеллигенции. Основная же часть женщин, главным образом жительницы сельской местности, по-прежнему остаются в стороне, не вовлеченными в активную общественную жизнь. Существенно препятствует налаживанию результативной работы и нехватка финансовых средств. Назрела объективная необходимость в перманентной финансовой поддержке женских обществ со стороны правительственных структур.

Хочется надеяться, что в обозримой перспективе роль и значимость женского движения в дальнейшем становлении демократического общества на всем общероссийском пространстве, в том числе и в Хакасии, будет возрастать.

Библиографический список

- Анайбан З. В.* Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. 243 с.
- Об общественно-политической ситуации в Республике Хакасия за I квартал 2014 г.: ежеквартальная аналитическая записка. 2014. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/1146/2052.html> (дата обращения: 10.02.2020).
- Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2019 г. 2020. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/100831.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Список общественных объединений: материалы Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия. 2020. URL: <https://hakasiya-respublika.catalogy.ru/firms/obschestvennye-organizatsii-193.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- Тончу Е.* Женщина и общество. М.: ТОНЧУ, 2009. 552 с.
- Хакасская республиканская общественно-политическая организация «Лига хакасских женщин “Алтынай”»: историческая справка. 2020. Ф. 916. 3 с. URL: <https://archive.culture19.ru/fund/10000156299> (дата обращения: 02.03.2020).
- Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 255 с.

References

- Anaïban, Z. V. (2005) *Zhenshchiny Tuvy i Khakasii v period rossiïskikh reform* [Women of Tuva and Khakassia during the period of Russian reforms], Moscow: Institut vostokovedeniia Rossiïskoï akademii nauk.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiïskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khazbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia: (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteïia.
- Tonchu, E. (2009) *Zhenshchina i obshchestvo* [Woman and society], Moscow: TONCHU.

Статья поступила 13.08.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Анайбан Зоя Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия, anayban@mail.ru (Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 44—55
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.4

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 44—55
ББК 66.4(6)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.4

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО ПАРИТЕТА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВАХ СТРАН АФРИКИ

Л. Я. Прокопенко, Т. С. Денисова

Институт Африки, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, skole60@mail.ru

Рассматривается гендерная ситуация во внешнеполитических ведомствах африканских государств. Исследована ретроспектива гендерных изменений в дипломатии в годы независимого развития стран континента, изучены причины высоких показателей представительства женщин в министерствах иностранных дел и посольствах ряда государств, а также политика формирования дипломатических кадров. Особо выделена деятельность министров иностранных дел; рассмотрены биографии и политические карьеры некоторых африканских женщин-дипломатов. Отмечаются характерные трудности, возникающие в их работе. Статья расширяет представление о вкладе африканских женщин-дипломатов в развитие политических, экономических и культурных отношений с Россией.

Ключевые слова: страны Африки, дипломатия, внешнеполитическое ведомство, кадровая политика, гендерный паритет, квоты, министры иностранных дел, послы, имидж страны, Россия.

GENDER PARITY IN THE FOREIGN SERVICES OF AFRICAN COUNTRIES

L. Ya. Prokopenko, T. S. Denisova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, skole60@mail.ru

The paper considers the gender situation in foreign ministries of African states. The authors investigate the history of gender changes in diplomacy in post-colonial Africa and the reasons for the high representation of women in foreign ministries and embassies of certain states, as well as policies for the recruitment of diplomatic personnel. The present paper pays special attention to the activities of foreign ministers and examines biographies and political

---

careers of individual African women diplomats. The authors note the typical challenges the latter face in their work. Furthermore, the article broadens the understanding of the contribution of African women diplomats to the development of political, economic and cultural relations with Russia.

Key words: African countries, diplomacy, foreign service, personnel policy, gender parity, quotas, foreign ministers, ambassadors, country image, Russia.

Государства, обладающие системой политического управления, основанного на партнерстве мужчин и женщин, могут рассчитывать на более высокую степень развития и стабильности. Тема гендерного измерения международных отношений остается актуальной для современного общества. Преодоление стереотипов, касающихся сфер, в которых могут работать женщины, началось в середине XX в.*, стало мировым трендом и обсуждается как исследователями, так и самими дипломатами.

В ряде стран африканского континента меняется подход к существующей тенденции чрезмерного представительства мужчин в дипломатии, легитимации формальных запретов, в том числе исключению женщин из внешней политики. Иными словами, меняется гендерная структура дипломатии (увеличивается число участвующих в ней женщин), о чем свидетельствуют результаты гендерного аудита, проводимого в министерствах иностранных дел.

Журнал «Женщина в российском обществе» справедливо уделяет внимание гендерной составляющей дипломатических кадров как показателю гендерной ситуации в обществе. Актуальность этой темы, в частности, отмечается в статье Е. В. Воеводы, В. М. Морозова и В. В. Карпова «Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе» (2018, № 4). Авторы отмечают, что одним из важных условий эффективной коммуникации между дипломатами является соотносимость их гендерного состава, и в пример приводят некоторые африканские страны, успешно действующие в этом направлении. Положительная тенденция, отмеченная коллегами из МГИМО МИД РФ, — лишь часть общих гендерных изменений, которые в последние десятилетия произошли во многих странах Африки, в том числе в сфере формирования кадров дипломатических представительств.

В сложившихся геополитических условиях вектор внешней политики России повернулся в сторону африканского континента; это происходит в плане как внешнеэкономического, так и внешнеполитического сотрудничества. Первый саммит и экономический форум «Россия — Африка» (г. Сочи, 23—24 октября 2019 г.), важность организации которого долго отстаивал Институт Африки РАН, принявший деятельное участие в его подготовке и проведении под руководством директора института И. О. Абрамовой, наглядно показал, что «сегодня перед Россией и африканскими государствами стоит общая задача — формирование более справедливого и соответствующего новым реалиям миропорядка»

---

* Например, в Великобритании дипломатические и консульские службы были открыты для женщин лишь в 1946 г. См.: Women of the World: the Rise of the Female Diplomat: Review. URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/jun/27/women-world-rise-female-diplomat-helen-mccarthy-review> (дата обращения: 05.05.2020).

[Абрамова, 2019: 11]. Для дальнейшего эффективного развития отношений между Россией и африканскими странами необходимо расширение и углубление знаний друг о друге, и в значительной мере это касается сферы внешней политики.

В конце XX — начале XXI в. в ряде стран Африки (ЮАР, Руанда, Ботсвана, Нигерия, Малави, Намибия и др.) стали рушиться укоренившиеся гендерные стереотипы в отношении разделения сфер компетентности мужчин и женщин в политике. Одной из тенденций формирования политического руководства стало назначение женщин на государственные посты, связанные с внешней политикой, что, в частности, демонстрировало успехи в становлении гендерного равенства. В 2017 г. по числу назначений женщин на должности послов Африка (247 человек — 17 % от общего числа назначений) уступала лишь странам Северной Европы (35 %), Северной Америки и Австралии (по 25 %) [Townsend, Niklasson, 2017: 530]. Достигнутые позиции — результат исторической справедливости (женщины активно боролись за независимость своих стран и принимают большое участие в их развитии), сложившейся демографической ситуации (женщины в Африке составляют около 50 % населения) и борьбы самих африканок за свои права. В значительной степени это было достигнуто и благодаря введению квот на женское представительство (например, 30 % в Руанде и 50 % в странах — членах Сообщества развития Юга Африки (САДК)). Назначения женщин носили также имиджевый характер. Как отмечает Т. С. Денисова, «...руководители африканских государств с первого дня правления ставили перед собой задачу утвердиться в качестве лидеров, признанных мировым сообществом» [Денисова, 2016: 579]. Поэтому в кадровой политике лидеры пытаются соответствовать мировым тенденциям, чтобы выглядеть более прогрессивными в глазах международной общественности и западных доноров, поддержка которых является чрезвычайно важной для развития африканских стран. Растущая — в формате современных международных отношений — роль переговоров по урегулированию кризисов и конфликтов становится не только специфической профессиональной сферой, но и искусством, открывающим дополнительные возможности для женщин, априори более, нежели мужчины, расположенных к коммуникации.

В истории Африки были случаи, когда женщина успешно выступала в роли дипломата. Известны своими достижениями в области улучшения дипломатических отношений между странами египетская женщина-фараон Хатшепсут, царица Савская в древней Эфиопии, царица берберо-иудейского североафриканского княжества Дахия аль-Кахина, дочь правителя государства Ндонго (территория современной Анголы) Анна Нгола.

Женщины назначались послами задолго до того, как гендерные изменения существенно затронули политическую сферу африканских стран, например Г. Чипе (Ботсвана), М. Л. Сехлабо (Лесото), А. Маквара, Э. Кавонза, Л. Читауро (Зимбабве). Мощная волна женских назначений в африканских посольствах началась в 1990-х гг. В этом плане лидировали Руанда и ЮАР. В начале 2000-х гг. женщины возглавляли примерно 20 % дипломатических миссий ЮАР.

После обретения независимости одной из особенностей формирования политического руководства в многорасовых странах континента стала его африканизация. Затронула она и дипломатический корпус, хотя и не принимала крайние формы.

Ряд женщин-дипломатов в прошлом участники национально-освободительных движений своих стран, скажем Н. Дламини-Зума и С. Бота (ЮАР), М. Нашанди и Ф. Н. Итете (Намибия). Большинство женщин-дипломатов — члены правящих партий. Некоторые африканки-послы имеют опыт партийной работы именно в области международных отношений. Так, посол ЮАР в России в 2014—2019 гг. Н. М. Сибанда-Туси в 1996—2000 гг. работала в аппарате президента Африканского национального конгресса (АНК) в должности личного помощника главы международного отдела партии. Некоторые (Д. Банда (Малави), И. Мбикусита-Леваника (Замбия)) сами создавали и возглавляли партии. Ряд дипломатов имеют политическую родословную: З. Мандела (ЮАР) — дочь первого президента ЮАР Н. Манделы, Л. Сисулу (ЮАР) — дочь лидера АНК У. Сисулу, М. Каунда-Банда (Замбия) — дочь первого президента Замбии К. Каунды.

Поворотным моментом гендерных изменений в составе африканских дипломатических кадров стали назначения женщин главами МИД. Президент ЮАР Т. Мбеки в 1999 г. на пост министра иностранных дел назначил Н. Дламини-Зуму. Это было историческим событием, так как впервые женщина заняла должность руководителя внешнеполитического ведомства — одного из важнейших в правительстве. Не будучи карьерным дипломатом, не имея специального образования, на протяжении десяти лет (1999—2009) работы министром иностранных дел она умело определяла и отстаивала интересы страны. Сложился имидж ее как политика, способного успешно решать поставленные задачи. Благодаря ей укрепились многосторонние связи с партнерами по САДК, расширилось сотрудничество в различных областях с Китаем. В период пребывания Н. Дламини-Зумы во главе МИД ЮАР активно участвовала в реформировании Совета Безопасности ООН.

Следующий президент ЮАР — Дж. Зума, избранный в апреле 2009 г., портфель министра международных отношений и сотрудничества снова вручил женщине — М. Нкоана-Машабане. Занимая эту должность, она активно работала по многим направлениям: в 2010 г. сотрудничала с национальным организационным комитетом Кубка мира по футболу, в декабре 2011 г. председательствовала на исторической Конференции ООН по изменению климата в Дурбане. Она также отстаивала на международной арене политику «тихой дипломатии», проводимую ЮАР в отношении Зимбабве, против которого страны Европы и США ввели санкции. Важна заслуга Нкоана-Машабане также в деле включения ЮАР в 2011 г. в БРИКС. В течение 25-летнего периода существования демократической ЮАР на должности министра иностранных дел постоянно работали женщины, за исключением 1994—1998 гг., когда этот пост занимал А. Нзо.

Женщины возглавляли внешнеполитические ведомства и в других странах континента: Гане (Г. А. Никои, Х. Тетех, Ш. А. Ботчвей), Ботсване (Г. Чипе, П. В. Моитои), Руанде (Р. Мусеминали, Л. Мушикивабо), Нигерии (Д. У. Огву, В. Онвулири), Малави (Дж. Банда), Мозамбике (А. А. де Абреу), Намибии (Н. Нанди-Ндаитва), Кении (А. Джибрил, М. Джума, Р. Омамо).

Эти женщины активно участвуют в деле урегулирования и предотвращения конфликтов и кризисов — наиболее серьезных препятствий на пути развития стран континента. Африканки стали также играть важную роль как

посредники, своего рода международно-правовой инструмент мирного разрешения споров. В последнее время отчетливо проявляется положительная корреляция представительства женщин и результатов мирных переговоров и соглашений. Прежде всего растет тенденция к включению гендерных положений в мирные переговоры и соглашения.

В сентябре 2018 г. в г. Монреаль (Канада) состоялась первая в истории конференция женщин — министров иностранных дел. Из 17 глав МИД на встрече были 5 африканских — из ЮАР, Руанды, Ганы, Кении и Намибии. По состоянию на 2020 г. внешнеполитическое ведомство в странах Африки женщины возглавляют в ЮАР (Н. Пандор), Гане (Ш. А. Ботчвей), Кении (Р. Омамо), Намибии (Н. Нанди-Ндаитва) и в Ботсване (Ю. Доу).

Продуманная кадровая политика — одно из условий успешного развития общества. Как отмечает О. А. Хасбулатова, «от квалификации работников, их способности быстро воспринимать технологические инновации... зависит динамика экономического развития страны» [Хасбулатова, 2014: 3]. Высокий уровень квалификации и компетентности дипломатического корпуса во многом обеспечивает эффективность международных отношений.

Многие африканские женщины-дипломаты имеют высшее образование, полученное на Западе. Немало африканок свободно говорят на нескольких европейских языках. Для работы в африканских странах дипломату очень важно владеть также местными языками. Н. Сибанда-Туси, помимо английского, немецкого, португальского, шведского и французского, говорит на 7 из 11 официальных языков ЮАР (тсвана, зулу, ндебеле, сото, коса, свати и тсонга), которые также распространены в других странах Юга Африки. 8 языков, в том числе европейских, в арсенале И. Мбикуситы-Леваники (Замбия).

Некоторые африканские женщины-дипломаты (как и мужчины) не относятся к числу карьерных дипломатов и не имеют специального образования. Н. Дламини-Зума (ЮАР) — врач, Ш. Сисулу (ЮАР) и И. Мбикусита-Леваника (Замбия) — преподаватели, Ю. Доу (Ботсвана), Л. Чибесакунда (Замбия), Т. М. Серетсе (Ботсвана), Ж. П. Диаките (Ангола), Р. Омамо (Кения) — юристы, Б. Р. Ндисале (Малави) — экономист, Ж. д'Арк Муджавамария (Руанда) и В. Онвулири (Нигерия) — химики, Ш. Сивела (Замбия) — специалист по управлению, Л. Мушикивабо (Руанда) — PR-специалист. Одной из важных причин назначений не кадровых дипломатов является нехватка в африканских странах вузов, в которых можно получить специальное образование в области международных отношений. Назначение послами людей, не имеющих дипломатического опыта и соответствующего образования, отнюдь не африканская специфика; такой подход распространен в мировой практике. Однако в африканских странах есть примеры успешной деятельности глав МИД и посольств, не имевших профильного образования. При наличии квалифицированной команды министру достаточно владеть знаниями в сфере бизнес-менеджмента, так как в условиях глобализации государственное управление становится все более похожим на него.

Профессиональное образование в области международных отношений получили нынешний министр иностранных дел Намибии Н. Нанди-Ндаитва и ее коллега М. Нашанди, недавний посол ЮАР в России Н. М. Сибанда-Туси, ангольский посол А. Каррейра. Некоторые имеют практический опыт работы

во внешнеполитическом ведомстве, например Е. Нзаро (Танзания), Э. Н. Маджинга (Ботсвана), а Н. М. Сибанда-Туси с 2000 г. работала в МИД ЮАР.

Лидеры многих африканских стран смело доверяют женщинам посты глав дипломатических миссий. В 2000-х гг. назначение послами женщин стало в ряде стран континента трендом. Например, в США они были во главе 8 африканских посольств. В 2003—2010 гг. послом Замбии в Соединенных Штатах была И. Мбикусита-Леваника (позже она занимала эту должность в странах Евросоюза) [Прокопенко, 2018], а в 2011—2013 гг. — Ш. Сивела. Десять лет (с 2001 по 2011 гг.) послом Анголы в США была Ж. П. Диаките. К 2019 г. больше всего женщин работали в дипломатическом корпусе Уганды (41 %), ЮАР (30 %), Руанды (26 %), Зимбабве (22 %) и Эфиопии (21 %) [Whitton, 2019: 33].

Психологи утверждают, что в женской природе заложено много качеств (природная способность к более широким коммуникациям и решению споров, терпение, интуиция и др.), которые помогают снять напряженность конфликта и способствуют достижению главной цели дипломатии — мирному решению проблем, существующих между государствами. Такие качества демонстрируют в своей работе женщины-дипломаты африканских стран. Практика показывает, что нередко им свойствен подход к решению проблем, несколько отличный от мужского. Они (часто многодетные матери) больше вовлечены в социальные проблемы, так как сами постоянно с ними сталкиваются. Нынешний посол Исламской Республики Гамбия в России Д. Ба считает, что женщины в силу своей природной роли матери, жены лучше оценивают последствия, у них более целостная картина [Hartog, 2018]. Поэтому женщины-дипломаты политической риторике предпочитают конкретное решение конкретных проблем. В век глобализации и новых технологий послы одновременно вынуждены быть менеджерами (поскольку постоянно расширяются штат и функции посольств), третейскими судьями и даже миротворцами, а также активными пользователями новых видов и средств коммуникации. В диапазоне проблем, с которыми сегодня сталкиваются африканские посольства, проблемы миграции и беженцев.

Не всюду и не сразу африканки-дипломаты воспринимались должным образом. Так, посол ЮАР в США Ш. Сисулу в конце 1990-х отмечала: «Общественность раз за разом принимает меня за жену посла. Снисхождения и особого обращения со стороны своих коллег-мужчин я не замечаю» (цит. по: [Séphocle, 2000: 182]). В повседневной работе за рубежом женщины-послы встречаются с трудностями, связанными с различиями между западной и местной политической культурой. Женщины-дипломаты должны учитывать существующую в африканских странах систему неформальных отношений в политике (этнические, родственные, клановые связи), ведь посольство — это часть страны в миниатюре за рубежом. Женщины-послы иногда сталкиваются с явным или завуалированным сопротивлением коллег-мужчин, а также с повышенным вниманием к своей персоне со стороны журналистов страны пребывания. Для преодоления этого женщинам приходится гораздо больше, терпеливее и напряженнее работать, чем послам-мужчинам.

Дипломаты многих стран мира отмечают, что в странах Африки уделяют огромное внимание протоколу. Женщины-дипломаты следуют этому более тщательно, чем мужчины, понимая, что промахи в данной сфере могут послужить

предметом критики в СМИ и сексистских выпадов со стороны коллег-мужчин. Практика показывает, что в числе факторов, эффективно влияющих на коммуникацию, в том числе в области международных отношений, выделяется специфика менталитета, культурных традиций и установок. К сфере таких тонких материй относится, например, отношение африканцев к понятию времени. В то время как для европейцев время является стержнем жизни и развития вообще, во многих странах Тропической Африки нет особой ценности времени (своего и чужого). Известный философ и этнолог И. Л. Андреев «время» у африканцев образно назвал «циферблатом без стрелок» [Андреев, 2008: 19]. Хотя в условиях глобализации в этих странах уже адаптированы некоторые западные жизненные правила, на подсознательном уровне продолжает сохраняться установка «спешить плохо, потому что из-за этого человек нервничает и может ошибиться».

В габитарном имидже африканок-дипломатов приняты западные каноны, но присутствуют также одежды традиционного стиля. Среди культурных особенностей необходимо выделить специфику восприятия цвета. У многих африканских народов черный и темно-синий цвета символизируют плодородие, процветание и духовную силу, а белый, как и в восточной традиции, в ряде случаев считается цветом смерти [Мириманов, 2002: 29]. Это не всегда учитывают СМИ, критикующие порой наряды африканских женщин-послов.

Одной из проблем, затрудняющих работу женщин-дипломатов, прежде всего послов, является поиск баланса должностных обязанностей и семейной жизни. Существование этой проблемы признают как сами женщины-дипломаты, так и исследователи. Интересно, что в некоторых странах она специально регулировалась. Например, в Великобритании женщинам, работавшим в дипломатических и консульских службах, разрешили выходить замуж лишь с 1973 г. Семейный статус африканок-дипломатов официально ничем не ограничен: среди них есть как жены и многодетные матери, так и незамужние, вдовы и разведенные. Так, бывший министр иностранных дел ЮАР Л. Сисулу замужем и имеет четырех детей, недавний посол этой страны в России Н. М. Сибанда-Туси разведена, а нынешний посол Замбии во Франции К. Касеба (кстати, бывшая первая леди в 2011—2014 гг.) — вдова. Но пребывание в той или иной стране семьи посла, в которой зачастую много детей, накладывает на женщину-дипломата дополнительную нагрузку, и успешная работа в этих условиях — ее заслуга.

Успехи африканских женщин-дипломатов отмечены правительственными наградами и премиями международных организаций. Отмечают их и коллеги-мужчины. Об этом, в частности, писал в своей в книге нигерийский дипломат А. Римдеп, работавший в посольствах в Эфиопии и Замбии [Rimdap, 2018].

Таким образом, опыт политической работы и навыки в сфере коммуникаций помогают некоторым женщинам успешно реализовывать себя на дипломатическом поприще. И наоборот — бывшие дипломаты по возвращении на родину начинают делать политическую карьеру: многие из них работают в правительстве или избираются депутатами парламента. Апогеем политической активности женщин-дипломатов можно назвать их попытки взойти на вершину властной пирамиды. Среди них есть те, кто не только смело заявлял о своих президентских амбициях, но и пытался их реализовать. И. Мбикусита-Леваника (Замбия) баллотировалась на президентских выборах 2001 г.

Министр иностранных дел ЮАР Н. Дламини-Зума в 2007 г., накануне выборов президента правящего АНК (а значит, и возможного будущего президента страны), официально заявила о своей готовности стать руководителем партии, но ее не избрали. Долгое время она считалась также вероятным кандидатом на пост президента на выборах 2018 г., но на партийном съезде лидером АНК избрали С. Рамапосу.

В Намибии накануне всеобщих выборов 2009 г. о своих президентских амбициях заявила посол в странах Скандинавии М. Нашанди. На партийной конференции правящей партии СВАПО она вошла в список 10 кандидатов в президенты под номером 4, но накануне выборов была исключена из него. Ей было отказано в регистрации из-за отсутствия действующей карточки избирателя, она не успела ее получить, так как на тот момент работала послом за границей. В декабре 2018 г. о желании баллотироваться на пост лидера правящей Демократической партии Ботсваны заявила министр иностранных дел П. Венсон-Моитои, но позже сняла свою кандидатуру.

Не только внутрипартийная политическая борьба становится причиной таких неудач. В африканском обществе все еще сохраняется традиционный подход к гендерным ролям, что отражено в амбивалентном отношении избирателей к женщине-кандидату. Использование гендерной идентичности в политической борьбе наблюдается не только в странах Африки, но и в ряде других стран мира. Т. Б. Рябова отмечает: «Формой политической мобилизации становится и эксплуатация идентичности индивидов, в том числе идентичности гендерной» [Рябова, 2008: 99].

Африканские женщины-дипломаты не раз посещали нашу страну с визитами, многие работали в миссиях, аккредитованных в Москве, некоторые получили в СССР/России высшее образование. Неоднократно с официальными и рабочими визитами к нам приезжали главы африканских МИД Н. Дламини-Зума, М. Нкоана-Машабане и Л. Сисулу (ЮАР), Н. Нанди-Ндаитва (Намибия), А. А. де Абреу (Мозамбик), Ш. А. Ботчвей (Гана), М. Джума (Кения). Некоторые из них участвовали в первом саммите и экономическом форуме «Россия — Африка» в Сочи (октябрь 2019 г.).

В нашей стране получили высшее образование посол Танзании в России в 1998—2002 гг. Е. Л. Нзаро (ЛГУ), посол Руанды в РФ в 2013—2019 гг. Ж. д'Арк Муджавамария (РУДН), нынешняя глава МИД Намибии Н. Нанди-Ндаитва (Высшая комсомольская школа). Все они свободно владеют русским языком.

Женщины на посольских должностях — реальность сегодняшней внешней политики многих африканских стран. Залогом эффективной коммуникации между дипломатами является соотносимость их гендерного состава. Это демонстрируют, например, африканские посольства, аккредитованные в России. В 2013 г. в Москве женщины возглавляли посольства Ботсваны, Нигера, Руанды и Свазиленда. Африканки работали также в должности советника (ЮАР, Зимбабве), военного атташе (ЮАР, Ангола), секретарей посольства: первых (ЮАР), вторых (ЮАР) и третьих (Замбия, Зимбабве, Намибия).

Общаясь с различными целевыми аудиториями, африканки-послы много делают для укрепления дружеских связей между нашими странами. Они активно

участвуют в научных конференциях и мероприятиях, которые регулярно проводят Институт Африки РАН, РУДН, Институт стран Азии и Африки при МГУ, Центр африканских исследований ИВИ РАН, что способствует укреплению культурных и научных связей между странами, расширению информации об Африке и о ее проблемах. Авторы статьи неоднократно общались с африканками-послами и обсуждали поднятую в ней тему. Посол Руанды Ж. д'Арк Муджавамария, выступая в октябре 2019 г. на площадке клуба «Валдай» на тему «Россия — Африка: что дальше? Второе дыхание российско-африканских отношений», отметила, что Россия является настоящим другом африканских стран, а саммит в Сочи «открыл дверь России в Африку и Африке в Россию» (цит. по: [Яникеева, 2019]).

В декабре 2019 г. закончился срок миссий в Москве посла Руанды Ж. д'Арк Муджавамарии и посла ЮАР Н. М. Сибанды-Туси. По состоянию на апрель 2020 г. в числе иностранных послов, аккредитованных в России, работают 4 африканки: посол Габонской Республики в Москве Ж. Р. Мамбака (с 2016 г.), посол Республики Гана Л. Опоку-Варе, посол Республики Гамбия Д. Ба (обе с 2018 г.) и посол Республики Ботсвана Ч. Нтета (с 2019 г.) [Протокольный список... , 2020].

Гендерную ситуацию в сфере дипломатии в странах Африки наглядно демонстрируют статистические данные. Например, в ЮАР в 2018 г. в МИД в числе 16 топ-менеджеров были 5 женщин, среди старших сотрудников — 114 женщин (из 260 чел.), а в числе опытных специалистов с профессиональной квалификацией и средних менеджеров — 490 (из 1041 чел.). В 2019 г. из 104 дипломатических миссий ЮАР женщины возглавляли 38, что составляет 36 % [DIRCO, 2018: 152]. Эти цифры сопоставимы с данными по западным странам. Однако они ниже тех, которые были установлены некоторыми региональными организациями, например САДК, утвердившим в 2008 г. 50 %-й уровень представительства женщин на политических и руководящих должностях. Кстати, они были несколько скорректированы после принятия в 2015 г. Целей устойчивого развития (ЦУР).

В 2019 г. в отчете министерства иностранных дел ЮАР отмечалось, что реализация в последние годы «плана действий, направленного на расширение прав и возможностей женщин и обеспечение гендерного равенства, ускорила прогресс в деле гендерных преобразований в департаменте... в рамках политики, процедур и практики» [Annual Report, 2018/2019, 2019: 36]. Однако некоторые южноафриканские исследователи, например Д.-Э. ван Уик, считают, что женщины во внешней политике ЮАР представлены все еще мало: «В процессе формирования политики, ее содержания и среды, а также в процессе ее реализации по-прежнему доминируют мужчины» [Van Wyk, 2019]. Это справедливо не только в отношении ЮАР. 85 % послов в мире составляют представители «сильного пола», что «делает этот высокий престижный пост еще одной международной должностью, в которой по-прежнему доминируют мужчины» [Townes, Niklasson, 2017: 537].

В ряде стран Африки стереотип представлений о дипломатической службе подвергся серьезной коррекции: формирование кадров внешнеполитических ведомств уже не определяется традиционными гендерными ролями, в карьерном

продвижении африканок в системе МИД уходит в прошлое понятие так называемого «стеклянного потолка». Результаты мониторинга карьерного роста женщин — сотрудников посольств показывают положительную тенденцию.

В африканской дипломатии отмечается использование «мягкой силы» как ресурса внешней политики. Все чаще привлекаются негосударственные акторы (общественные организации, академические круги, университеты), которые, продвигая свои интересы, одновременно становятся проводниками официальной государственной политики, и связующим звеном в этом коммуникационном процессе часто являются послы. Эффективное использование послами-африканками публичной дипломатии способствует формированию положительного образа их стран, позволяет на конкретных примерах показать разрушительность военных конфликтов, прежде всего в отношении женщин и детей.

Одним из основных условий достижения гендерного паритета во внешнеполитических ведомствах, как и в общественно-политической жизни африканских стран вообще, по-прежнему остаются квоты. В условиях нынешней политической культуры в обозримом будущем систему квот женского представительства вряд ли можно рассматривать как временную.

На общем фоне успеха ряда африканских стран в достижении гендерного паритета во внешнеполитическом ведомстве выглядят существенными и демонстрируют подходы к гендерному равенству в обществе в целом, так как присутствие женщин в дипломатии (в том числе) отражает гендерный порядок в стране. Однако в кадровой политике МИД некоторых стран остаются определенные противоречия между утвержденными законодательными актами, нормативными положениями и существующей практикой.

Библиографический список

- Абрамова И. О.* Главный мозговой центр российской африканистики // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4. С. 7—13.
- Андреев И. Л.* Тамтам сзывает посвященных. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 384 с.
- Денисова Т. С.* Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: Ин-т Африки РАН, 2016. 596 с.
- Мириманов В. Б.* Черный всадник Апокалипсиса. Эстетика смерти. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 133 с.
- Прокопенко Л. Я.* Инонге Мбикусита Леваника — замбийский политик, дипломат и поборник гендерного равенства // Африка: поиск идентичности и диалог с миром: ежегодник-2018: сборник статей. М.: РУДН, 2018. С. 120—131.
- Протокольный список иностранных послов по старшинству. 2020. URL: <https://www.mid.ru/protokol-nyj-spisok-inostrannyh-poslov-po-starsinstvu> (дата обращения: 06.05.2020).
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Хасбулатова О. А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 3—10.
- Яникеева И.* Возвращение России в Африку. 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24298> (дата обращения: 06.05.2020).

- Annual Report 2018/2019. Department International Relations and Cooperation Republic of South Africa. 2019. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201911/dirco-annual-report-201819.pdf (дата обращения: 06.05.2020).
- DIRCO, 2018. Annual Report for 2017/2018. 2018. URL: <https://www.gov.za/sites/default/files/gcisdocument/201810/dircoannualreport20172018contents.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).
- Hartog E. The Women Ambassadors Club. 2018. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/10/26/the-women-ambassadors-club-a63286> (дата обращения: 07.05.2020).
- Rimdap A. Confidence in Diplomacy: Defending Nigeria at Home and Abroad. Gloucestershire: Mereo Books, 2018. 427 p.
- Séphocle M. Then, They Were Twelve: the Women of Washington's Embassy Row. London: Greenwood Publishing Group, 2000. 218 p.
- Towns A., Niklasson B. Gender, international status, and ambassador appointment // Foreign Policy Analysis. Oxford University Press, 2017. № 3. P. 521—540.
- Van Wyk J.-A. South Africa Doesn't Have Enough Women in Foreign Policy. Why It Matters. 2019. URL: <http://theconversation.com/south-africa-doesnt-have-enough-women-in-foreign-policy-why-it-matters-114758> (дата обращения: 07.07.2020).
- Whitton C. Women in diplomacy and the double bind dilemma // Selected Perspectives from Kenya, Rwanda, South Africa and Zimbabwe. 2019. URL: http://www.dirco.gov.za/department/african_women_diplomacy/african_women_in_diplomacy.pdf (дата обращения: 06.05.2020).

References

- Abramova, I. O. (2019) Glavnyĭ mozgovoĭ tsentr rossiĭskoĭ afrikanistiki [The main African studies think tank in Russia], *Uchĕnye zapiski Instituta Afriki Rossiĭskoĭ akademii nauk*, Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoĭ akademii nauk, no. 4, pp. 7—13.
- Andreev, I. L. (2008) *Tamtam szyvaet posviashchĕnyh* [Tam-tam calling initiates], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Denisova, T. S. (2016) *Tropicheskaia Afrika: ėvoliutsiia politicheskogo liderstva* [Tropical Africa: evolution of political leadership], Moscow: Institut Afriki Rossiĭskoĭ akademii nauk.
- Hartog, E. (2018) *The Women Ambassadors Club*, available from <https://www.themoscowtimes.com/2018/10/26/the-women-ambassadors-club-a63286> (accessed 07.05.2020).
- Ianikeeva, I. (2019) *Vozvrashchenie Rossii v Afriku* [Russia's return to Africa], available from <https://interaffairs.ru/news/show/24298> (accessed 06.05.2020).
- Khasbulatova, O. A. (2014) Gendernyĭ podkhod kak tekhnologiia povysheniia ėffektivnosti kadrovoĭ politiki [Gender approach as increase of effectiveness technology in personnel policy], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, no. 4, pp. 3—10.
- Mirimanov, V. B. (2002) *Chĕrnyĭ vsadnik Apokalipsisa. Ėstetika smerti* [The black horseman of the Apocalypse. Aesthetics of death], Moscow: Rossiĭskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Prokopenko, L. Ia. (2018) Inonge Mbikusita Levanika — zambiĭskii politik, diplomat i pobornik gendernogo ravenstva [Inonge Mbikushita Lewanika — Zambian politician, diplomat and adherent of gender equality], in: *Afrika: poisk identichnosti i dialog s mirom: Ezhegodnik-2018*, Moscow: Rossiĭskii universitet druzhby narodov, pp. 120—131.
- Rimdap, A. (2018) *Confidence in Diplomacy: Defending Nigeria at Home and Abroad*, Gloucestershire: Mereo Books.

- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoĭ rossiĭskoĭ politike* [Gender of power: gender stereotypes in modern Russian politics], Ivanovo, Ivanovskĭ gosudarstvennĭyĭ universitet.
- Séphocle, M. (2000) *Then, They Were Twelve: The Women of Washington's Embassy Row*, London: Greenwood Publishing Group.
- Towns, A., Niklasson, B. (2017) Gender, international status, and ambassador appointment, *Foreign Policy Analysis*, Oxford University Press, no. 3, pp. 521—540.
- Van Wyk, J.-A. (2019) *South Africa Doesn't Have Enough Women in Foreign Policy. Why It Matters*, available from <http://theconversation.com/south-africa-doesnt-have-enough-women-in-foreign-policy-why-it-matters-114758> (accessed 07.07.2020).
- Whitton, C. (2019) Women in diplomacy and the double bind dilemma, in: *Selected perspectives from Kenya, Rwanda, South Africa and Zimbabwe*, available from http://www.dirco.gov.za/departments/afican_women_diplomacy/afican_women_in_diplomacy.pdf (accessed 06.05.2020).

Статья поступила 23.08.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Прокопенко Любовь Ярославовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Денисова Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, tsden@hotmail.com (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 56—67
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 56—67
ББК 60.561.53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5

ГЕНДЕРНАЯ СИСТЕМА МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

С. В. Сиражудинова

Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г. Махачкала, Россия, saida_kant@mail.ru

Рассмотрены основы гендерной стратегии в исламе, ее особенности и проблемы интерпретации, зависимость от исламских правовых школ, внешней среды и менталитета. Гендерная стратегия в исламе закрепляет строгое определение особого места женщины, ее полную зависимость от мужчины (опекун, муж и др.). Важная роль отводится контролю над женской сексуальностью и системе гендерных запретов. В республиках Северного Кавказа сложились своеобразные гендерные стратегии, вбирающие в себя отдельные положения общей мусульманской стратегии и ее трансформации в зависимости от местных обычаев, социальных и политических условий. Результаты исследований позволили определить гендерные стратегии республик и провести их анализ. В статье осуществлен компаративный анализ гендерных стратегий в северокавказских республиках, выявлена их специфика, гендерные модели и ценности как комбинация элементов общеисламской стратегии и ее локальных модификаций, зависящих от государственной политики и системы устоявшихся в конкретном обществе этнических ценностей.

Ключевые слова: гендер, ислам, религия, гендерная стратегия, женщины, Северный Кавказ, Чечня, Дагестан, Ингушетия.

© Сиражудинова С. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31371 «Социальная активность женщин в общественно-политических процессах в республиках Северного Кавказа в контексте развития гражданского общества».

GENDER STRATEGY IN MUSLIM SOCIETY: THE CASE OF THE NORTH CAUCASIAN REPUBLICS

S. V. Sirazhudinova

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala,
Russian Federation, saida_kant@mail.ru

This article discusses the basics of gender strategy in Islam. The author considers the features and problems of interpretation of gender strategy in Islam, its dependence from Islamic law schools and local environment and mentality. The gender strategy in Islam strictly defines a woman's place in society and family, emphasizing her full dependence on a man (a guardian or husband, etc.). Female sexuality is strictly controlled and the system of gender bans play an important role. There are some gender strategies in the republics of the North Caucasus, which incorporate certain provisions of the General Muslim strategy, but at the same time transform it depending on local customs, social and political conditions. Drawing on the sociological research, the author tried to identify and analyse the gender strategies of the republics. The article presents a comparative analysis of gender strategies in the Chechen Republic, the Republic of Dagestan and the Republic of Ingushetia, reveals their specificity, existing gender models and values. The study showed that the Muslim gender strategy is a combination of elements of the General Islamic strategy and its local modifications, depending on the state policy and the system of ethnic values and traditions of gender relations.

Key words: gender, Islam, religion, gender strategy, women, the North Caucasus, Chechnya, Dagestan, Ingushetia.

В исламском обществе сложилась устоявшаяся гендерная система, стремящаяся противостоять вызовам модернизации. Несмотря на изменение обществ, социальных и экономических условий, на советский период «раскрепощения горянки», изменение конституционно-правового статуса женщин, в последнее время интенсивно происходит ре-исламизация населения и возврат к ортодоксальной гендерной системе, насаждение новой модели гендерных отношений, еще больше усиливающей «практики гендерного разделения и неравенства» [Ridgeway, Smith-Lovin, 1999: 191].

Исламская гендерная система на Северном Кавказе зависит от многих факторов. На нее оказывают влияние как местная специфика (традиционно-исламская политика), так и современные глобализационные процессы. Исламские общества в неисламских государствах стали смешанными: в них сочетаются и противостоят друг другу два крыла глобализации (вестернизация и арабизация), конкурирующие между собой и поляризующие общество.

Традиционная гендерная система специфична и зависит от местных условий, она подразумевает локальное преломление религиозных норм и сопротивляющиеся натиску глобального местные идентичности, традиции и ценности, влияние советского и российского. Гендерные отношения здесь определяет не только религия, помимо нее важную роль играют особенности социализации в советском обществе [Halle, 1938] и в российском социуме, а также государственная идеология и условия жизни. Здесь ярко проявилось традиционное

разделение сфер на публичную (образование, занятость, политическая сфера) и частную (семья, личная жизнь), сохранившую свою закрытость, связь с религией, духовностью и традициями.

Насажение новой для республик Северного Кавказа ортодоксальной модели гендерных отношений происходит в несоответствующей для ее функционирования среде. Новый глобализирующий джихадистский салафитский ислам проник и на Северный Кавказ, внедряя свою гендерную политику и значительно изменяя гендерные отношения и положение женщин.

Гендерная политика в мусульманском обществе характеризуется двумя типами стратегии: гендерной стратегией с точки зрения политики республик, затрагивающей гендерные отношения [Сиражудинова, 2013] (социолого-политологический аспект), и стратегией как установленным религией и закрепленным практикой выстраиванием, регулированием и трансляцией гендерных ролей и моделей гендерных отношений (теологический аспект).

Гендерная стратегия намечает пути достижения важной цели в области гендерной политики, устанавливает основные направления и задачи. Гендерная стратегия государства [Гендерная стратегия РФ, 2002] обуславливает устойчивое развитие, построение демократического правового государства, социальную справедливость, защиту семьи, равенство и искоренение дискриминации (ст. 1, 2, 19, 27, 38 Конституции РФ). Гендерная политика республик должна следовать государственной гендерной стратегии [Национальная стратегия..., 2017], принципам, заложенным в международном праве и Конституции РФ, но на практике имеется ряд несоответствий.

Гендерная политика в исламе — установление шариата, достижение гендерных отношений, соответствующих шариату. Основные приоритеты — реализация принципов и норм гендерного поведения и гендерных отношений, которые устанавливают Коран, хадисы, фикх, фетвы богословов и др. Она направлена на сохранение социального «патриархального» порядка [Jaimoukha, 2005] путем контроля и подчинения женщин и представляет своеобразное видение социальной справедливости. Ограничения женщин воспринимаются здесь как защита — защита мужчин от соблазна и женской сексуальности. Защита женщин — обеспечение мужа и постоянное покровительство со стороны мужа или родственников мужского пола, защита от обсуждения и осуждения.

В советские годы, в эпоху атеизма, были установлены санкции и уголовная ответственность за противоречащее закону следование адатам и религии как пережиткам. Сейчас государство не препятствует реализации гендерной системы ислама и часто не вторгается в вопросы, связанные с частной сферой, игнорируя даже то, что является проблемой. Ограничения вводятся только тогда, когда противоречащее законодательству становится публичным (попытка введения многоженства в Ингушетии Р. Аушевым в 1999 г., признанная противоречащей Семейному кодексу РФ).

Гендерная политика и женский вопрос всегда служили базовой идеологической площадкой для политических, религиозных и экономических проектов [Ishkanian, 2003]. Гендерный вопрос поднимался мыслителями с древних времен. Государства вырабатывали свою гендерную стратегию, любые трансформации в государстве сопровождались вниманием к гендерному вопросу. Каждая

идеология и режим закрепляли процесс своего влияния, начиная с формирования гендерной политики.

У религиозной гендерной политики наблюдаются два уровня: гендерная политика, заложенная в самой религии как продвижение ее ценностей и установление ее требований, и гендерная политика отдельных религиозных организаций. Религия стала организованным институтом, одной из структур гражданского общества, продвигающей свою стратегию, ценности, программы, проекты и формирующей свою стратегию как организация.

Религии и верования почти всегда регулировали вопросы семьи и брака. Каждая из религий посвящает свои основные нормы установлению отношения к женщине, указанию ее роли, регламентации ее образа жизни, одежды, поведения и др. Религиозная политика присутствовала всегда и везде, она прослеживается четкой линией на протяжении всей истории человечества; матриархат, культ богинь в эпоху неолита, мужские божества — все они уже на заре истории носили выраженные гендерные признаки. Идеи матриархата и патриархата обоснованы идеологами марксизма. Авраамические религии привели к закреплению патриархата. Колониальная политика сопровождалась попытками изменения гендерных ролей. Политика Советского Союза — «раскрепощение горянки» и борьба с пережитками, международное провозглашение идеи гендерного равенства и борьбы с дискриминацией и соответственно декларирование этих принципов в России.

Методология

Можно встретить ряд документов, посвященных гендерной политике (как стратегии государственных структур, международных организаций и т. д.), но анализ гендерной политики и гендерной системы в исследуемом регионе на сегодняшний день почти отсутствует. Статья построена на анализе эмпирических данных, работе с религиозными источниками и научной литературой. Основы системы взглядов на роль женщины в обществе заложены в Коране, хадисах, аргументированы правовыми школами в исламе и богословами. Они воплощены в законах исламских государств, отраженных в фетвах, высказываниях официальных духовных лиц и религиозных авторитетов.

Цель данной работы — на базе полученных автором эмпирических данных показать специфику гендерной системы в республиках Северного Кавказа.

Чтобы выявить основы гендерной системы в исламе, ее особенности и проблемы интерпретации, зависимость от исламских правовых школ, классифицировать сложившиеся теоретические направления, проведем анализ результатов социологического исследования «Гендерная стратегия в мусульманском обществе». Выборка — N = 450 человек, из них 56 % женщин, возраст — от 17 до 62 лет. Методы — анкетирование и экспертное интервью, которые проводились в наиболее исламизированных республиках Северного Кавказа в период с мая 2017 г. по февраль 2018 г.

В выводах автор обращается к исследованию «Социальная активность женщин в общественно-политических процессах в республиках Северного Кавказа в контексте развития гражданского общества», проведенному летом — осенью 2020 г.

География исследования — Дагестан, Ингушетия, Чечня.

Гендерная система в исламе

За стратегией взаимоотношения полов в исламе закрепились представления о неравноправности, угнетении, покорности, забитости, ограничении и дискриминации женщин. Ислам — это множество течений и направлений, каждое из которых выстраивает свою систему взглядов, ориентируясь на многочисленные внешние условия и учитывая обстоятельства, опираясь на менталитет народа.

Формирование локального гендерного порядка в пределах отдельных территорий зависит от его социокультурной, правовой, экономической и иной специфики [Силласте, 2019].

Гендерная сфера является одной из важнейших, она оберегается гендерной политикой государства, учениями религиозных структур и самими обществами. Регулирование, трансформация и установление гендерных норм со стороны религии и наделенных властью структур на протяжении истории способствовали сохранению религиозных ценностей и общественного порядка, закреплению новой идеологии, изменению или сохранению статуса женщины в семье и обществе.

Ислам как религиозно-правовая система охватывает все сферы жизни человека и общества и уделяет регулированию гендерных отношений и регламентациям в отношении женщин значительное внимание (облик, поведение, отношение с окружающими). Даже одна сура в Коране называется «Женщины».

Общественные изменения начинаются и закрепляются изменением отдельных составляющих статуса женщины. Ислам привнес значительные изменения в статус женщины [Ahmed, 1992], на тот период, по мнению многих авторов, прогрессивные (наследование, согласие на брак, регламентация количества жен и др.).

Гендерная система в исламе может быть рассмотрена в двух аспектах:

- нормы, требования, установления религии в области взаимоотношений полов и регламентаций, касающихся женщин;
- часть гендерной политики, которую на практике проводят современные мусульманские государства и общины.

Есть два взгляда на гендерную политику в исламе. Первый — взгляд религиозных деятелей, считающих, что женщина в исламе высокоуважаема и все ограничения существуют для того, чтобы обеспечить ее, защитить и уберечь. «Женщина и мужчина равны перед лицом Аллаха». Они равны в своем религиозном служении и обязанностях [Sodhar et al., 2015: 171]. Они равны в сакральном, но не в общественном. Другая позиция представляет собой взгляд со стороны приверженцев демократических ценностей и прав человека. Более остро воспринимают данную стратегию феминисты.

Наиболее обсуждаемыми вопросами и специфическими компонентами гендерной политики в исламе являются: зависимость женщины, ношение хиджаба, полигамия, покупка жены (женской сексуальности), контроль за сексуальностью (моральной и силовой), сохранение временного брака у шиитов.

Нормы относительно перечисленного подвержены разночтениям в интерпретациях современных богословов и ученых, которые зависят от исламских правовых школ. Так, и в суннитском, и в шиитском течении ислама гендерные представления ученых группируются по ряду направлений, по-разному оценивающих

статус и возможности женщины, особенно в вопросе ее политического участия. Более строги традиционалисты (Абдул Азиз Бин Баз, салафит, верховный муфтий Саудовской Аравии), более мягкие установки у неотрадиционалистов, более склонны к отдельным идеям гендерного равенства модернисты [Mir-Hosseini, 1999]. В последние годы салафиты закрепляют, устанавливают и усложняют гендерные ограничения; в то же время джихадисты формируют новые возможности для женщин — шахидизм [Григорьева, 2011].

Нормы — это одно, а действительность, в которой живут российские мусульмане, — это совсем другое. Реальность изменила гендерные роли и отношения.

Женщина теперь не всегда находится под защитой опекуна. Она выходит из дома без сопровождения, водит машину, организует и ведет бизнес, связанный с поездками. Мужчина утратил функцию добытчика и не следует обязательствам по содержанию семьи, прямо установленным в Коране: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (4: 38). Это связано и с объективными, и с субъективными факторами: невозможностью экономически полноценно обеспечить семью одному работающему человеку, что актуально для большинства граждан страны, изменением отношения мужчины к труду, нежеланием заниматься «непрестижным трудом» [Сиражудинова, 2013] и др. Члены семьи мужского пола больше не несут ответственность за женщину в случае невозможности ее обеспечения родителями и в случае развода. Каждый человек отвечает за свое обеспечение и выживание сам. Женщина часто выступает основным добытчиком в семье и вынуждена содержать себя, детей, иногда даже мужа. Если женщина образованна — она выступает равным конкурентом для мужчины, работая в сфере интеллектуального труда. Если не имеет образования, то вынуждена работать в сфере торговли, заниматься тяжелым физическим трудом, уезжать на сезонные работы на поля. И здесь она становится более уязвимой. Поэтому большая часть жителей региона стремится дать дочери образование. В подобных условиях запрет на самостоятельные путешествия и выход из дома не актуален.

В то же время исследование 2020 г. показало, что в регионе все больше семей отказывают дочерям в праве на образование и объясняют это религиозными причинами, которые вступают в противоречие с опытом первых женщин-мусульманок, ведущих крупную экономическую деятельность, являющихся передатчиками хадисов, проводящих образовательную работу и т. д.

Статистика последних лет показывает (и это заниженные цифры, так как, ввиду отсутствия обращений в правоохранительные структуры, полную картину узнать невозможно), что большая часть женщин подвергается насилию именно в семье (физическое и сексуальное насилие, калечащие операции, убийства чести), а также насилию со стороны партнера. Угроза насилия со стороны посторонних лиц значительно меньше [Насилие в отношении женщин, 2017; Гендерное насилие... , 2016]. В этом случае женщину защищает закон и правоохранительные органы, а от домашнего насилия защиты почти нет.

Религия претендует на регулирование гендерного вопроса, рассматривая его как приоритетную сферу своего влияния. В светском государстве религии отводится сфера приватного и обрядового. Российские мусульмане к имаму

обращаются при рождении ребенка и его имянаречении, для заключения брака, очень редко при совершении развода.

Гендерная система в исламе закрепляет строгое определение особого места женщины, ее полную зависимость от мужчины (опекун, муж и др.). Важная роль отводится контролю над женской сексуальностью и системе гендерных запретов. В большинстве случаев религиозность людей основывается не на внутреннем осознании и выражении веры, а на конструируемых религиозными структурами нормами и интерпретациях.

Религиозные структуры определяют внешнее выражение религии, контролируя обряды, брак, размер калыма, гендерные ограничения и дозволения. На основе принципов ислама, их интерпретации создается гендерная система, на которую накладывают отпечаток особенности государственного режима и политики в целом, традиций и менталитета народа.

Гендерная система на Северном Кавказе

Приход ислама изменил гендерные отношения, привнес ограничения в статус женщин. Ушли в историю совместные шуточные посиделки, игры, где мужчины и женщины свободно общались друг с другом. Наиболее известные интересные обычаи, демонстрирующие некую степень свободы межполовых отношений (например, свободу девушки при выборе жениха), встречались у дагестанских дидойцев и ахвахцев. В то же время некоторые авторы подчеркивают, что ислам в чем-то изменил положение в лучшую сторону (калым, наследство и др.) [Сабанчиева, 2005: 33].

Необходимо заметить, что низким статус женщин у многих народов не был и это было связано с трудными условиями жизни и важной ролью женщин в хозяйстве. Даже ислам, привнесший некоторые ограничения для женщин, долгие годы упорно сражался с адатами (обычаями) (правление имама Шамиля), которые и по сей день конкурируют с исламом. До сих пор сохранились совместные песни, танцы, праздники, обычаи (похищение невест и др.).

Советская политика «раскрепощение горянки» так и не смогла полностью пресечь похищения невест, выплату махара (калым). Однако она принесла значительные изменения в положение женщин, вывела их на политический и общественный уровень, пыталась обеспечить защиту и стабильность (регистрация в ЗАГС, помощь в обеспечении детей и т. д.).

С развалом Советского Союза и ре-исламизацией населения, которая стала отражением возрождения и политизации ислама, начавшихся в 1970-х гг. [Esposito, 1998], гендерная система изменилась. Государство стало игнорировать проблемы гендерных взаимоотношений. Оно старается не замечать политику чеченского руководства по исламизации населения, принуждение к соблюдению нового арабизированного дресс-кода, модернизацию традиций, призывы к полигамии. В республиках наблюдается учет судьями адатов, шариата и менталитета народа, смягчение со стороны судов наказаний за убийства чести и похищения невест, игнорирование проблемы калечащих операций по отношению к девочкам и др.

В религиозном поле республик обострилась конкуренция. Появился новый сильный игрок, продвигающий собственную гендерную стратегию, новое течение ислама.

Результаты исследования

В обществах, где большинство населения исповедует ислам, гендерные системы могут значительно различаться. В странах, где религиозные нормы и ислам лежат в основе государственных законов, религиозная политика санкционирована и обязательна для исполнения. В светских государствах следование религиозным нормам и гендерной политике религиозных структур является внутренним и добровольным выбором человека.

Результаты социологического исследования «Гендерная система в республиках Северного Кавказа», проведенного в 2017—2018 гг., показывают, что для республик Северного Кавказа характерно смешение традиций, религии и светскости. Так, на отношение к женщине в Дагестане влияют: религия — 37,0 % опрошенных, традиции — 36,5 %, закон — 31,3 % («в обществе, которое меня окружает, влияет религия, а также закон и государственная политика»). На положение женщины в Ингушетии оказывают влияние: религия — 50,4 %, традиции — 35,4 %, закон — 2,1 %.

Тех, кто считает, что женщина в последние годы стала более свободной, — 42,0 % в Дагестане и 52,0 % в Ингушетии; что традиции стали играть большую роль, — 57,0 % в Дагестане и 25,4 % в Ингушетии; что влияние религии усилилось, — 7,0 % в Дагестане и 20,8 % в Ингушетии. Отмечено, что женщина «стала более самостоятельной», «повысился образовательный уровень», «есть те, которые чувствуют себя свободно, но и те, на которых повлияла религия», «надо усилить влияние религии», «не соблюдают традиции», «женщины стали суфражистками».

Среди основных качеств, необходимых для женщины, на первое место в Ингушетии поставили скромность — 60 %. Затем следовали ум — 29 %, мудрость, доброта, религиозность, честность и порядочность. Подростки на первое место поставили терпение, почитание старших, соблюдение этических норм, уважение.

В Дагестане среди основных качеств лидировали верность и воспитанность. Также были отмечены честность, ум, доброта, порядочность, неконфликтность, ориентированность на семейные ценности, образование, терпимость.

По мнению респондентов, положение женщины в исламе имеет свою «значительную» специфику, «закрепленные права и обязанности» в «семье и обществе», и главная особенность, на которую указали большая часть опрошенных, — «послушание мужу». Некоторые респонденты отметили, что положение женщины в исламе «очень хорошее», его отличает «почет и уважение». Но были и те, кто отметил, что главная особенность — «ограничение свободы». Некоторые подчеркнули, что «права женщин закреплены законом», следовательно, защищены.

Основные запреты для женщины, существующие в семье, связаны:

— с одеждой («не носить короткое», «запрет носить новый хиджаб»);

— нормами поведения (запрет на «измены», «непристойное поведение», «сложно назвать запретами, скорее ориентированность на классические семейные ценности»);

— общеисламскими запретами («харам», «колдовство», «несоблюдение поста» и др.).

Все эти запреты «правильные».

Ответ «запретов нет» дали 11 % опрошенных.

По мнению респондентов, ислам для женщины устанавливает запреты в первую очередь на измену и прелюбодеяние — 43,4 %. Затем были указаны специфические запреты в отношении женщин: «запреты в одежде» — 15,0 % и «общении» — около 15,0 %, запрет на путешествия — 4,0 %.

В качестве основных запретов, установленных исламом, респонденты видят «оставление намаза», «высокомерие», «разрыв связей», «невыплату закята».

Политика республиканской власти в отношении женщин построена на принципах светского государства — мнение 37,0 % опрошенных, следует традициям — 31,2 %, не противоречит религии — 6,2 %.

В отношении женщин рекомендуется больше применять следующие нормы религии: исламские ценности — 27 %, нормы и традиции в семье — 26 %.

Игнорировать положения религии, касающиеся женщин в современном обществе, считают недопустимым 40 % респондентов, но высок и процент тех, кто считает, что хиджаб можно проигнорировать, — 38 %.

Большинство отметили равноценность женщины и мужчины — 58,3 % («муж и жена в исламе равны, потому что так положено»). О неравенстве заявили 41,6 % («женщина ниже», «для религии (креационистские религии) не равны», «для традиционного общества не равны», «патриархат закрепил неравенство», «мужчинам уделяется больше внимания»).

В настоящее время религиозными структурами по отношению к женщинам проводится политика, соответствующая исламу («ориентированная на сохранение традиционных и религиозных ценностей, разъяснительно-пояснительная»). Ее качество было оценено так: высоко — 11 %, хорошо — 32 %, плохо — 31 %.

Отношение к выдвижению женщины на пост главы государства или республики разделило респондентов поровну: 50 % высказались отрицательно («пусть сидит дома», «нельзя»), положительно отнеслись и высказали свою полную поддержку 36 %, разрешительно-нейтрально («можно») — 14 %.

Положение женщины было охарактеризовано как хорошее — 50 %, нормальное и такое, «как везде», — по 24 %. Отметивших существование проблем оказалось 26 % («есть проблемы», «мало прав»); также респонденты отметили, что положение женщины в регионе «отличается влиянием традиционных кавказских и исламских традиций».

Человека здесь воспринимают как личность — 37,5 %, как представителя конкретной национальности — 27,0 %, судят по его качествам — 24,0 %, как женщину или мужчину — 14,0 %.

Половая принадлежность в обществе чрезмерно абсолютизирована — 61,5 %, периодически важна — 22,0 %, не имеет значения — 15,6 %.

Выводы

Исследование «Социальная активность женщин в общественно-политических процессах в республиках Северного Кавказа в контексте развития гражданского общества», проведенное летом — осенью 2020 г., показало, что, несмотря на значительное влияние религии и биодетерминизма в обществе, усиление контроля над женщинами, лоббирование патриархальными группировками новых гендерных ограничений, до сих пор общественная жизнь женщины играет важную и активную роль.

Гендерная политика религиозных структур на Северном Кавказе, реализуемая ими в последние годы, меняет роли женщин и отношение к ним. Она встречает сопротивление со стороны сильных традиций и может несколько ограничиваться законом. Местная гендерная система воспринимается по-разному, ее оценка колеблется от «крайнего уважения» до «крайнего ограничения», от защиты до высмеивания (М. Абидов, Х. Чумаков; см.: URL: https://youtu.be/mr49_HjftLs). Происходит процесс конкуренции трех религиозно-ценностных моделей взаимодействия полов: глобально-исламистской, традиционной и светской.

Гендерная система в северокавказском обществе может быть определена как смешанная, с доминирующим традиционным акцентом, с конкурирующими за доминирование религиозными составляющими. Отдельные демократические права человека и ценности, традиции и религия сплелись здесь в одну неразрывную стратегию, в которой четко разделены сферы частного и публичного. В частной сфере доминируют конкурирующие между собой религиозные и традиционные нормы и ценности. Публичная сфера всегда была сферой большей свободы и меньшего ограничения женщин. В последние годы исламизация стремится вторгнуться и в сферу публичного (этим отличается и политический ислам).

Ослаб институт брака. Число разводов увеличилось. Дети становятся уязвимыми. В Чечне и Ингушетии женщины, пережившие развод, сталкиваются со спорами из-за опеки над детьми.

Происходит внедрение полигамных отношений, что разрушает традиционный брак. Демографическая ситуация не благоприятствует внедрению полигамии, перевес женщин здесь не столь значительный (женщин в Дагестане — 51,9 %, Ингушетии — 55,3 %, Чечне — 50,9 %) и касается только женщин старше среднего возраста. Так, количество женщин в Республике Дагестан после 60 лет увеличивается наполовину, в то время как мальчиков рождается намного больше, чем девочек [Всероссийская перепись... , 2010].

Большая часть женщин не освобождены от работы. Они трудятся либо вынужденно, либо в целях самореализации. Представлены они и в политике, где занимают высокие государственные должности. В Дагестане даже жена муфтия выразила желание участвовать в избирательной кампании на пост главы государства и значительная часть общества ее поддержала.

Гендерная политика, проводимая религиозными структурами, нацелена на приближение к реализации принципов, заложенных в религии. Проблема разногласий в понимании отдельных положений религии вряд ли будет преодолена. Гендерный вопрос всегда будет оставаться важным для религии и общества. В республиках Северного Кавказа мы наблюдаем значительное усиление роли религии в жизни не только человека, но и общества, активное продвижение гендерной политики религиозных структур, все возрастающее принятие ее обществом и сильную политизацию. Параллельно с этим происходит стремительное нарастание гендерной дискриминации и эскалация гендерных проблем (домашнее насилие, уязвимость слабозащищенных групп и др.). Поэтому понимание гендерной системы мусульманского общества Северного Кавказа становится все более важным и актуальным.

Библиографический список

- Всероссийская перепись населения. 2010. URL: <http://www.perepis-2010.ru/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Гендерная стратегия РФ. 2002. URL: <http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm> (дата обращения: 05.03.2020).
- Гендерное насилие в цифрах. 2016. URL: <http://www.health-genderviolence.org/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Григорьева М. А. Гендерный аспект политического терроризма // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 185—188.
- Насилие в отношении женщин. ВОЗ. 2017. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs239/ru/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы. 2017. URL: <https://gosmintrud.ru/ministry/programms/8> (дата обращения: 05.03.2020).
- Сабанчиева Л. Х. Гендерный фактор в традиционной культуре кабардинцев (вторая половина XVI — 60-е годы XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2005. 248 с.
- Силласте Г. Г. Социальные транзиты и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 14—19.
- Ahmed L. *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven: Yale University Press, 1992. 296 p.
- El-Saadawi N. *The Nawal El-Saadawi Reader*. London: Zed books, 1997. 304 p.
- Esposito J. L. *Women in Islam and Muslim Societies*. Oxford University Press, 1998. 112 p.
- Halle F. *Women in the Soviet East*. New York: Dutton & Co, 1938. 363 p.
- Ishkanian A. Gendered transitions: the impact of the Post-Soviet transition on women in Central Asia and the Caucasus // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2003. Vol. 2, iss. 3. P. 475—496.
- Jaimoukha A. *The Chechens: a Handbook*. Routledge, 2005. 336 p.
- Mernissi F. *Women & Islam*. Oxford: Blackwell Publishers, 1991. 283 p.
- Mir-Hosseini Z. *Islam and Gender*. NJ, 1999. 305 p.
- Ridgeway C. L., Smith-Lovin L. The gender system and interaction // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25-1. P. 191—216.
- Sodhar Z., Shaikh A., Sodhar K. *Woman's Social Rights in Islam: an Evaluation of Equality of Rights between Men and Women*. Grassroots, 2015. 174 p.

References

- Ahmed, L. (1992) *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*, New Haven: Yale University Press.
- El-Saadawi, N. (1997) *The Nawal El-Saadawi Reader*, London: Zed books.
- Esposito, J. L. (1998) *Women in Islam and Muslim Societies*, Oxford University Press.
- Grigor'eva, M. A. (2011) Genderный аспект политического терроризма [Gender aspect of political terrorism], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 5, pp. 185—188.
- Halle, F. (1938) *Women in the Soviet East*, New York: Dutton & Co.
- Ishkanian, A. (2003) Gendered transitions: The impact of the Post-Soviet transition on women in Central Asia and the Caucasus, *Perspectives on Global Development and Technology*, vol. 2, iss. 3, pp. 475—496.
- Jaimoukha, A. (2005) *The Chechens: A Handbook*, Routledge.
- Mernissi, F. (1991) *Women & Islam*, Oxford: Blackwell Publishers.

-
- Mir-Hosseini, Z. (1999) *Islam and Gender*, NJ.
- Ridgeway, C. L., Smith-Lovin, L. (1999) The gender system and interaction, *Annual Review of Sociology*, vol. 25-1, pp. 191—216.
- Sabanchieva, L. H. (2005) *Gendernyi faktor v traditsionnoi kul'ture kabardintsev (vtoraia polovina XVI — 60-e gody XIX veka)* [Gender traditional culture of Kabardins (the second half of the XVI — 60s of the XIX century)], Nalchik: El'-Fa.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in the republics of the North Caucasus: the modern trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—19.
- Sodhar, Z., Shaikh, A., Sodhar, K. (2015) *Woman's Social Rights in Islam: An Evaluation of Equality of Rights between Men and Women*, Grassroots.

Статья поступила 15.09.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия, saida_kant@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Associate Professor at the Department of Humanities, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 68—82
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 68—82
ББК 60.723.5
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6

**СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСЛОКАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ**
(На примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана)

Г. Ф. Хилажева

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Академия наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия, hilazhevagf@isi-rb.ru

Анализируются результаты социологического исследования, проведенного в 2018 г. в селах и малых городах Башкортостана. Опрошено по 200 супружеских пар в двух категориях семей — вахтовых мигрантов и контрольной группы (не вовлеченных во временную занятость). Временная трудовая занятость рассматривается как одно из условий включения современной семьи в транслокальные миграционные процессы, формирования нового типа транслокальных отношений между мигрантом и семьей. Отмечается, что транслокальная миграция выступает фактором трансформации внутрисемейных отношений, ведет к положительным социально-экономическим эффектам в жизни семьи, но имеет и ряд негативных последствий, вызванных длительным отсутствием супруга (трудности, связанные с ведением хозяйства, домашнего быта, воспитанием детей, физическим и социально-психологическим самочувствием супругов), и является вынужденной мерой в стратегии жизнеобеспечения семьи.

Ключевые слова: транслокальная миграция, временная трудовая занятость, вахтовые мигранты, семья.

**MODERN FAMILY IN THE CONTEXT
OF TRANSLOCAL MIGRATION**
(On the example of shift migrants families in Bashkortostan)

G. F. Khilazheva

Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation, hilazhevagf@isi-rb.ru

The article analyzes the results of a sociological study conducted in 2018 in the villages and small towns of Bashkortostan. 200 married couples were interviewed in two categories: shift migrants families and the control group (not involved in temporary employment). Temporary employment is considered to be a condition for the inclusion of the modern family

---

© Хилажева Г. Ф., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-020028.

in translocal migration processes. The study allowed us to draw the following conclusions. In the conditions of regular long-term absence of the spouse, stable translocal connections of the migrant with the family are formed in the families of shift migrants. Almost all shift migrants seek to compensate for their physical absence by regular communication with their spouse and children; by discussing topical issues of the family's economic and social life. Gender attitudes and behavior of shift migrants and their spouses in the sphere of intra-family relations are characterized by a significant gap between ideas about the ideal, correct type of intra-family relations (which is mainly egalitarian), and real behavior in everyday life (which in its content is traditional and gender-marked). At the same time, in families of shift migrants, traditional gender stereotypes and norms of behavior are declared and produced to a much lesser extent than in the control group of families, both in the distribution of household responsibilities and in matters of leadership in the family. The consequences of temporary labor migration for families of shift migrants are not clear. Along with the obvious positive effects that are manifested in the economic life of the family, there are a number of difficulties in managing the economy, life in rural areas, raising children, and physical and socio-psychological well-being.

Key words: translocal migration, temporary employment, shift migrants, family.

Проблема исследования

Одной из основных тенденций современного развития института семьи является рост ее вовлеченности в миграционные процессы. Так, в России с 2015 по 2018 г. численность мигрантов, прибывших со своей семьей или членами семьи, выросла с 1,7 до 1,9 млн человек (с 37 до 40 % от числа всех прибывших внешних и внутренних мигрантов)¹.

В условиях глобализации все более распространенной становится так называемая циркулярная форма миграции, в процессе которой мигранты с определенной периодичностью возвращаются на прежнее место жительства — в регионы и страны исхода, в свои семьи, родственные и социальные группы. Чаще всего к ним относят международных трудовых мигрантов².

Во второй половине XX в. в зарубежной социальной антропологии и социологии для интерпретации последствий процессов циркулярной миграции были предложены концепции транснациональной и транслокальной миграции. В рамках транснационализма (Н. Г. Шиллер, Р. Роуз и др.) рассматривается феномен современного «трансмигранта», который не привязан только к одному месту, а живет в нескольких местах и включен одновременно в несколько сообществ [Кайзер, Бредникова, 2004: 133]. При этом благодаря развитию новых электронных технологий, интернет-коммуникаций «трансмигрант» способен

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015, 2018 гг. / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 10.12.2019).

² По одному из определений Европейской экономической комиссии, циркулярная миграция — это последовательность международных перемещений, во время которой одно и то же лицо проживает минимум в двух странах более одного раза, где получает временное или постоянное место жительства. См.: Коллективная попытка определить циркулярную миграцию: доклад Европейской экономической комиссии на Конференции европейских статистиков, рабочая сессия по статистике миграции населения, Кишинев, Республика Молдова, 10—12 сентября 2014 г. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2014/mtg1/WP_25_Mexico_ru (дата обращения: 12.12.2019).

совмещать физическое отсутствие в каком-либо сообществе с социальным присутствием и участием и создавать «транснациональное социальное пространство», развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения — семейные, экономические, социальные и т. д. [Бредникова, Ткач, 2010: 73].

Транснациональная миграция охватывает все больше семей. Выделяют возможные модели транснациональной заботы и ухода, социального и семейного поведения, транснационального прародительства [Толстокорова, 2013: 102]. Идеям трансграничной миграции близка концепция транслокальности (А. Аппадурай), согласно которой в условиях глобализации происходит увеличение «детерриториализованных» групп, что способствует возникновению новых «транслокальных солидарностей» [Макарова, 2013: 36]. Транслокальность — частный случай транснациональных миграций, при которых «мобильность... циркуляции и пространственные взаимодействия» происходят в пределах одной страны [Капустина, 2017: 28].

В России к транслокальным миграциям можно отнести временную трудовую (вахтовую) миграцию россиян, в которую в условиях социально-экономической нестабильности включаются все больше семей. Согласно данным Росстата, численность лиц, временно работающих за пределами своего региона, с 2011 по 2018 г. выросла в стране с 1,9 до 3 млн человек, т. е. более чем в 1,5 раза³. Современные исследования вопросов временной трудовой занятости, проведенные в России Ю. М. Плюсниним, Н. В. Мкртчяном, Ю. В. Флоринской, Т. Г. Нефедовой и другими учеными, показывают значительные масштабы, сложность и противоречивость этого явления (см.: [Плюснин и др., 2013; Между домом... , 2016; Флоринская и др., 2015]).

Ученые определяют современную вахтовую занятость как одну из форм пространственной (географической) мобильности населения, как явление, аналогичное временной сезонной занятости крестьян в дореволюционной России (отходники), но в то же время имеющее свои особенности; как один из способов адаптации населения к сложившимся социально-экономическим условиям [Плюснин и др., 2013: 16; Между домом... , 2016: 75—78].

Численность временных трудовых мигрантов различается в субъектах РФ. Среди них выделяется Республика Башкортостан, которая лидирует среди всех регионов (за исключением Московской и Ленинградской областей) по абсолютной численности временных трудовых мигрантов. В 2018 г. она составляла более 161 тыс. человек, или более 8 % занятых в экономике⁴.

Социологические данные по Республике Башкортостан показывают, что более половины вахтовых мигрантов имеют семьи — состоят в браке и являются родителями несовершеннолетних детей. Наибольшую долю вахтовых мигрантов составляют жители сел (63—66 %), малых и средних городов (18—20 %)⁵.

³ О межрегиональной трудовой миграции в 2018 году / Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.htm (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Данные социологических исследований «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (2015 г., объем выборки 6264 человек) и «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» (2019 г., объем выборки 1000 человек).

По нашим расчетам, проведенным на основе данных администраций муниципальных образований Республики Башкортостан, в среднем около 10 % сельского трудоспособного населения составляют вахтовые мигранты⁶. Таким образом, можно говорить о том, что в Республике Башкортостан значительная часть семей, особенно в сельской местности, малых и средних городах, включена в процессы транслокальной миграции, т. е. миграции, которая имеет циркулярный характер и протекает в границах одной страны.

Каковы последствия этого явления для современной семьи? Как формируются транслокальные связи между вахтовыми мигрантами и их семьями? Как отражается длительное отсутствие супруга на характере внутрисемейных отношений, гендерных установках и поведении мужчин и женщин?

Выдвижение гипотезы. Постановка задачи

По мнению ряда исследователей, транснациональная/транслокальная семья, в которой регулярно отсутствует кто-либо из супругов, не имеет возможностей для качественного выполнения основных социальных функций (защитной, воспитательной, социализационной, первичного контроля и др.). Несмотря на преимущества новых информационно-коммуникационных технологий, которыми пользуются для поддержания семейных отношений на больших расстояниях, они не способны заменить межличностное общение [Толстокорова, 2013: 99; Когай и др., 2013].

В то же время, на наш взгляд, семьи временных трудовых мигрантов переживают качественно новые проявления последствий миграционных процессов и в них более интенсивно происходит трансформация традиционных семейных ценностей, традиционного характера внутрисемейных отношений, чем в семьях, которые не вовлечены во временную трудовую миграцию (данный тезис нами выдвигается как гипотеза настоящего исследования).

Задача статьи — провести социологический анализ воздействия транслокальной миграции на трансформацию института семьи. В работе рассматриваются следующие вопросы:

1) формирование транслокальных связей мигранта с членами семьи, степень его социальной близости с семьей во время физического отсутствия (участие в семейных делах и воспитании детей);

2) гендерные установки вахтовых мигрантов и их супругов в сфере внутрисемейных отношений и их поведение (разделение домашних обязанностей, отношение к проблеме лидерства в семье);

3) оценка последствий транслокальной миграции для семьи у супругов (трудности, положительные и отрицательные стороны участия в вахтовой миграции, отношение к вахтовой миграции как к стратегии жизнеобеспечения семьи).

Методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования является концепция транслокальной миграции, согласно которой участники внутренней трудовой миграции взаимодействуют с членами своей группы в едином транслокальном пространстве (А. Аппадурай).

---

⁶ Данные администраций муниципальных образований Республики Башкортостан о численности временных трудовых мигрантов в республике за 2015—2018 гг.

Методика исследования опирается на разработки отечественных ученых (Н. В. Мкртчян, Ю. В. Флоринская), которыми было осуществлено исследование временной трудовой миграции в малых городах России с применением как количественных, так и качественных методов. В рамках их работы был проведен опрос трудовых мигрантов, а также членов двух категорий домохозяйств — имеющих вахтовых мигрантов в своем составе и не имеющих [Мкртчян, Флоринская, 2015: 74]. На основе этого подхода нами были опрошены две группы семей. Первая — экспериментальная (семьи вахтовых мигрантов); вторая — контрольная (семьи, в которых супруги не участвуют в вахтовой занятости, условно мы их обозначили как «обычные» семьи).

Исследование было проведено в Башкортостане в двух малых городах и пяти удаленных от центра республики сельских муниципальных районах на северных, южных, западных и восточных границах Башкортостана⁷. Относительно низкий уровень социально-экономического развития данных территорий является типичным для большинства малых городов и сельских районов на периферии республики.

Критериями отбора в обеих группах семей были длительность нахождения в браке (не менее одного года) и возраст (от 20 до 59 лет). В экспериментальной группе один из супругов в течение последних трех лет на момент проведения опроса (2016—2018 гг.) выезжал на работу за пределы своего населенного пункта на срок от пяти дней до нескольких месяцев⁸. В контрольной группе ни один из супругов в течение 2016—2018 гг. не имел опыта участия в вахтовой занятости.

В каждой группе семей было проведено стандартизованное интервью с супругами по месту жительства респондентов (по 200 семейных пар). Общий объем выборки составил 800 человек.

Результаты исследования⁹

Степень вовлеченности вахтовых мигрантов в семейные дела. Для определения степени и характера социального участия вахтового мигранта в жизни семьи выявлялись следующие стороны этого взаимодействия:

- 1) частота, форма, содержание общения с семьей на выезде;
- 2) участие отцов — вахтовых мигрантов в воспитании несовершеннолетних детей (на выезде и дома); субъективная оценка этого участия со стороны обоих супругов.

Находясь вдали от дома, практически все вахтовые мигранты общаются со своими семьями: ежедневно — 86,0 %, три-четыре раза в неделю — 10,0 %, один-два раза в неделю — 2,2 %. В основном общение происходит через мобильную связь (92,0 %) или же Интернет (51,0 %) — социальные сети, видеозвонки и т. д.

⁷ Малые города — Баймак, Давлеканово; сельские районы — Ермакеевский, Зилаирский, Краснокамский, Мечетлинский, Хайбуллинский.

⁸ Данный критерий отбора вахтового мигранта основан на подходах Н. В. Мкртчяна и Ю. В. Флоринской [Мкртчян, Флоринская, 2015: 21].

⁹ Для проведения корректного сравнительного анализа в гендерном разрезе в данной статье рассматриваются семьи временных трудовых мигрантов, в которых на заработки выезжает муж (в целом по выборке в 10 % семей на временные заработки выезжает женщина).

Наиболее часто обсуждаются бытовые, хозяйственные, финансовые вопросы семьи, общие семейные дела и проблемы детей (рис. 1). Супруги интересуются здоровьем друг друга, детей, родственников, а также разговаривают на другие темы («как дела в деревне», «какая погода» и т. д.). Темы, связанные с детьми, чаще упоминаются женщинами, с общими семейными делами — мужчинами.

Общаются со своими детьми каждый день 58,2 % вахтовиков, три-четыре раза в неделю — 22,6 %, один-два раза в неделю — 10,2 %, два-три раза в месяц — 2,3 %. Вахтовики также часто разговаривают с родителями (59,4 %), другими родственниками (44,0 %) и друзьями (23,4 %).

По мнению 75 % вахтовых мигрантов, находясь вдали от дома, они довольно сильно вовлечены в семейные дела, проблемы членов своей семьи. Этого же мнения придерживаются и 73 % их супруг. Лишь 25 % вахтовиков и 15 % их жен считают такую связь слабой. Около 10 % жен вахтовиков указали, что их мужья совсем не вовлечены в дела семьи (среди самих вахтовиков данной точки зрения придерживаются лишь 0,6 %).

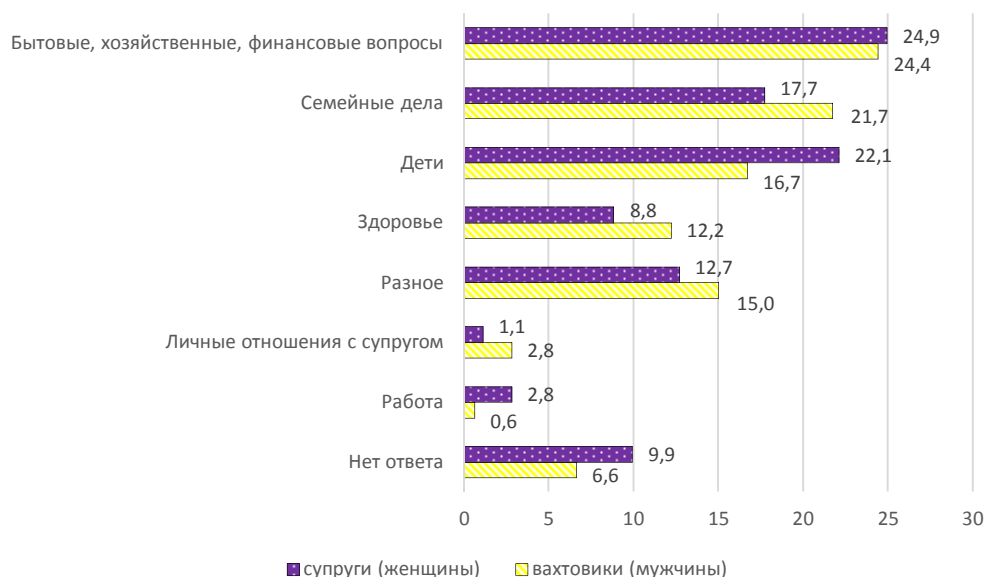

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы чаще всего Вы обсуждаете с супругом/супругой, когда он работает на выезде / когда работаете на выезде», %

На вопрос об участии в воспитании детей отвечали только те респонденты, которые на момент опроса имели несовершеннолетних детей. Находясь дома, более половины вахтовых мигрантов (63,8 %) располагают достаточным временем, которое могут уделить воспитанию детей; редко имеют такую возможность около пятой части (22,1 %); менее десятой части (9,3 %) совсем не располагают временем для воспитания; затруднились с ответом около 5,0 % респондентов.

Значительная доля вахтовых мигрантов — 72,9 % — оценили степень своего участия в воспитании детей во время пребывания дома как высокую, 22,1 % — как среднюю, 5,0 % — как низкую. К этим ответам близки субъективные оценки мужей из контрольной группы семей («обычные» семьи) (рис. 2).

Вахтовые мигранты оценили степень своего участия в воспитании детей и во время пребывания на выезде. Высокой ее считают 37,2 % вахтовиков, средней — 29,3 %, низкой — 33,6 %. Супруги вахтовиков оценивают степень участия своих мужей в воспитании детей несколько выше (рис. 2).

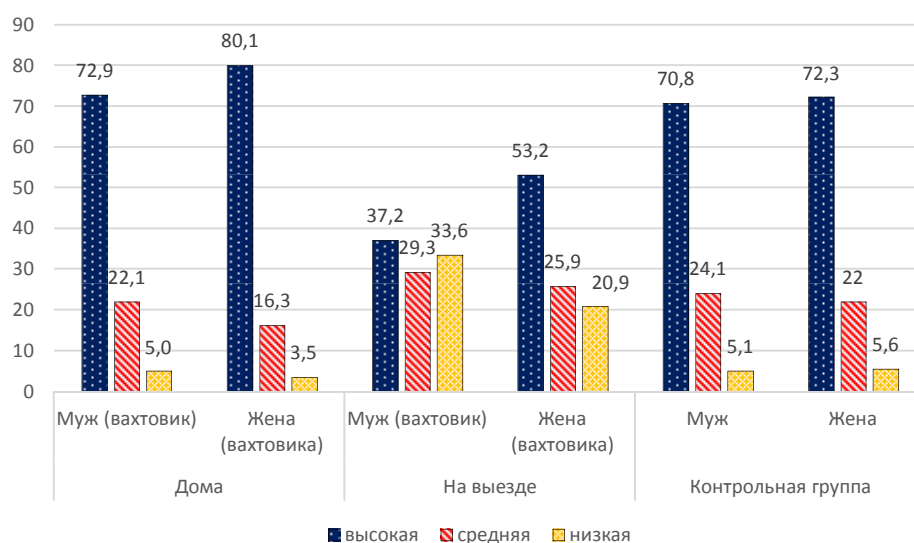

Рис. 2. Оценка степени участия мужей в воспитании детей у супругов в разных категориях семей, %

Вахтовикам были заданы вопросы об их непосредственном вкладе в воспитание детей во время пребывания дома: 1) провожают ли они ребенка на учебу, в детский сад, кружки и т. д.; 2) помогают ли в подготовке домашних заданий.

Большая часть опрошенных в обеих категориях семей (от 41,3 до 47,8 %) ответили, что нагрузка по сопровождению детей на занятия и обратно распределена между супругами равномерно (рис. 3). Более 29 % супругов в семьях вахтовых мигрантов и около 40 % в контрольной группе семей указали, что она лежит полностью на плечах женщины. То, что в это вовлечены только мужчины, отметили 18,4 — 24,0 % респондентов из семей вахтовиков и 8,8 — 9,4 % из «обычных» семей.

На вопрос о помощи детям в подготовке домашних заданий около половины респондентов ответили, что это главным образом забота женщины (47,8 — 51,8 % из семей вахтовиков и 56,3 — 57,6 % из «обычных семей»). Несколько меньше доля тех, кто отметил, что помогают ребенку оба супруга (36,0 — 38,2 % респондентов из семей вахтовиков и 26,6 — 27,2 % из контрольной группы семей). Редко звучали ответы о том, что помощь в учебе оказывается только мужчинами (рис. 4).

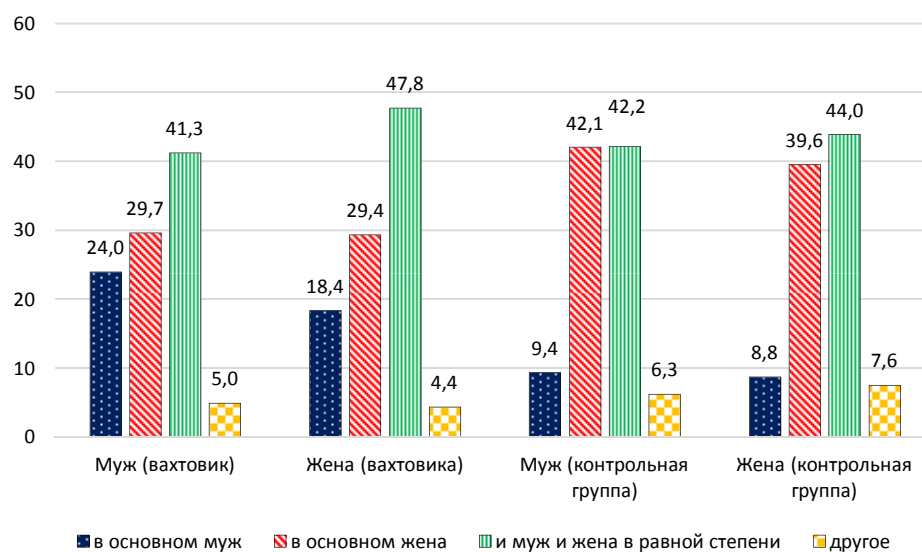

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Кто обычно сопровождает детей на занятия?», %

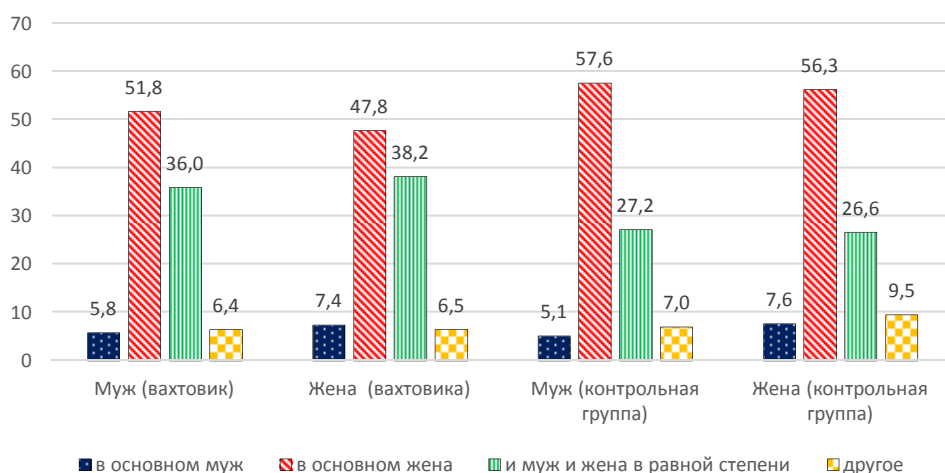

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Кто обычно помогает детям делать уроки?», %

Таким образом, вахтовые мигранты достаточно часто общаются со своей семьей, большая часть — ежедневно (благодаря сотовой и интернет-связи). С супругами общение происходит намного чаще, чем с детьми, родителями и другими родственниками.

Определенная доля отцов несовершеннолетних детей считают, что на выезде они имеют возможность заниматься воспитанием детей, вовлечены в их дела и проблемы. Важно, что, несмотря на снижение оценок степени участия

вахтовых мигрантов в воспитании детей, сохраняются и даже несколько возрастают средние оценки этого участия на выезде.

Во время пребывания дома вахтовые мигранты сильнее, чем мужья из контрольной группы семей, вовлекаются в определенные виды заботы и ухода за детьми, в частности, они чаще сопровождают детей на занятия и обратно.

Если вклад отцов в оказание помощи детям в учебе в обеих категориях семей одинаков, то масштабы только женского участия относительно больше в контрольной группе семей, совместного — в семьях вахтовых мигрантов.

Гендерные установки на внутрисемейные отношения и поведение в семье. Данная проблема рассматривалась через такие показатели, как:

- 1) распределение домашней работы между супругами,
- 2) отношение супругов к вопросу о лидерстве в семье.

Социологические исследования, проведенные в разных городах России в последние два десятилетия, показывают, что распределение домашней нагрузки является наиболее консервативной областью семейных отношений, одним из ярких проявлений доминирования стереотипных способов дифференциации семейных ролей [Задворнова, 2014: 51, 52].

Среди предложенных 12 видов домашней работы большая часть опрошенных выделила преимущественно «женские» и преимущественно «мужские». В основном женами выполняются: стирка и глажение, уборка по дому, мытье полов, посуды, приготовление еды, оплата счетов; только мужчины производят мелкие починки в доме; совместно супругами осуществляется работа по уходу за домашней скотиной и птицей, работа в саду, огороде, закупка продуктов; затапливают печь и ходят за водой или мужья, или совместно оба супруга.

Анализ гендерного распределения домашней работы в разных категориях семей показывает, что загруженность женщин в «обычных» семьях значительно выше, чем в семьях вахтовых мигрантов. В последних мужчины больше вовлечены в совместное выполнение разных, в том числе традиционно женских, видов работы. Например, уборку и мытье посуды производят совместно в 16,6 % семей вахтовиков и 8,3 % семей контрольной группы; приготовление еды — в 26,5 и 11,9 % семей соответственно.

В целом, как видно, во всех категориях семей распределение домашних работ между мужчинами и женщинами вполне традиционно. Однако, по мнению большей части респондентов (75—76 % из семей вахтовых мигрантов и 65—67 % из контрольной группы), в их семьях в реальной жизни сложилось равное распределение домашних обязанностей, в нем нет явной гендерной асимметрии. Именно такое распределение является «правильным», считают от 84 до 90 % мужчин и женщин.

Традиционных взглядов на распределение домашней работы, согласно которому она полностью должна лежать на плечах женщины, придерживается меньшая доля респондентов (от 3,0 до 7,6 %), в основном они представлены мужчинами из «обычных» семей.

При определении отношения к вопросу о лидерстве в семье было выявлено, что наибольшую долю среди опрошенных составляют сторонники эгалитарной модели семьи (рис. 5, а). Равноправными отношения должны быть в «идеальной», «правильной» семье, считают от 85,8 до 92,3 % супругов в обеих

категориях семей; в реальной жизни так сложилось в 75,5 — 83,5 % семей. Патриархальные представления о главенстве мужчины в семье характерны для 5,5 — 10,6 % мужчин и женщин; чуть больше тех респондентов, кто придерживается такой стратегии, — от 8,5 до 15,0 % (рис. 5, б). При этом в обеих группах семей среди них преобладают женщины. Значительный разрыв наблюдается между «идеальной» и реальной ситуацией, когда речь заходит о лидерстве женщин в семье (рис. 5, в). Сторонников такого подхода среди опрошенных практически нет (0,5 — 0,6 %). Однако, по мнению супругов, в реальной жизни лидерство женщин сложилось в 4,4 — 5,7 % семей вахтовиков и 5,0 — 8,5 % «обычных» семей. Указанные ответы чаще давали мужчины, в основном из контрольной группы семей.

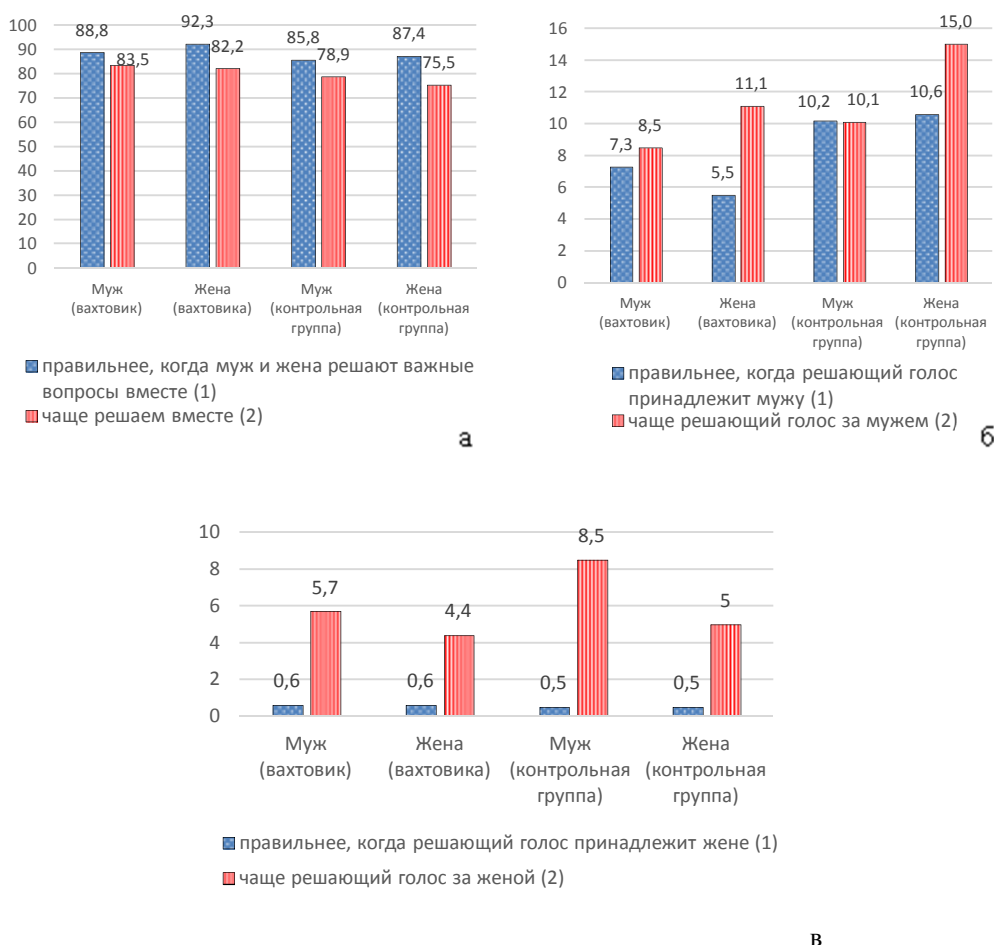

Рис. 5. Распределение ответов на вопросы «Кому в современной семье должен принадлежать решающий голос при обсуждении важных вопросов — мужу или жене?» (1) и «Кому в вашей семье чаще всего принадлежит решающий голос при обсуждении важных вопросов?» (2), %

Итак, гендерные установки респондентов на внутрисемейные отношения и их поведение можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, семьи вахтовых мигрантов демонстрируют более эгалитарные отношения, чем «обычные» семьи. И в «идеальной», и в реальной ситуациях вахтовики и их супруги реже считают, что домашнюю работу следует выполнять только женщине, а главенство в семье должно быть закреплено за мужчиной. Среди них больше сторонников равноправных отношений супругов и при выполнении домашней работы, и при решении важных семейных вопросов.

Во-вторых, в обеих категориях семей наблюдается значительный разрыв между установками супругов и их поведением («идеальные» установки более эгалитарны, реальное поведение в семье более традиционно и гендерно-дифференцировано, особенно в семьях, не вовлеченных во временную занятость).

Оценка последствий транслокальной миграции для семьи вахтовых мигрантов. В ходе исследования женам вахтовых мигрантов были заданы вопросы о проблемах, с которыми они сталкиваются во время отсутствия супруга. Во-первых, женщины должны были указать, испытывают ли они трудности, когда остаются одни во время вахты мужа. 14,4 % женщин ответили, что не испытывают никаких трудностей при выполнении домашней работы, у 31,8 % сложности появляются при воспитании детей. Очень большие трудности возникают в сфере домашнего быта и хозяйства у 16,0 % женщин, при воспитании детей — у 7,6 %. Более половины женщин ответили, что испытывают трудности, но небольшие (68,0 % — при ведении домашнего хозяйства; 52,4 % — при воспитании детей).

Во-вторых, женщины должны были более подробно рассказать о проблемах, с которыми они сталкиваются. Каждая пятая (20,5 %) указала, что во время отсутствия супруга проблемы связаны как с конкретными видами хозяйственной работы — работой во дворе, уборкой снега, подъемом тяжестей («во время бурана, снегопада тяжело откапывать двор», «тяжело смотреть коров, овец»), мелкими починками в доме, ремонтом бытовой техники, так и с тем, что им тяжело в целом («в общем тяжело», «нужна мужская сила», «трудно справиться по дому, хозяйству»).

Перед женщинами остро встает и проблема передвижений между населенными пунктами («проблемы выезда куда-либо», «съездить в райцентр, больницу»). Это отметила примерно каждая десятая опрошенная жена вахтового мигранта (11 %). Около 7 % женщин признались, что им трудно без мужской заботы и внимания, им «скучно» и «одинок», «мало времени приходится уделять себе». Когда речь заходила о сложностях, связанных с воспитанием детей, женщины говорили, что им «приходится везде брать с собой детей», «иногда дети не слушаются», возникают «трудности по воспитанию и учебе детей» (5 %).

В-третьих, женщины должны были назвать позитивные и негативные последствия участия мужей в вахтовой миграции. Среди отрицательных моментов, которые возникают в связи с регулярным отсутствием мужа на вахте, женщины на первое место поставили увеличение работы по дому, хозяйству (70,2 %). Остальные негативные последствия отмечаются гораздо реже: «больше устаю» (28,2 %), «меньше времени для воспитания детей и общения с ними» (25,4 %), «не чувствую себя в безопасности» (24,9 %), «ухудшилось мое здоровье»

(11,6 %). В то же время некоторые женщины указали, что в связи с отсутствием мужа у них появилось больше времени, которое они могут уделять себе (14,5 %), и возможность быть более самостоятельной (11,7 %). Эти положительные стороны пребывания мужа на выезде отмечаются намного реже по сравнению с другими, среди которых преобладают: повышение денежных доходов семьи (67,0 %), рост возможностей для совершения покупок (продукты, одежда, товары длительного пользования) (51,4 %), улучшение жилищных условий семьи (41,3 %).

Вахтовые мигранты также констатировали, что улучшилось материальное положение семьи (76,0 %), улучшились жилищные условия (38,0 %), расширились возможности для совершения покупок (36,2 %), появилась возможность оплачивать учебу детей (16,4 %) и помогать родственникам материально (9,0 %). В то же время мужчины отметили, что стали меньше времени уделять воспитанию детей (58,0 %), домашним делам (47,2 %), общению с родственниками, друзьями (43,2 %), у них ухудшилось здоровье (50,0 %).

У мужчин — вахтовых мигрантов преобладает мнение об отсутствии какого-либо влияния вахтовой миграции на внутрисемейные отношения (36,5 %), у их жен — об ее отрицательном влиянии (35,4 %). Но при оценке ситуации в своих семьях частота суждений об отрицательном влиянии сокращается в два раза и значительно возрастает число суждений о нейтральном («никаком») влиянии миграции на семью. Так, на то, что миграция негативно сказалась на отношениях в семье, указали 10,8 % вахтовиков и 16,6 % их супруг; на отсутствие какого-либо влияния — 50,0 и 41,0 % соответственно. Примерно одинаковая доля вахтовиков и их жен отметили положительное влияние вахтовой миграции на внутрисемейные отношения (17,0 и 19,0 % соответственно); гораздо меньшая часть и мужчин (10,8 %) и женщин (16,6 %) — ее отрицательное влияние.

В контрольной группе семей меньше положительных (7,0 — 8,0 % мужчин и женщин) и больше отрицательных (39,0 — 41,0 %) оценок вахтовой миграции как фактора внутрисемейных отношений.

В ходе исследования выяснялось, какая из двух ценностей — семья, крепкий брак или материальное благополучие, достаток — является доминирующей для супружеских пар из разных категорий семей. Большинство супругов сделали выбор в пользу ценности семьи и брака. Однако в семьях вахтовых мигрантов таких ответов несколько меньше (82,3 % мужчин и 78,3 % женщин), чем в контрольной группе семей (92,4 и 90,8 %). Соответственно главенство материальных ценностей выбрали больше респондентов из групп семей вахтовых мигрантов (17,7 % мужчин и 21,7 % женщин), чем из «обычных» семей (7,6 и 9,2 % соответственно). Женщины в обеих группах семей демонстрируют несколько большую ориентированность на материальное благополучие, чем их супруги.

Респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале свою семейную жизнь: насколько хорошо или плохо она у них сложилась. Более 60 % дали максимально высокую оценку («сложилась очень хорошо»). Однако такие положительные оценки больше звучали в ответах супругов из «обычных» семей (68,0 % мужчин и 65,3 % женщин), чем из семей вахтовиков (62,4 % мужчин и 60,0 % женщин). Последние чаще характеризовали свою семейную жизнь как «сложившуюся хорошо» (30,0 — 32,0 %), в контрольной группе семей такую

оценку дали меньше респондентов (23,0 — 25,0 %). Крайне негативных оценок («семейная жизнь не сложилась» или «совсем не сложилась») в ответах супругов из обеих категорий семей практически не было.

Большая часть супругов из обеих групп семей (61—62 % женщин и 73—75 % мужчин) считают, что их семейная жизнь вполне соответствует ожиданиям, которые были у них до вступления в брак. Противоположной точки зрения придерживаются от 2 до 4 % опрошенных. 15—16 % женщин и по 27 % мужчин на соответствующий вопрос ответили: «Пожалуй, лишь частично».

Таким образом, анализ данных о том, как оценивают участники вахтовой миграции и их супруги последствия временной занятости для семьи показывает следующее. Безусловным положительным эффектом временной занятости является улучшение материального положения семьи, расширение ее возможностей для удовлетворения своих потребностей. Однако есть и негативные последствия этого участия и для вахтовых мигрантов, и для их жен. Мужчины, несмотря на то что и на расстоянии стремятся находиться в постоянном контакте со своими супругами, детьми, осознают: они в меньшей мере реализуют свои роли отца, супруга. У значительной их части это вызывает определенную неудовлетворенность, хотя сами вахтовые мигранты и их жены в большей степени придерживаются мнения о том, что вахтовая миграция не оказывает какого-либо существенного влияния на внутрисемейные отношения супругов.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что вовлеченность современной семьи в транслокальную миграцию способствует трансформации традиционных гендерных стереотипов и норм поведения. Исследование также показало, что участие в вахтовой миграции для семей является вынужденной мерой, о чем говорит их выбор в пользу ценности семьи и брака, а не материального благополучия, а также относительно меньшая доля тех, кто очень высоко оценивает свою семейную жизнь, по сравнению с супругами из контрольной группы семей.

Библиографический список

- Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72—95.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51—58.
- Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность: (комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство* / под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: Центр независим. социол. исслед., 2004. С. 133—146.
- Капустина Е. Л.* Между севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 26—34.
- Когай Е. А., Зотов В. В., Каменева Т. Н.* Социокультурные риски семейно-брачных отношений в условиях глобализации пространства жизнедеятельности человека // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 4. С. 263—270. URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/033-038.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

- Макарова О. И. А. Аппадурай: культурное измерение глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2013. № 3. С. 33—37.
- Между домом... и домом: возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Неведовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. М.: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, 2015. 74 с.
- Плюснин Ю. М., Заусаева Я. Д., Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
- Толстокорова А. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 98—121.
- Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: Дело, 2015. 108 с.

References

- Brednikova, O., Tkach, O. (2010) Dom dlia nomady [Home for nomads], *Laboratorium*, no. 3, pp. 72—95.
- Florinskaia, Iu. F., Mkrтчian, N. V., Maleva, T. M., Kirillova, M. K. (2015) *Migratsiia i rynek truda* [Migration and the labor market], Moscow: Delo.
- Kaizer, M., Brednikova, O. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost': (Kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality: (Comments on terminology)], in: Baraulina, T., Karpenko, O. (eds), *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo*, St. Petersburg: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy, pp. 133—146.
- Kapustina, E. L. (2017) Mezhdru severom i zemle: doroga iz Zapadnoy Sibiri v Dagestan kak element sotsial'nogo prostranstva translokal'nogo migranta [Between the North and the Earth: the road from Western Siberia to Dagestan as an element of the social space of a translocal migrant], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 26—34.
- Kogaĭ, E. A., Zotov, V. V., Kameneva, T. N. (2013) Sotsiokul'turnye riski semeino-brachnykh otnosheniĭ v usloviakh globalizatsii prostranstva zhiznedeiatel'nosti cheloveka [Sociocultural risks of family and marriage relations in the context of the globalization of the space of human activity], *Uchĕnye zapiski: Ėlektronnyĭ nauchnyĭ zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 263—270.
- Makarova, O. I. (2013) A. Appadurai: kul'turnoe izmerenie globalizatsii [A. Appadurai: the cultural dimension of globalization], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, seriia Filosofskie nauki, no. 3, pp. 33—37.
- Mkrтчian, N. V., Florinskaia, Iu. F. (2015) *Trudovaia prostranstvennaia mobil'nost' rossii na primere zhitelei malykh gorodov* [Labor spatial mobility of Russians on the example of residents of small cities], Moscow: Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaĭstva i gosudarstvennoy sluzhby.
- Nefedova, T. G., Averkieva, K. V., Makhrova, A. G. (eds) (2016) *Mezhdru domom... i domom: Vozvratnaia prostranstvennaia mobil'nost' naseleniia Rossii* [Between the house... and the house: Recurrent spatial mobility of the Russian population], Moscow: Novyĭ khronograf.
- Pliusnin, Iu. M., Zausaeva, Ia. D., Zhidkevich, N. N., Pozanenko, A. A. (2013) *Otkhodniki* [Migrant workers], Moscow: Novyĭ khronograf.

- Tolstokorova, A. (2013) Transnatsional'naiia i gendernaia paradigmy v izuchenii mezhdunarodnoi mobil'nosti: na primere Ukrainy [Transnational and gender paradigms in the study of international mobility: the case of Ukraine], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 2, pp. 98—121.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian Family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.

Статья поступила 02.10.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хилажева Гульдар Фаритовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия, hilazhevagf@isi-rb.ru (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 83—93
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.7

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 83—93
ББК 60.561.8
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.7

БАРЬЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ГЕНДЕРНО-ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ СРЕДЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

А. В. Швецова

Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей профессионального становления женщин в академическом сообществе и выявлению гендерных барьеров, характерных для системы российской науки. На материалах комплексного прикладного исследования (онлайн-опрос молодых российских ученых, N = 105; глубинное интервью молодых российских ученых, N = 20) показано, что развитие кадрового потенциала науки сопряжено с трудностями как общего характера (финансовые, организационные и морально-этические), так и гендерно-обусловленными. Это ставит перед женщинами — молодыми учеными множество барьеров. Объективные гендерные барьеры возникают в связи с репродуктивной функцией женщин и вытекающей двойной занятостью, что при отсутствии действенных механизмов государственной поддержки резко ограничивает возможности карьерного роста. Культурные барьеры связаны со стереотипным пониманием ролей мужчины и женщины, характерным для российской ментальности.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, гендерная культура, гендерные барьеры, научное сообщество, кадровый потенциал науки, развитие науки, академическая карьера.

PROFESSIONAL DEVELOPMENT BARRIERS OF YOUNG SCIENTISTS IN THE GENDER-DIFFERENTIATED SCIENTIFIC COMMUNITY

A. V. Shvetsova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg,
Russian Federation, shvetsovaav@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the features of the professional development of women in the academic community and the identification of gender barriers characteristic of the Russian science system. The materials of the integrated applied research (online survey of young Russian scientists, N = 105; in-depth interview of young Russian scientists, N = 20)

© Швецова А. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31346 «Государственная политика воспроизводства кадрового потенциала науки».

showed that the development of the personnel potential of science is fraught with difficulties both of a general nature (financial, organizational, moral and ethical), and gender-conditioned, which puts young women scientists in a situation of multiple barriers. Objective gender barriers arise in connection with the reproductive function of women and the resulting double employment, which, in the absence of effective mechanisms of state support, severely limits career opportunities. Cultural barriers are associated with the stereotypical understanding of the binary roles of a man and a woman, which is characteristic of the Russian mentality.

Key words: gender, gender stereotypes, gender culture, gender barriers, scientific community, human resources of science, development of science, academic career.

Постановка проблемы

Проблема развития кадрового потенциала науки остро стоит в условиях мировой конкуренции за производство и потребление знания как наиболее ценного продукта информационной эпохи. Деятельность государственных регуляторов направлена на переформатирование науки и сосредоточение основных интеллектуальных усилий на решении политических задач. В свою очередь, это влечет трансформацию образа ученого — от «философа-мыслителя» к «эффективному исполнителю» — и возникновение множества профессиональных барьеров на пути развития молодых исследователей.

Наиболее уязвимой категорией в данных условиях являются женщины — молодые ученые. Дополнительно к трудностям, связанным с общей конъюнктурой, они испытывают давление гендерных барьеров. По Конституции мужчины и женщины в нашей стране имеют равные права на образование и выбор сферы профессиональной деятельности. На практике же существуют различные группы факторов, влияющих на успешность женщины в построении научной карьеры.

По данным Росстата, соотношение граждан, имеющих высшее и послевузовское образование, в нашей стране — 58 % женщин и 42 % мужчин, соотношение аспирантов — 47 и 53 % соответственно, докторантов — 46 и 54 % [Женщины и мужчины России... , 2018: 71, 82—83], что свидетельствует о высокой образовательной активности женщин. В то же время показатели научного роста и влияния имеют обратную тенденцию: соотношение научных руководителей, осуществляющих подготовку аспирантов, среди кандидатов наук — 39 % женщин и 61 % мужчин, среди докторов наук — 33 и 67 % соответственно; соотношение исследователей, выполняющих научные разработки, среди кандидатов наук — 42 % женщин и 58 % мужчин, среди докторов наук — 26 и 74 % [там же: 85]. Причины этого дисбаланса имеют как культурно-исторический (гендерные стереотипы и установки), так и социальный характер (двойная занятость женщин является негласной нормой и не учитывается при разработке стратегий государственной политики в сфере развития кадрового потенциала науки). Задача данного исследования — выявление и анализ основных гендерных барьеров, препятствующих профессиональному развитию молодых ученых.

Обзор литературы

Проблематика данного исследования занимает пограничное положение между двумя концептуальными научными направлениями — изучением функционирования науки как общественной системы и гендерными исследованиями. Говоря о первом направлении, стоит отметить методологическую значимость классических работ, определяющих сущность науки в рамках социологических теорий (П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Т. Кун, Р. Мертон, Т. Парсонс, К. Полањи, К. Поппер, П. А. Сорокин и др.).

Кадровый дефицит науки в условиях общественной нестабильности обусловил повышенный интерес российских исследователей к вопросам профессиональной социализации молодых ученых (О. Ю. Осипова, О. Н. Скрауч, И. С. Газизов, С. Н. Демиденко и др.). Значительная часть зарубежных и отечественных исследований посвящена роли науки в современных геополитических процессах, усилению контроля за деятельностью научных организаций со стороны властных структур, внедрению механизмов количественной оценки научной деятельности (Н. Coates, L. Goedegebuure, S. De Rijcke, B. Penders, S. Nauman, И. Д. Фруммин, Е. А. Другова, А. В. Кулешова, Д. Г. Подвойский и др.), что свидетельствует о глубинных изменениях в функционировании всех современных обществ.

Гендерные исследования начали свое становление в рамках философии (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ф. Ницше, М. Фуко), психологии (З. Фрейд, Э. Фромм, К.-Г. Юнг), социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, К. Маркс, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс и др.). Развитие идей равноправия послужило стимулом к обособлению гендерных исследований в отдельное научное направление, основы которого заложены в трудах С. Бовуар, актуализировавшей проблему несовершенства гендерного устройства общества [Бовуар, 1997]; Дж. Батлер, Г. Рубин, К. Хорни, Н. Чодороу, переосмысливших социологические и психологические теории сквозь призму гендерного анализа; А. Рич, поставившей вопрос о неудовлетворенности женщин своими жизненными достижениями в рамках «природного предназначения»; С. Л. Бем, разработавшей теорию «линз» гендера [Бем, 2004].

В силу идеологических причин в России обстоятельные публикации по гендерной проблематике стали возможны лишь в начале 90-х гг. прошлого века (подробнее с данным вопросом можно ознакомиться в исследовании автора, посвященном эволюции гендерного воспитания в России [Швецова, 2019]). Большинство современных отечественных исследователей опираются в своих работах на труды И. С. Кона [Кон, 1999, 2009, 2010], методологическая значимость и научная достоверность которых неопределима. Среди наиболее авторитетных российских ученых, работающих в области гендера, стоит отметить С. Г. Айвазову, О. А. Воронину, И. А. Жеребкину, Е. А. Здравомыслову, А. А. Темкину, И. С. Клецину, Н. Л. Пушкареву, Л. В. Сажину, Г. Г. Силласте, Е. А. Ярскую-Смирнову, В. Г. Ушакову, О. А. Хасбулатову и других.

Методы исследования

Дизайн исследования основан на сочетании качественных и количественных методов. Проведенный в апреле — июне 2019 г. онлайн-опрос (количественная часть исследования, N = 105) позволил выявить ряд эмпирических закономерностей гендерного дисбаланса в отечественной науке, обозначить гендерные различия профессиональных барьеров молодых ученых. Серия глубинных интервью (N = 20) обеспечила получение данных, лежащих вне возможностей количественного подхода, — мнений, построенных на основе анализа жизненного опыта, эмоциональных переживаний.

Анкетный онлайн-опрос проведен с помощью сервиса Google Forms, содержит 29 вопросов, часть из которых посвящена специфике женской карьеры в науке. В опросе приняли участие 105 работников высших учебных заведений России, подпадающих под определение «молодой ученый» (103 кандидата наук, 2 доктора наук в возрасте от 26 до 39 лет). Анкета была разослана на официальные адреса ряда вузов Российской Федерации, обратная связь поступила из университетов Челябинской, Нижегородской, Липецкой, Свердловской, Оренбургской, Омской, Томской, Калининградской областей, Республики Удмуртии, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Алтайского края. Состав респондентов включал 52 % женщин, 48 % мужчин, более 70 % от общего числа ответивших состояли в браке, более половины имеют детей. Молодые ученые работали в отраслях гуманитарных наук (32 %), технических (29 %), естественных (21 %) и социально-экономических (18 %). Данные опроса обрабатывались при помощи программы SPSS Statistics.

Глубинные интервью проведены с 20 молодыми учеными (19 кандидатов наук и 1 доктор наук), работавшими в трех крупных вузах Екатеринбурга и Уральском отделении Российской академии наук. Возраст респондентов на момент проведения интервью — от 26 до 35 лет. В выборку вошли 8 мужчин и 12 женщин, 11 из которых состояли в зарегистрированном браке, 8 имеют детей. Области их научных интересов — гуманитарные, социальные, технические науки. Все респонденты имеют ученую степень и на момент проведения интервью являлись работниками научных учреждений, что повышает достоверность сообщенной ими информации и позволяет получить сведения, отражающие объективную ситуацию внутри научного сообщества. Все интервью были записаны с согласия интервьюируемых и расшифрованы дословно.

Методология исследования базировалась на положениях социально-конструктивистского подхода к выявлению особенностей функционирования общества (П. Бергер, Т. Лукман), а также на теоретических концептах классиков гендерных исследований (Э. Гидденс, М. Мид, Н. Смелзер, С. Бовуар, И. С. Кон и др.), обосновавших наличие и влияние культурных стереотипов о мужчинах и женщинах. Кроме того, в исследовании использованы идеи П. О'Коннора о причинах гендерного дисбаланса в высшем образовании, которые узаконивают недопредставленность женщин на руководящих должностях, и способах сбалансирования сектора [O'Connor, 2019]. Анализируя барьеры профессионального развития молодых ученых, мы уделили значительное внимание специфическим трудностям женщин при построении карьеры, а также субъективному восприятию культурных норм и традиций, влияющему на положение мужчин и женщин в обществе.

Результаты исследования

На этапе подготовки исследования мы предполагали, что, помимо общих профессиональных барьеров, с которыми сталкиваются молодые российские ученые (финансовых, организационных и морально-этических), будут обнаружены и барьеры, обусловленные половой дифференциацией. На основе анализа работ других авторов, а также теоретических концептов гендерных исследований предварительно были выделены две основные группы барьеров: объективные барьеры, возникающие вследствие репродуктивной функции женщин, и культурные барьеры, связанные с гендерными стереотипами и традиционным пониманием бинарности ролей мужчины и женщины.

«Мамы разные нужны. Мамы всякие важны». Репродуктивный период в жизни женщины совпадает с периодом активного профессионального становления, соответственно «выпадение» из профессионального поля в момент рождения ребенка и во время его раннего детства сопряжено с отставанием в научной карьере (¾ опрошенных, большая часть из которых имеют детей, указали, что наличие семьи отвлекает от науки; табл. 1). Если для мужчин рождение ребенка связано прежде всего с изменениями в распределении вне рабочего времени, то для женщины — с коренным изменением жизненного ритма: *Моему ребенку один год. У меня катастрофически мало времени, которое я могу вне института посвятить науке* (м., 32 года, есть ребенок); *В России так уж повелось — воспитанием детей занимаются в основном женщины, им сложнее в этом смысле. Кому-то удастся договориться с женщиной взять на себя часть обязанностей, если он понятлив, но это все равно сложно* (м., 27 лет, детей нет); *У нас настолько своеобразное гендерное равенство, что вся нагрузка по уходу за детьми на женщине. Мужчины-то даже не ощущают особенно, наверное* (ж., 27 лет, детей нет).

Таблица 1

**Сопряженность ответов на вопросы «Есть ли у Вас дети?»
и «Оказывает ли влияние семейное положение
на карьеру молодого ученого?», % (N = 105)**

Есть ли у вас дети?	Оказывает ли влияние семейное положение на карьеру молодого ученого?				Итого
	Да, семья способствует научной карьере	Да, семья отвлекает от науки	Нет, это отдельные сферы	Иное	
Один ребенок	17,1	60,0	22,9	0,0	100,0
Двое детей	28,6	57,1	14,3	0,0	100,0
Трое и более	75,0	25,0	0,0	0,0	100,0
Нет	33,3	28,9	35,6	2,2	100,0
<i>Итого</i>	28,6	44,8	25,7	1,0	100,0

Анализ сопряженности ответов на вопрос о влиянии рождения детей на профессиональную карьеру с полом респондентов показывает (табл. 2): более половины мужчин склонны полагать, что рождение детей в равной мере отражается

на карьере обоих родителей; лишь 8 % считают, что с этой проблемой сталкиваются преимущественно женщины. Женский взгляд на данный вопрос противоположен: менее 13 % называют влияние равным, тогда как половина респондентов не считают, что рождение детей сказывается на мужчинах каким-либо образом. Среди выбравших вариант «иное» треть опрошенных указали на отсутствие опыта, остальные — на необходимость долгосрочного планирования и расстановки приоритетов.

Таблица 2

**Влияние рождения детей на профессиональную карьеру молодого ученого, %
(N = 105)**

Влияет ли рождение детей на профессиональную карьеру молодого ученого?	Пол		Итого
	мужской	женский	
Да, одинаково на мужчину и женщину	54,0	12,7	32,4
Да, только на женщину	8,0	50,9	30,5
Нет, все можно совмещать	24,0	34,5	29,5
Иное	14,0	1,8	7,6
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0

В отличие от операциональных видов трудовой активности результативность научной работы напрямую зависит от степени сосредоточения на теме исследования и требует постоянного поиска актуальной научной информации. Поэтому вопрос расстановки приоритетов между работой и семьей встает перед женщинами-учеными в довольно острой форме: *Я получила грант и на семейном празднике объявила об этом. Поздравлений не последовало. Мне было сказано: «Как, опять? А как же ребенок?»* (ж., 35 лет, есть ребенок). Вместе с тем исследовательская амбициозность заставляет искать варианты для совмещения ролей матери, жены и ученого: *Для женщины это очень сложно, но при определенном складе характера возможно. Ты должна понимать, что ты будешь писать статьи ночью, потому что днем ребенок отнимает все твоё время* (ж., 32 года, двое детей).

Характерно, что значительная часть наших респондентов отметили всплеск научной продуктивности в связи с рождением детей. Появление детей мотивирует мужчин к поиску дополнительного дохода, влияет на карьерные амбиции, грантовую активность. Женщины указывают на появление новых научных идей, желание заниматься чем-то помимо решения бытовых вопросов, стремление повысить качество жизни ребенка за счет участия в грантах: *Я сейчас в декретном отпуске, и при этом мои научные показатели выше, чем когда-либо. Это мотивирует, дисциплинирует. Много идей, ребенок — мой научный талисман* (ж., 35 лет). Несмотря на финансовые трудности и нехватку времени, материнство и отцовство являются колоссальным стимулом профессионального и личностного роста.

Более 42 % молодых ученых, принявших участие в анкетном опросе, не имеют детей, из них 53 % — женщины. Напомним, что это высокообразованные

люди в возрасте от 26 до 39 лет. В ходе интервью выяснилось, что большинство планируют рождение детей, в иных случаях отсутствие детей связано с состоянием здоровья или продиктовано осознанным выбором: *Своих детей я не хочу, очень надеюсь, что их не будет у меня. Любой проект можно прекратить — отойти, подумать. А с детьми так не получится* (ж., 27 лет, замужем, детей нет).

Одной из основных причин, по которой рождение детей откладывается на неопределенный срок, является низкий уровень финансовой обеспеченности молодых ученых и отсутствие собственного жилья: *Для людей разных возрастов нужны свои программы поддержки. Для молодых ученых исключительно актуален вопрос жилья и заработной платы* (ж., 33 года, детей нет); *Если бы я сейчас оказалась одна с ребенком — я не знаю, на что бы я жила вообще. Но это проблема не только науки, а всей страны* (она же). На сегодняшний день в нашей стране никаких специальных мер социальной поддержки молодых ученых в связи с рождением детей не существует: *Поддержки никакой нет со стороны государства. Даже есть некоторая обида* (ж., 34 года, есть ребенок). По мере взросления ребенка они сталкиваются с проблемами, характерными для всего населения: финансовыми трудностями (*Выплаты с 1,5 лет меньше 100 рублей в месяц. Со времен Ельцина ничего не менялось. Вопрос поднят и снова будет не решен*; м., 32 года, есть ребенок), сложностью устройства в дошкольные учреждения, отсутствием групп продленного пребывания в школах, что вновь актуализирует вопрос нехватки времени. Более 90 % опрошенных заявили, что ожидают от государства поддержки в решении своих социальных проблем, в том числе связанных с рождением и воспитанием детей, причем треть из них считают это прямой обязанностью социального государства (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос «Должно ли государство оказывать поддержку молодым ученым в решении их социальных проблем, в том числе связанных с рождением и воспитанием детей?» (N = 105)

Ответ	Процент
Да, в этом смысл любого социального государства	36,2
Да, такой поддержки очень не хватает	54,3
Нет, это личное дело каждого	1,0
На помощь со стороны государства я лично не рассчитываю	7,6
Иное	1,0
<i>Итого</i>	100,0

У нас все равны, но некоторые более равны. Исключительный исследовательский интерес представляет вопрос гендерных стереотипов в научном сообществе. Он вызывает наиболее противоречивые мнения, лишь незначительная часть респондентов имеют устойчивую внутреннюю позицию, еще меньшая — способны ее логически обосновать. Гендерные стереотипы обладают особенностью приниматься как должное даже теми, в отношении кого действуют. На практике это прослеживается в тех случаях, когда респондент приводит конкретные ситуации из своей жизни, представляющие собой примеры

дискриминационного поведения: *Есть, конечно, «мужские» вузы и «мужские» направления науки* (м., 33 года), но на абстрактный вопрос о гендерном неравенстве в науке отвечает, что его нет: *На сегодняшний день для женщин в нашей стране нет ограничений* (он же).

Влияние гендерных стереотипов в научном сообществе может быть рассмотрено с двух позиций: как проявление гендерного дисбаланса в системе администрирования научных учреждений и как возможность академического роста в различных (в том числе традиционно маскулинных) областях знания. Поскольку назначение на управленческие должности возможно только при наличии ученых степеней и званий, логично обсуждать эти два аспекта во взаимосвязи. На вопрос «Существует ли, на Ваш взгляд, проблема гендерного неравенства в российской науке?» 27,6 % респондентов ответили, что возможности мужчин и женщин равны, еще столько же считают, что успех в карьере зависит от личных качеств, а не от пола ученого (табл. 4). При этом на вопрос в более конкретной формулировке «В чем, на Ваш взгляд, причина того, что в России соотношение мужчин и женщин с высшим образованием 42 и 58 % (в пользу женщин), а доля женщин-ректоров менее 15 %?» ответы распределились иначе: 39,0 % указали на двойную занятость женщин, препятствующую карьерному росту, 32,4 % — на давление гендерных стереотипов, 23,8 % считают, что причина кроется в самих женщинах («Женщины менее способны к руководящим должностям» — 13,3 %; «Женщины менее амбициозны» — 10,5 %). Характерна ситуация, когда один и тот же респондент, отрицая наличие гендерных барьеров в науке, демонстрирует высокую степень стереотипности суждений.

По мнению молодых ученых, принявших участие в глубинном интервью, гендерный дисбаланс проявляется по-разному в зависимости от сфер научной деятельности. В социальных и гуманитарных областях представленность женщин высока, технические направления считаются традиционно мужскими. При этом именно технические науки определяются на сегодняшний день как приоритетные, что делает их наиболее престижными и финансово привлекательными, тогда как социально-гуманитарные финансируются по остаточному принципу.

Распространенным примером проявления гендерных стереотипов служит создание для мужчин более благоприятных условий научного роста, что прослеживается начиная с аспирантуры и далее на всех этапах построения карьеры: *Когда я поступала в аспирантуру, было два очных и одно заочное место. Руководитель аспирантуры мне прямо сказала: «Парням надо в очную». Так я попала в заочную, хотя ничем хуже их не была. Попутно, соответственно, я была вынуждена работать* (ж., 32 года); *Мужчин вообще стараются двигать по карьере. Говорят: «Мужчина же кормилец, его надо поддержать». Я тоже кормилец, но это никого не интересует* (ж., 27 лет).

Необходимо отметить, что 54,6 % женщин-ученых утвердительно отвечают на вопрос о гендерном неравенстве в российской науке: *Женщине, чтобы достигнуть какого-то результата, нужно работать раза в четыре больше, чем мужчине. Надо постоянно доказывать, что ты профессионал* (ж., 32 года); *Если бы я была мужчиной, с моими профессиональными качествами и работоспособностью я бы уже давно сделала блестящую карьеру* (ж., 31 год). Значительная часть молодых мужчин-ученых (28,0 %) также признают гендерное

неравенство в российской науке и рассматривают как проблему, причем в ряде случаев предлагают конкретные механизмы ее устранения: *Неравенство существует, и это видно на всех уровнях функционирования РАН. На высших должностях, как правило, мужчины. У нас, например, одна женщина — руководитель лаборатории. Это стереотипное мышление, что женщина не может выполнять сложную работу* (м., 32 года); *Наука — это консервативная среда, женщине сложнее делать научную карьеру. Есть ученые даже высокого статуса, которые очень предвзято относятся к женщинам* (м., 32 года); *Формировать общественное мнение надо, поднимать этот вопрос постоянно. Представьте, что 80 % времени в СМИ говорят не про Украину, а про «женский вопрос»* (м., 27 лет).

Таблица 4

Сопряженность ответов на вопрос «Существует ли, на Ваш взгляд, проблема гендерного неравенства в российской науке?» с полом респондентов, % (N = 105)

Ответ	Пол		Итого
	мужской	женский	
Да, это вопрос разного отношения к призванию мужчины и женщины	10,0	18,2	14,3
Да, это связано со сложностью совмещения семейных и профессиональных ролей	18,0	36,4	27,6
Нет, у всех равные возможности	42,0	14,5	27,6
Нет, успех в карьере зависит от личных качеств	24,0	30,9	27,6
Иное	6,0	0,0	2,9
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0

Противоречивым и сложным для интерпретации является тот факт, что значительная доля российских женщин-ученых скептически настроены в отношении профессиональных и управленческих способностей других женщин: *Женщинам не место в управлении. У них не получается воздерживаться от эмоций* (ж., 35 лет). Скрытый сексизм, который также проявляется во взаимоотношениях ожиданиях от женщины, призывая демонстрировать, с одной стороны, мягкость и пассивность, с другой — решительность и целеустремленность, свидетельствует о том, что уровень гендерной культуры внутри академического сообщества в нашей стране остается относительно невысоким. Даже наиболее образованная часть российского общества в лице молодых ученых не имеет согласованной позиции по вопросу гендерного равенства и зачастую выступает носителем и транслятором гендерных стереотипов.

Заключение

Понимая фрагментарность полученных эмпирических данных, мы, тем не менее, считаем возможным выделить некоторые закономерности функционирования российской науки с точки зрения ее гендерной дифференциации. Во-первых, являясь частью российского социума как сложной системы, наука развивается по тем же социальным законам, что и все общество, и дублирует

основные принципы его гендерного устройства. Это проявляется в статистически ощутимом гендерном дисбалансе на руководящих должностях, негласном предпочтении мужчин при трудоустройстве, условном разделении научных сфер на маскулинные и фемининные, отсутствии механизмов поддержки женщин-ученых в связи с материнством и т. д.

Во-вторых, академическое сообщество и само активно создает различные гендерные барьеры, с той лишь разницей, что они имеют более «интеллигентный» вид. Ученые обоих полов ориентируются на правовые рамки и редко позволяют себе высказывания открыто дискриминационного характера. Однако при переходе в практическую плоскость значительная их часть отходит от юридических норм и прибегают к традиционным, стереотипным формулировкам. Отрадно, что большинство ученых демонстрируют способность декодировать скрытые формы гендерного неравенства, осознавая себя частью гендерно-дифференцированной системы. Уровень гендерной культуры внутри научного сообщества неоднороден, что является барьерообразующим фактором профессионального развития молодых ученых.

Библиографический список

- Бем С. Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. под общ. ред. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алтейя, 1997. 832 с.
- Женщины и мужчины России, 2018: статистический сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.
- Кон И. С. Социологическая психология. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЕК, 1999. 560 с.
- Кон И. С. Сексуальное образование — глобальная задача XXI века // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 94—114.
- Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010. 608 с.
- Швецова А. В. Эволюция гендерного воспитания в России // Понятийный аппарат педагогики и образования: коллективная монография / отв. ред. М. А. Галагузова, В. М. Полонский. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2019. Вып. 11. С. 236—244.
- O'Connor P. Gender imbalance in senior positions in higher education: what is the problem? What can be done? // Policy Reviews in Higher Education. 2019. Vol. 3. P. 28—50.

References

- Bem, S. L. (2004) *Linzy generata: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses: Transformation of views on the problem of gender inequality], Moscow: ROSSPEN.
- Bovuar, S. (1997) *Vtoroi pol* [The second sex], Moscow: Progress, St. Petersburg: Alteia.
- Kon, I. S. (1999) *Sotsiologicheskaia psikhologiya* [Sociological psychology], Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Voronezh: MODEK.
- Kon, I. S. (2009) Seksual'noe obrazovanie — global'naia zadacha XXI veka [Sex education is a global challenge of the XXI century], *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 1, pp. 94—114.

- Kon, I. S. (2010) *Klubnichka na berēzke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [Strawberry on a birch tree: Sexual culture in Russia], Moscow: Vremia.
- O'Connor, P. (2019) Gender imbalance in senior positions in higher education: What is the problem? What can be done?, *Policy Reviews in Higher Education*, vol. 3, pp. 28—50.
- Shvetsova, A. V. (2019) Ėvoliutsiia gendernogo vospitaniia v Rossii [Evolution of gender education in Russia], in: Galaguzova, M. A., Polonskiĭ, V. M. (eds), *Poniatiiŭnyĭ apparat pedagogiki i obrazovaniia*, iss. 11, Ekaterinburg: Ural'skiĭ gosudarstvennyi pedagogicheskiĭ universitet, pp. 236—244.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2018* (2018) [Women and men of Russia, 2018], Rosstat, Moscow.

Статья поступила 09.09.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра инновационной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher Fellow at the Scientific and Educational Center of Innovation, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 94—103
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.8

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 94—103
ББК 63.3(2)53-334
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.8

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ЗЕМСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. (На материалах Саратовской губернии)

О. С. Киценко, Р. Н. Киценко

Волгоградский государственный медицинский университет,
г. Волгоград, Россия, olga_kicenko@mail.ru

Вопросы охраны материнства и детства занимали значительное место в земской медицинской практике конца XIX — начала XX в. Земскими врачами впервые были исследованы факторы риска для материнского и детского здоровья в условиях российской деревни. На охрану здоровья матери и ребенка была направлена работа по организации квалифицированной акушерской помощи, учреждению яслей-приютов, профилактике острых детских инфекций, поддержке грудного вскармливания, профилактике сиротства. При этом ряд земских медико-социальных программ (организация акушерских пунктов, яслей-приютов) оказались неэффективными. Более значительных успехов удалось добиться в деле профилактики острых детских инфекций, медицинского обеспечения учеников земских школ и детей-сирот. Многие инициативы земских врачей: поддержка грудного вскармливания, профилактика сиротства, массовая иммунизация — используются в современных системах охраны материнства и детства.

Ключевые слова: детская смертность, материнская смертность, земская медицина, акушерство, Саратовская губерния.

THE ISSUES OF MATERNITY AND CHILDHOOD PROTECTION IN THE ZEMSTVO MEDICAL PRACTICE IN THE LATE XIX — EARLY XX c. (On the materials of Saratov region)

O. S. Kitsenko, R. N. Kitsenko

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation, olga_kicenko@mail.ru

The protection of motherhood and childhood occupied a significant place in the zemstvo medical practice of the late XIX — early XX c. It was “zemsky” doctors who were first to investigate the risk factors for maternal and child health in a Russian village. These included, first of all, the imperfect system of obstetrics, the incorrect feeding of infants, and the prevalence of acute childhood infections. For the protection of the health of the mother and child,

work has been directed to organize skilled obstetric care, establish nursery-shelters, prevent acute childhood infections, support breastfeeding, and prevent orphanhood. At the same time, a number of zemstvo medico-social programs (organization of obstetric centers, nursery-shelters) were ineffective. The reasons for these failures were cultural traditions, peculiarities of the economic system, and the poverty of the Russian peasantry. More significant success was achieved in the prevention of acute childhood infections, medical care for pupils of rural schools and orphans. With the help of serum therapy, zemstvo doctors were able to reduce mortality from diphtheria. In addition, a vaccine against scarlet fever was being tested in Saratov region. The establishment of permanent medical supervision of children in Saratov orphanage resulted in 20—30 % mortality reduction. Many initiatives of zemstvo doctors: support of breastfeeding, prevention of orphanhood, mass immunization are being used in modern maternity and childhood protection systems.

Key words: infant mortality, maternal mortality, zemstvo medicine, obstetrics, Saratov region.

Охрана материнства и детства — одно из важнейших направлений работы систем здравоохранения в мире: ряд программ охраны материнства и детства реализуются сегодня как национальными системами здравоохранения, так и Всемирной организацией здравоохранения. Основными задачами в рамках этих программ являются: обеспечение акушерской помощи, уход за новорожденными и грудное вскармливание, обеспечение правильного питания, профилактика инфекционных заболеваний [Глобальная стратегия... , 2010].

В России вопросы охраны материнского и детского здоровья были обозначены еще в XVIII столетии М. В. Ломоносовым и основоположником российского акушерства Н. М. Максимовичем-Амбодиком. Главным фактором высокой детской и материнской смертности они считали неудовлетворительную организацию родовспоможения. В частности, Н. М. Максимович-Амбодик отмечал: «Сея гибели одна из главных причин есть крайнее в повивальном деле незнание многих неученых русских бабок, кои повсюду в России, а особливо между простым народом, свободно исправляют повивальное дело к собственному их стыду, общей гибели и явному вреду всего государства» [Максимович-Амбодик, 2016]. Сам Н. М. Максимович-Амбодик в 1781 г. возглавил Санкт-Петербургскую повивальную школу, выпускавшую профессиональных акушерок, однако прошло целое столетие, прежде чем квалифицированная акушерская помощь появилась в российской глубинке. Вплоть до второй половины XIX в. родовспоможение в деревне осуществлялось исключительно сельскими повитухами.

Поворот в сторону организации квалифицированной акушерской помощи был связан с земской реформой 1864 г., положившей начало развитию земской медицины. Вопросы охраны материнского и детского здоровья стали одной из важных составляющих земской системы медицинской помощи. Традиционная в крестьянской среде высокая рождаемость (7—10 детей), короткие интервалы между рожденьями и неграмотность крестьян создавали риски для здоровья матери и ребенка. Организация акушерской помощи должна была стать, по мнению земских врачей, первым шагом к сохранению материнского и детского здоровья.

В конце 1860-х гг., после передачи больничного дела земству от Приказа общественного призрения, квалифицированные акушерки были редкостью

в российской провинции (одна-две на уезд). Земским врачам поручалось контролировать их работу и выезжать на трудные роды.

В 1870—1880-х гг. в связи со становлением земской системы медицинских участков началось увеличение акушерского персонала. При этом наблюдались две тенденции: 1) приглашать на службу квалифицированных акушеров, выпускниц повивальных школ; 2) обучать сельских повитух научно обоснованным акушерским приемам. Обе эти тенденции существовали в практике разных губерний и даже разных уездов одной губернии, поскольку во врачебной среде были и сторонники повивального искусства, отмечавшие опытность и мастерство повитух, и противники, критиковавшие их за «варварские способы родовспоможения» [Чернышёва, 2016: 54]. В Саратовской губернии на должность земской акушерки в 1870-х гг. приглашались, как правило, выпускницы повивальных школ. Своеобразная «смешанная» система сложилась в Хвалынском уезде, где акушерки, объезжая участки, должны были преподавать местным повитухам «наставления о практических приемах». В 1877 г. в уезде двумя акушерками были обучены 73 повитухи [Журналы... , 1878: 107]. Другим пробным путем было привлечение сельских повитух к сотрудничеству с земскими медиками. Так, в Саратовском уезде была установлена награда в 1 руб. повитухам, вовремя оповестившим земского врача о тяжелых родах [Земско-медицинский сборник, 1894: 73].

В 1880-х гг. численность акушерского персонала в губернии значительно выросла: одна акушерка приходилась не на уезд, а на медицинский участок. Так, в Кузнецком уезде служили три акушерки и одна фельдшерица-акушерка, в Хвалынском — четыре акушерки [там же: 63]. Однако специальные помещения для рожениц в участковых больницах не предусматривались (например, в Кузнецком уезде была одна родильная кровать на весь уезд), роды принимались обычно на дому.

В этот период земские медики стали отмечать недостатки акушерской помощи. Отчеты с врачебных участков свидетельствовали о крайне низких показателях обращаемости крестьянок к акушеркам. Причины этого явления были связаны прежде всего с культурными традициями и хозяйственным укладом крестьянства. Традиционно в крестьянской среде беременность и роды воспринимались как естественное состояние женщины, не требующее медицинского вмешательства. Роды проходили в домашней обстановке, иногда — во время полевых работ. Крестьянки часто даже не знали о существовании акушеров, продолжая обращаться за помощью к повитухам. Если роды происходили в поле, повитуху заменяла одна из женщин, уже имевшая детей, или супруг роженицы [Медведева, 2013: 203]. Другим важным фактором была роль крестьянки в ведении хозяйства: повитухи, помимо родовспоможения, заменяли родильницу, выполняя работы по хозяйству. Кроме того, бедность крестьянского населения ограничивала возможность отправить роженицу в больницу. Социально-экономические факторы неприятия акушерской помощи отмечались земскими врачами: «Стремления земств вытеснить их [повитух] путем устройства родильных домов и приглашением акушеров оказываются безуспешными как в силу дороговизны, так и в силу того, что они не удовлетворяют условиям и требованиям деревенской жизни, где населению нужны не акушерки, а именно

бабушки-повитухи, могущие во всем заменить больную хозяйку дома» [Губернские съезды... , 1903: 52].

Неблагоприятно влияли на обращаемость недостатки организации земской медицинской помощи. Прежде всего большой радиус медицинских участков, достигавший 20—30 верст. Так, во врачебных отчетах по Хвалынскому уезду говорилось: «Население обращается за помощью к акушеркам преимущественно из того селения, в котором живет акушерка, а население более отдаленных пунктов почти всегда обходится простыми деревенскими повитухами. Если же и обращаются в трудных случаях, то преимущественно к врачу» [Земско-медицинский сборник, 1894: 96—97]. Отмечалась недостаточная профессиональная подготовка акушерок. На земском съезде врачей Саратовской губернии 1886 г. было принято решение о замене акушерок фельдшерицами-акушерками как более квалифицированным персоналом. Стремясь к рациональному расходу средств, земство привлекало на службу фельдшериц-акушерок, которые, кроме родовспоможения, наделялись другими обязанностями. Отметим, что замена земских акушерок фельдшерицами-акушерками являлась общероссийской тенденцией 1880-х гг. Важным мотивом этой замены была возможность приглашения на данную должность не только выпускниц фельдшерских школ, но и дипломированных женщин-врачей, выпускниц высших женских медицинских курсов. По словам историка Б. Б. Веселовского, «этот прием был земствам, конечно, выгоден, так как за 480—600 руб. они пользовались услугами врача» [Веселовский, 1909: 368]. Таким образом, в 1880-х гг. женщины-врачи часто работали в земстве в качестве фельдшериц, за фельдшерский оклад.

Учитывая особенности крестьянского быта и стремясь к улучшению системы родовспоможения, часть земских медиков поддерживали привлечение на службу сельских повитух при условии их кратковременного обучения. Другая часть врачей считали, что повитухи приносят больше вреда, чем пользы. Так, доктор М. Н. Бибииков отмечал: «Повитухи — это женщины 50—60 лет... убедить в противном тому, что они считают непреложным, — дело невозможное; врача они считают профаном и учиться к нему не пойдут» [Губернские съезды... , 1903: 52]. Тем не менее земства пытались организовать обучение повивальных бабок в 1880-х гг. Так, при земской лечебнице Камышинского уезда в 1888 г. были открыты курсы для повитух: обучение включало теоретическую часть (чтение, работа с наглядными материалами) и практическую (уход за роженицами и новорожденными, усвоение правил асептики). Курс обучения шел один месяц, так как «больше они не хотели учиться», а его результаты земские медики оценивали неоднозначно: «К повитухам население стало предъявлять требования на лечение, их стали упрекать, что проучившись целый месяц, они все-таки не выучились лечить болезни, а при родах чаще, чем неученые, посылают за врачом» [там же: 53]. Съезд земских врачей 1889 г. поддержал практику организации акушерских курсов при лечебницах при минимальном полугодовом сроке обучения. Интересна и другая рекомендация съезда: «Главный контингент обучающихся должен набираться из повитух, наименее зараженных предрассудками и суевериями» [там же].

Поиск решения кадровой проблемы привел к организации земствами повивальных школ. В конце XIX в. в России действовало пять земских повивальных

школ, в которых обучались 240 слушательниц (Вятская, Пензенская, Тульская, Харьковская и Симбирская) [Веселовский, 1909: 291]. На рубеже 1880—1890-х гг. Саратовским обществом санитарных врачей, а затем и губернскими съездами земских врачей была поддержана инициатива создания в Саратове фельдшерской школы. В результате в 1896 г. была открыта четырехлетняя женская акушерско-фельдшерская школа, руководство которой возглавил известный санитарный врач И. И. Моллесон. В школе преподавались основы анатомии, химии, фармации, биология, гистология, физиология, десмургия и латинский язык. В 1900 г. для школы было построено новое здание, практику студентки проходили на базах 1-й городской и Александровской губернской земской больниц [Завьялов и др., 2016: 118]. Деятельность Саратовской фельдшерско-акушерской школы оказалась востребованной в условиях увеличения числа медицинского персонала и приема на службу фельдшериц-акушерок.

Однако решить проблему низкой обращаемости рожениц к медицинским работникам этими мерами не удалось: фельдшерицы-акушерки усилили медицинский персонал в уездах, но родовспоможением почти не занимались. Каждая из фельдшериц-акушерок принимала всего 10—20 младенцев в год. В Царицынском уезде в 1905 г. было произведено лишь 15 акушерских операций (наложение щипцов и др.) [Журналы... , 1907: 130—133]. Эти цифры были ничтожными по сравнению с числом патологических родов в уезде с населением более 160 тыс. человек. В 1913 г. в докладе Царицынской управы отмечалось: «Из общего числа рождений в уезде не более 10 % прошло через руки медицинского персонала» [Журналы... , 1914: 196].

Результаты опыта Саратовского земства по организации акушерской помощи коррелируют с результатами общероссийской земской практики, зафиксированными Б. Б. Веселовским: «Об организации земствами акушерской помощи населению нам не придется много говорить, так как в этом отношении земствами до сих пор почти ничего не сделано» [Веселовский, 1909: 411]. Им была отмечена непоследовательность земской работы в области акушерства: если в 1877 г. по России функционировало 480 акушерских пунктов (в среднем 1,3 пункта на уезд), то к 1890 г. их число уменьшилось до 242, а к 1898 г. — вновь выросло до 402 [там же]. Эти «метания» были обусловлены, с одной стороны, невостребованностью пунктов (а значит, неэффективными расходами), с другой — осознанием необходимости квалифицированной акушерской помощи в деревне. Тем не менее цифры конца 1890-х гг. свидетельствуют о позитивной тенденции в развитии земской акушерской помощи на рубеже XIX—XX вв.

Другой важной проблемой являлась высокая младенческая смертность. В Саратовской губернии первые данные о детской заболеваемости и смертности были представлены в 1887 г. на III съезде земских врачей. В результате медико-статистических исследований было установлено, что Саратовская губерния занимает одно из лидирующих мест в России по младенческой смертности. Смертность детей первого года жизни составляла здесь 36 %, а средний показатель по России — 28 % [Губернские съезды... , 1903: 64]. Отмечалось влияние на детскую смертность времени года: максимум наблюдался в июле — августе, по мнению докторов, «от неразумного питания». Кроме того, были выявлены отличия в показателях младенческой смертности у разных народностей, населявших

губернию. Так, по Кузнецкому уезду младенческая смертность составляла у русских 36 %, у мордвы — 24,6 %, у татар — 12,4 % [там же]. Эти существенные отличия сконцентрировали внимание медиков на изучении национально-культурных традиций как фактора детской смертности. В 1890 г. в результате исследования земского врача И. Н. Буховцева было установлено, что главной причиной младенческой смертности в русских семьях являлись болезни желудочно-кишечного тракта, связанные с обычаем раннего прикорма (см.: [Петров, Киценко, 2017: 95]). Насущной необходимостью стала пропаганда грудного вскармливания. В 1891 г. Саратовской губернской управой была издана брошюра «Наставление матерям о вреде прикармливания без нужды грудных детей до времени прорезывания зубов» (1 тыс. экземпляров), составленная калужскими земскими врачами. «Наставление» также размещалось на страницах издания «Саратовский санитарный обзор». В условиях неграмотности населения подобные издания не были адресованы напрямую крестьянкам: их содержание должны были транслировать земские медики, учителя, члены санитарных попечительств, священнослужители. Другими мерами просветительского характера, направленными на профилактику желудочно-кишечных заболеваний, являлись: бесплатная раздача матерям гуттаперчевых сосок (чтобы отучить крестьян использовать для искусственного вскармливания коровий рог и фрагменты вымени); обращения к епархиальному начальству с просьбой обязать священников «поучать матерей не кормить детей постной пищей» [Земско-медицинский сборник, 1894: 102].

На снижение детской заболеваемости в период полевых работ была направлена организация яслей-приютов. Впервые ясли-приюты были учреждены в Пермском земстве в 1896 г. как «один из способов борьбы с детской смертностью и наглядного ознакомления с правилами детской диеттики» [Веселовский, 1909: 320]. Инициативу пермских врачей поддержали некоторые другие земства (Воронежское, Курское, Нижегородское), однако вплоть до начала XX в. ясли не получили широкого распространения. С 1900-х гг. начался рост числа яслей в земских губерниях. В Саратовской губернии ясли были открыты впервые в 1903 г. в 18 населенных пунктах, в 1904 г. — в 30 пунктах, а в 1907 г. только в одном Царицынском уезде было организовано 18 яслей (которые посещали более 1,5 тыс. детей) [Журналы... , 1908: 165]. Инициатива учреждения яслей выдвинута земскими врачами: одной из главных причин детской смертности считалось неправильное питание и желудочно-кишечные расстройства, особенно в летнее время. Ясли функционировали под контролем земских медиков, место открытия яслей определял земский санитарный совет. Дети принимались от 1 года до 10 лет, некоторые ночевали в яслях. На содержание одного ребенка в сутки земством затрачивалось от 7 до 16 коп. в зависимости от долевого участия частных благотворителей и крестьянских обществ [Журналы... , 1907: 145]. В расходы входило обеспечение яслей продовольствием, бельем, игрушками. Ясли быстро приобрели популярность в крестьянской среде. В с. Александровка Царицынского уезда с населением около 1,5 тыс. человек в 1904 г. ясли посещали 125 детей, в 1906 г. — 150 [там же: 149].

Результаты работы яслей-приютов вызвали острые дискуссии среди земских врачей. Врач Царицынского уезда Г. К. Туровский писал: «Для крестьян ясли стали потребностью» [там же: 146]. Саратовский врач В. Д. Ченькаев,

напротив, подверг ясельное дело критике, отметив, что ясли не выполняют своей профилактической функции, «не являются серьезным орудием в борьбе с детской смертностью» (см.: [Веселовский, 1909: 32]). Однако в 1908 г. на очередном губернском съезде земских врачей З. П. Соловьёвым и Н. И. Тезяковым были представлены результаты медико-статистических исследований, касающихся работы яслей в губернии за 5 лет. Эти данные доказывали положительное влияние яслей на статистику детской заболеваемости и смертности (см.: [Егорышева, 2013: 162]). Выводы саратовских врачей подтверждали соответствующие исследования в других губерниях (в частности, работы земских врачей П. Ф. Кудрявцева и Д. Н. Жбанкова). По мнению Б. Б. Веселовского, ясельное дело не получило развития, так как оказалось непосильным для земства, не сумевшего привлечь к значительному финансовому участию крестьян [Веселовский, 1909: 321]. В годы революции 1904—1905 гг. число земских яслей в России снизилось, а с началом Первой мировой войны их работа прекратилась [Егорышева, 2013: 163].

Новым направлением медико-социальной работы, инициированным земствами, было обеспечение медицинской помощью детей-сирот. Саратовское губернское земство с 1877 г. участвовало в финансировании городской благотворительной организации «Ясли», а в 1889 г. по инициативе земских врачей приют был передан земству с целью обеспечения его воспитанников медицинской помощью. Руководил приютом земский врач, назначенный губернской управой. Дети, отданные из приюта в деревни кормилицам, находились под наблюдением участковых врачей. Состояние здоровья кормилиц также контролировалось. В начале 1890-х гг. в приют ежегодно поступало около 200 подкидышей, в 1910-х гг. — более 1 тыс. [Доклад... , 1916]. Большая часть детей направлялась на воспитание и грудное вскармливание в деревню, в приюте оставались лишь дети с серьезными заболеваниями (сифилис, туберкулез). В связи с этим смертность в приюте была очень высокой, ее показатели коррелировали со статистическими данными по смертности в приютах Москвы и Петербурга, достигая 80—90 %. Концентрация большого числа ослабленных детей создавала риск распространения инфекционных заболеваний, поэтому земские медики стремились добиться снижения смертности путем передачи максимально возможного числа детей на грудное вскармливание в деревни. В 1900-х гг. заведующим приютом стал Б. П. Бруханский — известный педиатр, сторонник грудного вскармливания и патронажа. Благодаря проводимым мероприятиям смертность детей в приюте сократилась до 60 %. Однако в годы Первой мировой войны в связи со сложной социально-экономической ситуацией она вновь выросла до 75 % [там же: 7]. В этих условиях Б. П. Бруханский предложил для сохранения детей при матерях ввести материальное пособие, а также осуществлять призрение не только внебрачных детей, но и детей, рожденных в браке, и их матерей в случае необходимости материальной поддержки (см.: [Петров, Киценко, 2017: 100]).

Широкое распространение острых детских инфекций (дифтерия, скарлатина, коклюш, корь) было связано с неграмотностью и бедностью крестьян, низким уровнем гигиены. Эпидемии детских инфекций обусловили ряд земских инициатив по их профилактике. Поскольку научная медицина не располагала тогда средствами специфической профилактики (за исключением оспенной вакцины),

земские медики сконцентрировали внимание на санитарно-просветительской работе, своевременной изоляции больных и дезинфекции. Санитарное просвещение осуществлялось путем врачебных лекций, раздачи популярных брошюр (например, о дифтерии), работы санитарных попечительств (в которые входили учителя, священники, грамотные крестьяне). Попечительства распространяли гигиенические знания, поддерживали противоэпидемические мероприятия [Киценко О., Киценко Р., 2015: 165]. В целях своевременной изоляции больных было установлено взаимодействие земских медиков с учителями и священниками, которых обязывали немедленно извещать о появлении детских болезней.

На рубеже XIX—XX вв. в распоряжении земских врачей появились первые средства специфической терапии детских инфекций — лечебные сыворотки. В 1894 г. Саратовское губернское земство выделило 8 тыс. руб. на закупку противодифтерийной сыворотки, клинический эффект которой был установлен в 1891 г. [Губернские съезды... , 1903: 44]. В дальнейшем закупка противодифтерийной, а также противоскарлатинозной сыворотки (открытой в 1902 г.) стала постоянной статьёй земских расходов на медицину. Земские медики отмечали эффективность сывороточной терапии: «Дифтерийные эпидемии со времени широкого распространения дифтерийной сыворотки всюду значительно ослабели и сами по себе являются менее злокачественными» [Тезяков, 1909: 10]. В 1908 г. земскими врачами Саратовской губернии производилось испытание стрептококковой вакцины, разработанной профессором Г. Н. Габричевским для профилактики скарлатины: было привито более 8 тыс. детей. Однако массовая вакцинация, усилив нагрузку врачей, не показала очевидной эффективности, поэтому было решено продолжить изучение вакцины «в лабораторной и клинической обстановке», а также использовать ее лишь в случае угрозы эпидемии. За 1909 г. от губернского земства в уезды поступило 2797 флаконов вакцины [там же: 22].

С 1880-х гг. в земскую врачебную практику вошли регулярные профилактические осмотры учеников земских школ, вводились специальные «санитарно-школьные карты», в которые вносились результаты осмотров, сведения о наследственных болезнях, прививках, показателях роста и веса [Земско-медицинский сборник, 1894: 34].

Вопросы охраны материнства и детства занимали значительное место в земской медицинской практике. Земскими врачами в ходе медико-статистических исследований были выявлены факторы высокой материнской и детской смертности: отсутствие квалифицированной акушерской помощи, неправильное вскармливание, острые детские инфекции. Попытки минимизировать эти факторы не всегда приводили к желаемым результатам в силу социально-экономических условий и культурных традиций российской деревни. Так, не прижилась в крестьянской среде акушерская помощь, не стали действовать на постоянной основе ясли-приюты. Однако многие земские инициативы были настолько прогрессивными, что оказались востребованными в современных системах здравоохранения: принцип участковой акушерской помощи и территориальной доступности этой помощи, медицинское обеспечение детских учреждений, поддержка грудного вскармливания, массовая иммунизация, материальная помощь матерям как средство профилактики сиротства.

Библиографический список

- Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
- Глобальная стратегия охраны здоровья женщин и детей / Всемирная организация здравоохранения. 2010. URL: https://www.who.int/publications/list/pmnch_strategy_2010/ru/ (дата обращения: 02.03.2020).
- Губернские съезды и совещания земских врачей и представителей земских управ Саратовской губернии в 1876—1894 гг. Саратов: Тип. губерн. земства, 1903. 88 с.
- Доклад и отчет по Саратовскому земскому сиротскому приюту с 1 сентября 1914 по 1 сентября 1915 г. Саратов: Тип. губерн. земства, 1916. 22 с.
- Егорышева И. В.* Значение земских яслей-приютов в борьбе с детской смертностью // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. № 1. С. 160—163.
- Журналы XII очередного Хвалынского уездного земского собрания 1877 г. Саратов: Тип. Сарат. губерн. зем. упр., 1878. 350 с.
- Журналы XLI очередного Царицынского уездного земского собрания 1906 г. Царицын: Тип. В. П. Баланина, 1907. 318 с.
- Журналы XLII очередного Царицынского уездного земского собрания 1907 г. Царицын: Тип. В. П. Баланина, 1908. 360 с.
- Журналы Царицынского очередного 48-го уездного земского собрания 1913 г. Царицын: АО типолитографии и писчебумажной торговли, 1914. 678 с.
- Завьялов А. И., Моррисон В. В., Якупов И. А.* История становления и развития женского медицинского образования в Саратове (в конце XIX — начале XX в.) // Роль медицинских вузов в подготовке медицинских кадров: исторические аспекты. Иркутск: Иркут. гос. мед. ун-т: Иркут. науч. центр хирургии и травматологии, 2016. С. 114—121.
- Земско-медицинский сборник: материалы по изучению земской медицины в России за первое 25-летие (1865—1890): в 3 т. М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1894. Т. 3.
- Киценко О. С., Киценко Р. Н.* Становление земской санитарной организации во второй половине XIX — начале XX в.: (на материалах Саратовской губернии) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. Вып. 2. С. 162—167.
- Максимович-Амбодик Н. М.* Из трактата «Искусство повивания, или Наука о бабичьем деле» (1784) // История медицины. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2016. С. 174—178.
- Медведева Л. М.* Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2013. 252 с.
- Петров А. В., Киценко О. С.* Земская санитарная статистика в конце XIX — начале XX в.: (на материалах Саратовской губернии) // История науки и техники. 2017. № 5. С. 91—102.
- Тезяков Н. И.* К вопросу о распространении эпидемий скарлатины, дифтерии и других и о мерах борьбы с ними в Саратовской губернии. Саратов: Тип. губерн. земства, 1909. 24 с.
- Чернышѣва И. В.* Врачи о проблемах женского здоровья на рубеже XIX—XX веков // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2016. С. 52—61.

References

- Chernyshëva, I. V. (2016) Vrachì o problemakh zhenskogo zdorov'ia na rubezhe XIX—XX vekov [Doctors on the problems of women's health at the turn of the XIX—XX centuries], *Istoriia meditsiny v sobraniiaakh arkhivov, bibliotek i muzeev*, Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, pp. 52—61.
- Egorysheva, E. V. (2013) Znachenie zemskikh iasleï-priiutov v bor'be s detskoï smertnost'iu [The importance of zemstvo nursery shelters in the fight against infant mortality], *Biulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ia*, no. 1, pp. 160—163.
- Kitsenko, O. S., Kitsenko, R. N. (2015) Stanovlenie zemskoï sanitarnoi organizatsii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: (Na materialakh Saratovskoï gubernii) [Formation of zemstvo sanitary organization in the second half of the XIX — early XX c.: (On materials of the Saratov region)], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Istoriia, iss. 2, pp. 162—167.
- Medvedeva, L. M. (2013) *Bolezn' v kul'ture i kul'tura bolezni* [Disease in culture and culture of the disease], Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta.
- Petrov, A. V., Kitsenko, O. S. (2017) Zemskaiia sanitarnaia statistika v kontse XIX — nachale XX v.: (Na materialakh Saratovskoï gubernii) [Zemstvo sanitary statistics in the late XIX — early XX c.: (On materials of the Saratov region)], *Istoriia nauki i tekhniki*, no. 5, pp. 91—102.
- Teziakov, N. I. (1909) *K voprosu o rasprostraneniï epidemii skarlatiny, difterii i drugikh i o merakh bor'by s nimi v Saratovskoï gubernii* [On the issue of the spread of epidemics of scarlet fever, diphtheria and others and measures on to combat them in Saratov region], Saratov: Tipografiia gubernskogo zemstva.
- Veselovskii, B. B. (1909) *Istoriia zemstva za sorok let* [Zemstvo history for forty years], vol. 1, St. Petersburg: Izdatel'stvo O. N. Popovoi.
- Zav'ialov, A. I., Morrison, V. V., Iakupov, I. A. (2016) Istoriia stanovleniia i razvitiia zhenskogo meditsinskogo obrazovaniia v Saratove (v kontse XIX — nachale XX v.) [The history of the formation and development of women's medical education in Saratov (late XIX — early XX c.)], *Rol' meditsinskikh vuzov v podgotovke meditsinskikh kadrov: istoricheskie aspekty*, Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, Irkutskii nauchnyi tsentr khirurgii i travmatologii, pp. 114—121.

Статья поступила 14.04.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Киценко Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия, olga_kicenko@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History and Cultural Science, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation).

Киценко Роман Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия, krn27@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of History and Cultural Science, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 104—115
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.9

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 104—115
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.9

ИНСТИТУТ МАТЕРИНСТВА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Ю. В. Литвин

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр,
Российская академия наук, г. Петрозаводск, Россия, litvinjulia@yandex.ru

Выдвигается задача показать развитие института материнства в Карелии в исторической динамике, а также представить социокультурный статус матери и изменения стратегии репродуктивного поведения в карельской деревне. Изучаемые сюжеты относятся к концу XIX — началу XX в., времени экономических реформ и социокультурных перемен в российском обществе, имевших своеобразное преломление на окраинах империи. В основе статьи — комплекс исторических, этнографических источников, данные диалектной лексики, полевые материалы автора, а также широкий круг российской и зарубежной (прежде всего, финской) научной литературы по представленной теме. Автор придерживается принципов гендерной истории, предложенных Дж. Скотт и подразумевающих анализ культурных символов, нормативных предписаний и социальных институтов, а также жизненных историй конкретных женщин.

Ключевые слова: карельская крестьянка, карельская деревня, история Карелии, институт материнства, репродуктивное здоровье.

© Литвин Ю. В., 2021

Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

**MOTHERHOOD IN THE KARELIAN VILLAGE:
TRADITIONAL PRACTICES IN THE CONTEXT
OF RUSSIA-WIDE CHANGES
(LATE XIX — EARLY XX c.)**

Yu. V. Litvin

Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk,
Russian Federation, litvinjulia@yandex.ru

Traditions of Karelian maternity rituals are widely represented in the ethnographic historical science literature. At the same time motherhood as an institution and as a social and cultural status deserves special consideration. The paper is aimed at describing the development of the motherhood within Karelia in historical dynamics, as well representing the social and cultural status of the mother and the changes in the strategy of reproductive behavior in the Karelian village. The events presented in the paper refer to the period of the late XIX — early XX c. It was a time of economic, social and cultural reforms in Russian society, which had some specific repercussions on the empire borderlands. The paper uses a large number of recently published and unpublished ethnographic and historical sources, dialect vocabulary data, some of the author's field materials and scientific works on the topic. The author adheres to the principles of gender history proposed by J. Scott, which involves the analysis of cultural symbols, normative prescriptions and social institutions and life stories of individual women. The author comes to the following conclusions. 1. Marriage and the maternity increased the social prestige of the peasant women, because they realized her main purpose. 2. The gender of the child had a different meaning for the male and female part of the peasant family collectives. If considering the patrilocal line of inheritance, preference was given to the birth of a boy. At the same time, the Karelian language data indicate a higher status of the mother after the birth of the girl. 3. There was a change in reproductive behavior in the North Karelian families in the second half of the XIX c. towards to reducing the number of children in the family to two or five. The reasons for such transformation were the growth in the importance of non-agricultural earnings, and the border position of the region (the cross-border marriages), which changed the customary cultural norms. 4. Some elements of modernization were not perceived by Karelian women. They continued to apply to rural midwives despite the growth of the network of obstetric care, and they also preferred the bathhouse or barn as a place for childbirth instead of medical institutions.

Key words: Karelian peasant woman, Karelian village, history of Karelia, maternity institute, reproductive health.

Традиции родильной обрядности карелов освещены в этнографической литературе [Клементьев, Сурхаско, 2003; Сурхаско, 1985; Paulaharju, 1995], демографические характеристики карельской семьи представлены в исторических работах (см., напр.: [Илюха, 2007; Чернякова, 2003; Шикалов, 2008; Нямунен, 2004]). При этом материнство как институт и как социокультурный статус, включая такие сюжеты, как процесс инкорпорации женщины в семью и деревенский социум, является темой, заслуживающей отдельного рассмотрения. Данный исследовательский ракурс позволяет обратить внимание не столько на сам обряд,

сколько на его субъект — женщину и ее дальнейшую судьбу в новом положении. Кроме того, обряд как некая идеальная форма имел множество инвариантов в реальной жизни и подвергался изменениям в связи с социально-экономическим развитием края.

Карелия на карте Российской империи

Современная Республика Карелия включает в себя территории бывших Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского уездов Олонецкой губернии, а также Кемский уезд Архангельской губернии. На протяжении XIX — начала XX в. Карелией неформально называли области, заселенные преимущественно карельским населением. «Карельское» пространство Олонецкой губернии включало в себя юго-западные волости Олонецкого и западные части Петрозаводского и Повенецкого уездов. Ареалом проживания карелов Архангельской губернии были приграничные с Финляндией волости Кемского уезда на западе и северная часть Карельского Поморья от Кандалакши до Керети на востоке. Эту территорию также называли Беломорской или Архангельской Карелией. Кроме того, внутри Карелии существуют три этнокультурные зоны — Южная, Средняя и Северная Карелия. Каждая из зон испытала на себе влияние разных этнических групп. Южная зона находилась под воздействием соседнего русского (Заонежье) и вепсского населения, где сформировались этнолокальные группы карелов-ливвиков и карелов-людиков. Северная часть Карелии находилась в зоне контактирования с саамским, русским (поморским) и финским населением. Там сложилась этнолокальная группа северных карелов. Средняя этнокультурная зона, включавшая северо-запад Повенецкого уезда Олонецкой губернии, являлась переходной зоной между Северной и Южной Карелией.

«Лодке хочется на воду, девушке — в замужество»¹: символы материнства в карельской свадебной обрядности

С ранних лет карельская девочка готовилась к роли матери: сначала присматривая за младшими братьями и сестрами, а позже, в подростковом возрасте, — отправляясь в адиво² и участвуя в молодежных посиделках, основными темами которых были поиск супруга, выход замуж и рождение детей [Илюха, 2007: 79—80; Mironova, Litvin, 2017: 89—92]. Вначале необходимо кратко описать основные тенденции брачного поведения карельской молодежи, а также символику материнства в свадебном ритуале. Средний возраст вступления в первый брак девушек Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX в. был выше, чем в целом по России, и составлял 21 год для девушек и 24 года для юношей; в Кемском уезде Архангельской губернии — 23 и 28 лет. Чем севернее находилось поселение, тем выше был возрастной «потолок» замужества и женитьбы, что было следствием комплекса причин социально-экономического и культурного характера. Молодежь, своевременно не вступившую в брак, общество определяло в соответствующую группу: их называли старыми девами

¹ Vesillä venosen mieli, tytön mieli mieholah — карельская пословица.

² Adivo — обычай посещения девушкой родственников, живущих за пределами деревни, в течение 1—2 недель в период после окончания полевых работ до февраля.

и старыми парнями. К незамужней женщине обращались *vanha tyttö* — старая девушка или *neizakku* — девушка-баба, были и такие эпитеты, как сидящая на лавке отца, т. е. оставшаяся в доме родителей. Северные карелы про старых дев говорили, что у них «коса на плече истлеет»³. Подобная оценка сохранялась на протяжении всего XX в. Относительно засидевшихся в холостяках юношей негативных высказываний обнаружено меньше [Mironova, Litvin, 2017: 94—95].

Повсеместно значимым компонентом в составе свадебной обрядности являлись магические действия, направленные на рождение ребенка [Байбурин, 1993: 20]. В карельской, как и русской, традиции в свадебных ритуалах отчетливо прослеживается предпочтение мальчика девочке. Так, у всех этнолокальных групп карелов во время свадьбы было принято сажать мальчика невесте на колени с пожеланиями рождения «девяти сыновей и одной дочери» [Сурхаско, 1977: 148]⁴.

После венчания свекровь встречала молодых у порога дома и осыпала их зернами ячменя. По сообщению из Южной Карелии, невестка собирала брошенный свекровью ячмень в подол [Материалы... , 1956]. В семантике подобного действия угадывается стремление обеспечить чадородие в браке, поскольку компоненты обряда — зерно и подол юбки — соотносились с плодородием и являлись символами репродукции.

Одним из первых действий, осуществляемых карелкой при переходе в дом мужа, являлось установление контакта с печью — местом обитания предков. Войдя в избу, она бросала серебряную монету на печь или в запечье [Сурхаско, 1977: 173; Sarmela, 2009: 216]. Обратимся еще к одной метафоре печи. В Беломорской Карелии существовало поверье, по которому устье печи соотносилось с материнским лоном: «Когда поленья клали в печь, то надо было класть их комлем вперед, иначе дети могли родиться вперед ногами» [Конкка, 2014: 326]. Схожая традиция бытовала в различных областях Финляндии [Sarmela, 2009: 216]. Отношения с домашним очагом для невестки были крайне важны. Она могла унаследовать от свекрови власть над печью, право готовить для всей семьи только после рождения детей.

Беременность и роды карельской крестьянки в конце XIX — начале XX в.: попытки институализации и господство традиции

К беременности готовились заблаговременно. Однако окружающие узнавали о ней чаще всего случайно. Повсеместно в России и в Карелии эту новость старались сохранять в тайне как можно дольше, что нашло отражение в карельской лексике: беременную называли *rakšu* — толстая, *lašta vuottaja* — ждущая ребенка, *vašankerallini* — имеющая живот. В загадках беременная обозначается при помощи неодушевленного предмета, в отличие от одушевленных метафор ребенка в утробе [Карельские народные загадки, 1982: 42, 96]. Уподобление женщины неодушевленным предметам связано с желанием скрыть ее положение, а также с представлением о пассивности будущей матери, сужении ее жизненного пространства и социальных функций.

³ Коса — символ девичества. Выходя за предписанные традицией границы брачного возраста, карелка лишалась данного символа и статуса «девица на выданье».

⁴ Вместе с тем многодетность у карелов не поощрялась. Затраты на содержание и воспитание большого количества детей, частое устранение женщины от ведения дел могли разорить крестьянское хозяйство.

Согласно крестьянским представлениям, быстрому разрешению от родов способствовала тяжелая физическая работа, которой занимались вплоть до начала схваток. Подобные обстоятельства нередко приводили к рождению ребенка вне дома — во время полевых работ, на рыбалке, в дороге. Традиция рожать вне дома сохранялась и в 1930-х гг. Одна из моих собеседниц 1939 года рождения рассказывала:

Родилась я вообще в поле. Мама не успела дойти. Сельский совет дал подряд заготовить дрова — такие вот жерди, тонкие дровишки метровые для каких-то нужд деревни. Бабушка Наталья говорит: «Ничего, Мотинька, очень даже полезно поработать, легче потом родишь» [Материалы... , 2016].

Во многих рассказах о рождении детей, бытовавших в женском коллективе, фиксировалась нестандартная ситуация родов. Эти истории служили своеобразным предупреждением для будущих матерей [Разумова, 2001: 183, 287]. В них же подчеркивалась быстрая реабилитация женщины и ее готовность к работе. Такие истории были призваны утверждать нравственные и поведенческие нормы для женщины в период беременности и после родов. Ссылаясь на Л. Пелконен, шведская исследовательница М.-Л. Кейнянен указывает, что так подтверждался авторитет старших женщин и создавался идеал сильной, трудолюбивой крестьянки, способной к быстрому восстановлению и работе даже через боль. Если стандарт не соблюдался, карелка могла прослыть ленивой, ни на что не годной [Keinänen, 2003: 151]. Отметим, что ситуация не была столь однозначной. Время отдыха молодой матери зависело от цикла сельскохозяйственных работ и благосостояния семьи. Если крестьянка рожала зимой, то ее отдых мог продолжаться неделями. В больших или зажиточных семьях отдых матери также мог длиться несколько недель [Сурхаско, 1985: 37].

Репродуктивное здоровье крестьянки стало объектом научного и общественного внимания в начале XX в. (см.: [Айвазова, 1998]). В Олонецкой губернии вопрос о здоровье населения систематически стал решаться с введением земства в 1864 г. Именно земство впервые озаботилось развитием акушерства в крае. В конце XIX в. Олонецкая губерния занимала одно из первых мест в стране по числу акушерских пунктов: их количество достигало 37, тогда как в большинстве других земских губерний не превышало 9 [Веселовский, 1909: 412]. К 1910 г. практически каждый уездный город был обеспечен профессиональной акушеркой. Всего в Олонецкой губернии в 1910 г. насчитывалось 85 специалистов [Памятная книжка... , 1910: 148—150]. Еще через 4 года их количество увеличилось до 100, причем на территории «карельских» уездов служили 33 акушерки [Обзор... , 1915: 34]⁵. В начале XX в. появляются первые плоды внимания медицинской общественности к репродуктивному здоровью женщины. Вот что по этому поводу в 1909 г. писала на страницах земского издания крестьянка:

⁵ Система здравоохранения в Кемском уезде Архангельской губернии, частично населенном карелами, находилась в худшем положении в связи с отсутствием земства. Здесь медицинскими вопросами ведал Приказ общественного призрения. В 1872 г. на службе во врачебной управе состояло 8 повивальных бабок, вакантными оставалось 19 мест [Справочная и памятная книжка... , 1875: 49].

Ни болезнь, ни роды — ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать (сено. — Ю. Л.). Можно ли после этого удивляться, что они все больны женскими болезнями? <...> Придите, научите нас, дайте нам элементарные сведения из гигиены! [Иванова, 1909: 3].

Такие заметки являются единичными находками, большинство женщин вплоть до 1920—1930-х гг. продолжали пользоваться услугами повитух, которых старались приглашать тайно.

Инкорпорация молодой матери в семью и сельский социум

Первые дни после родов (от 2—3 дней до 6 недель) женщина проводила в бане⁶. В Южной и Приладожской Карелии допускалось нахождение роженицы в избе, где для нее выделялось место на полу или на кровати, которое отделяли от остальных членов семьи с помощью занавесок или даже поленьев. В случае нахождения в доме женщина должна была непременно раз в день или чаще ходить в баню [Материалы... , 1957; Keinänen, 2003: 138—139; Сурхаско, 1985: 36]. В селениях с сильными старообрядческими традициями молодая мать возвращалась в дом лишь спустя 6 недель [Духовная культура сегозерских карел, 1980: 10].

Переходный статус роженицы, указание на ее «нечистоту» находили выражение в запрете на сексуальные контакты с мужем от 1 до 6 недель. Марта Куха из дер. Салми на северо-востоке Карелии рассказывала, что муж не мог прикоснуться к жене до благословения ее священником. Согласно поверьям, нарушение запрета негативным образом сказывалось на здоровье ребенка [Keinänen, 2003: 139—140]. Данный запрет в Карелии мог приводить к определенным коллизиям культурного и религиозного характера. Так, в приграничных западных областях Карелии широкое распространение получили межконфессиональные браки карелов с финнами. М.-Л. Кейнянен отмечала, что в таком брачном союзе карельские женщины нередко были шокированы, увидев на пороге бани своего супруга практически сразу после рождения ребенка [ibid.: 140].

Необходимо подчеркнуть амбивалентное отношение к женской «нечистоте» в это время. Например, одежда роженицы и предметы, которые использовались в родильном обряде, могли служить в качестве оберегов. По сообщениям карелок из Кемского уезда, рожденных в 1860—1880-е гг., нижняя рубашка роженицы считалась семейной ценностью — ее передавали ребенку, когда тот подрастал. С помощью одежды, в которой рожала крестьянка, можно было остановить кровотечение или защитить дитя от прихода ночницы⁷. С этой же целью в изголовье детской кровати могли положить ручку от веника (голик), которым парилась женщина после родов [Материалы... , 1958]. Голик считался одним из сильных средств для проведения обрядов поднятия лемби⁸ у девочек. Подростящая

⁶ Баня у карелов являлась традиционным местом для родов. Под влиянием православной церкви роды стали проходить в хлеву [Иванова, 2016: 51].

⁷ Yönitettäjä (заставляющая плакать по ночам) — сверхъестественное существо, которое, согласно представлениям карелов, заставляло ребенка плакать ночами.

⁸ Понятие «лемби» (lembi) в карельской культуре можно частично соотнести с термином «славутность», обозначающим эротическую привлекательность для противоположного пола, а также добрую репутацию в обществе. При этом в карельской культуре до конца XIX в. понятие «лемби» оставалось гендерно-нейтральным (см.: [Иванова, 2014: 11]).

девочка брала его с собой в адиво, а сегозерские карелки использовали в свадебных обрядах [Иванова, 2014: 37—38].

Двойственное отношение к недавно родившей женщине объясняется влиянием православия, определенным образом воспринятого в карельской крестьянской среде. При этом необходимо помнить о повседневных заботах крестьянской семьи, которые оказывали влияние как на сроки изоляции женщины, так и на отношение к ее «нечистоте». В Карелии, где институт малой семьи закрепился в качестве основной формы семейной организации в последней четверти XIX в., запреты на контакты с роженицей и соответствующие предписания подвергались переосмыслению и трансформации в сторону сужения сферы их бытования (например, оставались обязательным обрядовым компонентом только для старообрядческого населения) [Первая всеобщая перепись... , 1899a: 4; Первая всеобщая перепись... , 1899b: 4; Шикалов, 2008; Nämynen, 2004: 114].

Спустя несколько дней после родов к роженице приходили родственницы и соседки. Поздравлять начинали уже в бане, принося угощения «на зубок» (*kuyluhampahat* — банные зубы), однако большая часть визитов совершалась уже после перехода роженицы с ребенком в дом [Paulaharju, 1995: 54]. В Ухте (ныне Калевала) матери приносили различные выпечные изделия, обязательно рыбки. Более зажиточные семьи дарили ситец (см., напр.: [Материалы... , 1956]). Мужчины также могли поздравить роженицу, но оставались стоять позади женщин. Визиты и подарки «на зубок» имели для женщины важное социальное значение: таким образом выражалось общественное признание нового статуса карелки. Кроме того, подаренные продукты и деньги служили существенным подспорьем для крестьянки в первые дни после родов, особенно в малой семье⁹.

Материнство как стратегия и социальный ресурс: изменение репродуктивного поведения карельских крестьянок в конце XIX — начале XX в.

Новый, более высокий социокультурный статус женщины, ставшей матерью, нашел отражение в карельской лексике. Если до рождения ребенка замужнюю женщину называли молодухой, молодежи (*morsien, miçoi*), то после рождения ребенка она становилась бабой (*akka*). Причем если на свет появлялся мальчик, то женщину продолжали называть молодухой всю оставшуюся жизнь, даже если следующей рождалась девочка¹⁰. В некоторых северных районах Беломорской Карелии после рождения девочки крестьянка считалась полноценной женщиной (*paini*). В соответствии с карельской лексикой, статус женщины, родившей девочку, был выше, чем при рождении мальчика. В то же время в семье мужа в соответствии с патрилинейной структурой родства невестка становилась полноправным членом только после рождения сына [Клементьев, Сурхаско,

⁹ Обычай посещения роженицы соседками сохраняется и в наши дни, в том числе в Карелии. Состав подарков изменился в связи трансформацией повседневности. Так, например, вместо отрезков ткани чаще дарят готовую детскую одежду. Вместе с тем принцип отбора подарков остался прежним — это дефицитные и/или необходимые в быту вещи [Материалы... , 2016].

¹⁰ Схожий обычай был широко известен на севернорусской территории [Бернштам, 1988: 37].

2003: 260]. Данное противоречие объяснимо, если взглянуть на «ценность» пола ребенка с точки зрения мужской и женской частей коллектива. Так, для семьи мужа рождение мальчика означало сохранение патрилокального порядка наследования. Рождение девочки наделялось высшей ценностью с женской точки зрения, поскольку она выполняла свое предназначение и продолжала род по женской линии. Близость матери и дочери также может быть связана с опытом изменения телесной целостности женщины во время родов [Олсон, Адоньева, 2016: 232]. Рождение девочки в каком-то смысле помогало преодолеть страх во время акта «отделения» и воспринималось как продолжение себя в реальном мире. Косвенным подтверждением этого тезиса являются два карельских ритуала, один из которых касался приобщения к роду отца, другой — имел отношение к предкам матери. Так, после этапа временной изоляции женщины и перехода ее в дом мужа, повитуха или сама мать подносили новорожденного к печи, чтобы «познакомить» нового члена семьи с предками, а также заручиться их защитой. В то же время, впервые давая новорожденному грудь, северная карелка говорила: «Этим питался твой род, твои предки и достославная родня, это ешь и ты» [Иванова, 2016: 73]. Таким образом, первое кормление грудью символически соединяло ребенка с материнским родом.

Рождение ребенка, безусловно, повышало социальный престиж крестьянки. Вместе с тем под воздействием социально-экономических реформ второй половины XIX в. в семьях Беломорской Карелии происходило изменение репродуктивного поведения. Проведенное финским историком Ю. Г. Шикаловым исследование показало, что в большинстве семей Беломорской Карелии уже во второй половине XIX в. рождались от 2 до 5 детей. Историк связывает данную тенденцию с развитием торгово-денежных отношений, ростом числа отходников и длительным нахождением мужчин вне дома [Шикалов, 2008: 182—185].

Важным фактором изменения репродуктивного поведения карелов было заключение трансграничных браков с финнами, семейные и культурные контакты с которыми приносили новые нормы в карельскую семью. Фольклористка Л. Старк-Арола заметила, что финские крестьянки отдавали приоритет роли хозяйки и невестки, тогда как роль матери находилась на втором плане и не занимала значительного места в народной магии [Stark-Arola, 1998: 131, 142]. Подобные перемены постепенно трансформировали представления о традиционном полоролевом поведении, согласно которому статус женщины в значительной степени определялся ее высокой репродуктивной способностью.

Заключение

Итак, замужество и рождение ребенка повышало социальный престиж крестьянки, поскольку она реализовывала свое главное предназначение. Большую роль играл пол будущего ребенка, «ценность» которого отличалась в мужской и женской частях коллектива. Этот тезис требует дальнейшего лингвистического и этнографического изучения.

Под воздействием социально-экономического развития во второй половине XIX в. в семьях Беломорской Карелии происходило изменение репродуктивного поведения в сторону сокращения числа детей. Демографические изменения затронули многие регионы России, имея свою специфику на окраинах

империи. Так, например, в Карелии они были связаны с развитым институтом отходничества, заключением трансграничных и межконфессиональных браков. Все эти факторы положительным образом сказывались на здоровье крестьянки, постепенно трансформировали представление о традиционном поведении женщины.

Вместе с тем некоторые элементы модернизации не были восприняты карельскими женщинами. Несмотря на лидирующие позиции олонецкого земства к началу XX в. в деле оказания акушерской помощи, карелки продолжали обращаться к сельским повивальным бабкам, отдавая предпочтение бане или хлеву как месту для родов.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия: (очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 274 с.
- Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
- Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в.* / подгот. к изд. У. С. Конкка, А. П. Конкка; отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука, 1980. 214 с.
- Иванова Л. И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
- Иванова Л. И.* Народные представления и обряды, связанные с лемби // Иванова Л. И., Миронова В. П. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet = Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре: исследования и материалы.* [Б. м.]: Juminkeko, 2014. С. 11—107.
- Иванова Т.* Скорее и больше света // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 5. С. 3—4.
- Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Карельские народные загадки / сост. Н. А. Лавонен; под ред. Э. С. Киуру, В. Д. Рягоева. Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.
- Клементьев Е. И., Сурхаско Ю. Ю.* Карелы // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 160—323.
- Конкка А. П.* Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX — первая треть XX в.): исследования, материалы, документы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 320—332.
- Материалы экспедиции в Кондопожский район в 2016 г. Ю. В. Литвин // ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). № 3795.
- Материалы этнографической экспедиции 1956 г., Петровский район КАССР // НА КарНЦ РАН (Научный архив Карельского научного центра РАН). Ф. 1. Оп. 29. Д. 44.
- Материалы этнографической экспедиции 1957 г., Олонецкий и Пряжинский районы КАССР // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 50.
- Материалы этнографической экспедиции 1958 г., Кондопожский и Медвежьегорский районы КАССР. Т. 2 // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 55.

- Обзор Олонецкой губернии за 1914 год. Петрозаводск: Олонец. губерн. тип., 1915. 119 с.
- Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 440 с.
- Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск: Изд. Олонец. губерн. стат. ком., 1910. 279 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899а. Т. 1: Архангельская губерния, тетр. 1. 45 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899б. Т. 27: Олонецкая губерния, тетр. 1. 35 с.
- Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
- Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 г. Архангельск: Тип. губерн. правл., 1875. 180 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 236 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1985. 172 с.
- Чернякова И. А. Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII и XIX вв. // *Väesto ja perhe Karjalassa = Население Карелии и карельская семья*. Joensuu: Joensuu yliopisto, 2003. P. 133—143.
- Шикалов Ю. Г. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: гуманитарные исследования*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. Вып. 1. С. 181—193.
- Hämynen T. History of Karelian orthodox families in Suoärvi, 1500—1939 // *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia*. Joensuu: Joensuu University Faculty of Humanities, 2004. P. 93—133.
- Keinänen M.-L. Creating Bodies: Childbirth Practices in Pre-Modern Karelia. Stockholm: Stockholm University, 2003. 321 p.
- Mironova V., Litvin J. Young people's joint leisure activities in traditional Karelian culture: norms and social practice // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. Vol. 11, № 2. P. 85—100.
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 p.
- Sarmela M. Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland / translated by A. Silver. Helsinki, 2009. URL: <https://ru.scribd.com/document/270643617/Finland-Folklore-Atlas#> (дата обращения: 23.03.2018).
- Stark-Arola L. Magic, Body and Social Order. The Construction of Gender Through Women's Private Rituals in Traditional Finland. Helsinki, 1998. 331 p. (Studia Fennica. Folkloristica 5).

References

- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia: (Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality: (Essays on political theory and history. Documentary materials)], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova.
- Baïburin, A. K. (1993) *Ritual v traditsionnoi kul'ture: Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in traditional culture: Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites], St. Petersburg: Nauka.

- Bernshtam, T. A. (1988) *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoï obshchiny XIX — nachala XX v.: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Young people in the ritual life of the Russian community of the XIX — early XX c.: The age and sex aspect of traditional culture], Leningrad: Nauka.
- Cherniakova, I. A. (2003) Brachnoe povedenie v Olonetskoï, Belomorskoï i Tverskoï Karelii v XVIII i XIX vv. [Marriage behavior in Olonets, Belomorsk and Tver Karelia in the XVIII and XIX cc.], in: *Väesto ja perhe Karjalassa = Naselenie Karelii i Karel'skaia sem'ia*, Joensuu: Joensuu yliopisto.
- Hämynen, T. (2004) History of Karelian orthodox families in Suoärvi, 1500—1939, in: *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia*, Joensuu: Joensuu University Faculty of Humanities.
- Iiukha, O. P. (2007) *Shkola i detstvo v karel'skoï derevne v kontse XIX — nachale XX veka* [School and childhood in the Karelian village in the late XIX — early XX century], St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Ivanova, L. I. (2014) Narodnye predstavleniia i obriady, sviazannye s lembi [Folk performances and ceremonies related to the Lembis], in: Ivanova, L. I., Mironova, V. P. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet = Magiia podnatiia lembi i svad'ba v karel'skoï narodnoi kul'ture: Issledovaniia i materialy*, Juminkeko.
- Ivanova, L. I. (2016) *Karel'skaia bania: obriady, verovaniia, narodnaia meditsina i dukhikhaziaeva* [Karelian bath: rites, beliefs, folk medicine and home-spirits], Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.
- Keinänen, M.-L. (2003) *Creating Bodies: Childbirth Practices in Pre-Modern Karelia*, Stockholm: Stockholm University.
- Kiuru, E. S., Riagoev, V. D. (eds) (1982) *Karel'skie narodnye zagadki* [Karelian folk riddles], Petrozavodsk: Kareliia.
- Klement'ev, E. I. (ed.) (1980) *Dukhovnaia kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX v.* [The spiritual culture of Segozer Karelians in the late XIX — early XX c.], Leningrad: Nauka.
- Klement'ev, E. I., Surkhasko, Iu. Iu. (2003) Karely [Karelians], in: Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (eds), *Pribaltiisko-finskie narody Rossii*, Moscow: Nauka.
- Konkka, A. P. (2014) Grekhi i zaprety v povsednevnom i obriadovom povedenii kak chast' traditsionnoi kartiny mira u karelov [Sins and bans in everyday and ritual behavior as part of the traditional picture of the world in the Karelians], in: *Kul'tura povsednevnosti karel'skoï sem'i (konets XIX — pervaiia tret' XX v.): issledovaniia, materialy, dokumenty*, Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Mironova, V., Litvin J. (2017) Young people's joint leisure activities in traditional Karelian culture: norms and social practice, *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 11, no. 2, pp. 85—100.
- Olson, L., Adon'eva, S. (2016) *Traditsiia, transgressiia, kompromiss. Miry russkoï derevenskoï zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise. Worlds of a Russian village woman], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Paulaharju, S. (1995) *Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia* [Birth, childhood and death: the customs and beliefs of Viena Karelia], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Razumova, I. A. (2001) *Potaënnoe znanie sovremennoi russkoï sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriia* [Hiding knowledge of the modern Russian family: Everyday life. Folklore. History], Moscow: Indrik.
- Sarmela, M. (2009) *Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland*, Helsinki, available from <https://ru.scribd.com/document/270643617/Finland-Folklore-Atlas#> (accessed 23.03.2018).
- Shikalov, Iu. G. (2008) Arkhangel'skaia Kareliia: zadvorki Vostoka ili forpost Zapada? Reproductivnoe povedenie krest'ian Arkhangel'skoï Karelii [Arkhangel'sk Karelia: Reproductive behavior of peasants of Arkhangel'sk Karelia]

middle of of the East or an outpost of the West? Reproductive behavior of the peasants of Arkhangelsk Karelia], in: *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov*: Gumanitarnye issledovaniia, vol. 1, Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr.

Stark-Arola, L. (1998) *Magic, Body and Social Order. The Construction of Gender Through Women's Private Rituals in Traditional Finland*, Helsinki (Studia Fennica, Folkloristica 5).

Surkhasko, Iu. Iu. (1977) *Karel'skaia svadebnaia obriadnost' (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian wedding ceremony (late XIX — early XX c.)], Leningrad: Nauka.

Surkhasko, Iu. Iu. (1985) *Semeinye obriady i verovaniia karel (konets XIX — nachalo XX v.)* [Family rites and beliefs of Karelians (late XIX — early XX c.)], Leningrad: Nauka.

Veselovskii, B. (1909) *Istoriia zemstva za sorok let* [The history of the zemstvo for forty], St. Petersburg: Izdatel'stvo O. N. Popovoi.

Статья поступила 17.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Литвин Юлия Валерьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора этнологии, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск, Россия, litvinjulia@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Junior Researcher of Ethnology Section, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 116—125
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.10

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 116—125
ББК 60.51(2)5-82
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.10

ПРЕДПОСЫЛКИ ОФОРМЛЕНИЯ ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX в.: М. И. МИХАЙЛОВ

С. А. Батуренко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, level_s@rambler.ru

Рассматриваются идеи русского писателя, поэта и публициста М. И. Михайлова, ставшие интеллектуальными предпосылками формирования феминистского дискурса в русской социологии XIX в. Отечественные мыслители во многом способствовали зарождению в России феминизма как социального явления и теории феминизма в истории русской социальной мысли. Специфика историко-культурного развития оказала влияние на осмысление множества вопросов в рамках социальных наук, в том числе и на необходимость исследования «женского вопроса» в социологии. Автор показывает, что проблема положения женщин в обществе заметно выражена в контексте русской культуры и широко раскрывается в работах известных писателей, поэтов, публицистов, философов, в частности в творчестве М. И. Михайлова. Статья может рассматриваться как попытка развития и углубления курсов по истории русской социологии, она дает представление о том, как формировался феминистский дискурс в классической социологии. Постановка проблемы неравенства, преодоления зависимого положения женщины, обеспечения ее прав в России отличается спецификой, что отразилось в работах М. И. Михайлова. Автор показывает, с одной стороны, значительное влияние на формирование феминистского дискурса европейских ученых, с другой — пересмотр и критический анализ этих идей в работах русского писателя. Творчество М. И. Михайлова проанализировано как одна из составляющих процесса духовно-интеллектуального развития русской социальной мысли, непосредственно предшествующего появлению социологии в России и формированию феминистского дискурса в рамках некоторых ведущих научных школ.

Ключевые слова: феминистская социология, «женский вопрос», русская социология, неравенство полов, социальное положение женщины, М. И. Михайлов.

PREREQUISITES OF FEMINIST DISCOURSE FORMATION IN RUSSIAN SOCIOLOGY OF THE XIX c.:

M. I. MIKHAILOV

S. A. Baturenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, level_s@rambler.ru

The article considers the ideas of the Russian writer, poet and journalist M. I. Mikhailov, that became intellectual prerequisites for the formation of feminist discourse in Russian sociology of the XIX century. Domestic thinkers have contributed greatly to the emergence in Russia of feminism as a social phenomenon and the theory of feminism in the history of Russian social thought. The specifics of historical and cultural development have influenced the reflection of many issues within the social sciences, including the need to explore the “female issue” in sociology. The author shows that the problem of the position of women in society is markedly expressed in the context of Russian culture and is widely revealed in Russian literature in the works of famous writers, poets, journalists, philosophers, in particular in the works of M. Mikhailov. This article can be considered as an attempt to develop and deepen courses on the history of Russian sociology, it gives an idea of how feminist discourse was formed in classical sociology. The presentation of the problem of inequality, overcoming the dependent position of women and ensuring their rights in Russia differs from the Western specificity. This difference is reflected in the works of M. Mikhailov. The author shows significant influence on shaping the feminist discourse of European scholars, on the one hand. On the other hand, the author describes a revision and critical analysis of these ideas in the works of the Russian writer. The article analyzed Mikhailov’s creativity as one of the components of the process of spiritual and intellectual development of Russian social thought, immediately preceding the emergence of sociology in Russia and the formation of feminist discourse within some leading scientific schools.

Key words: feministic sociology, “women’s issue”, Russian sociology, gender inequality, social status of the woman, M. I. Mikhailov.

Одним из первых инициаторов феминистского дискурса в России был поэт и публицист Михаил Илларионович (Ларионович) Михайлов (1829—1865). Автор оставил обширное литературное наследие, вместе с тем ряд статей, посвященных «женскому вопросу» («Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин», «Женщины в университете», «Уважение к женщинам», «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе»), которые способствовали тому, что в 50—60-х гг. XIX в. эта проблема привлекла внимание огромной части интеллигенции [Михайлов, 1860, 1861, 1958, 1866].

М. И. Михайлов родился 3 января 1829 г. в Уфе в семье провинциального чиновника Иллариона Михайловича Михайлова, выходца из крепостных. Отец писателя поступил в губернское правление, посредством упорного труда дослужился до чина надворного советника и женился на киргизской княжне Ольге Васильевне Ураковой, получил дворянское звание. Он смог дать своим детям хорошее домашнее образование. М. И. Михайлов с детства изучал иностранные языки, увлекался литературой, в юном возрасте начал пробовать свои силы в творчестве и переводах текстов. Родители писателя рано умерли, и он в 1846 г.

поехал в Петербург для того, чтобы поступить в университет, но на вступительных экзаменах потерпел неудачу и остался там вольнослушателем. В университете он познакомился и подружился с Н. Г. Чернышевским [Левин, 1985].

Внимание М. И. Михайлова с ранних лет привлекала социальная проблематика. В течение жизни интерес к ней только укреплялся. В 50-х гг. (1856—1857) писатель совершил поездку рабочего характера на Урал в Оренбургскую губернию, куда его послали для изучения быта моряков и рыбаков. Большой интерес у русского писателя вызвали экономическое положение местного населения, его верования, обычаи, народное творчество, также он изучал народные массовые движения: восстание Е. Пугачева, башкирские бунты. Особое впечатление на писателя произвела высокая степень эксплуатации населения, находящегося под двойным гнетом — крепостным и колониальным. На основе своих впечатлений им были написаны две историко-этнографические работы. Литературный труд последующего периода показывает пристальное внимание писателя к общественно-политическим вопросам, связанным с осмыслением путей дальнейшего развития России.

Большое влияние на мировоззрение Михайлова оказала поездка во Францию и Англию, которую он совершил в 1858—1859 гг. совместно со своим другом Н. В. Шелгуновым, а также знакомство в Лондоне с Н. П. Огаревым и А. И. Герценом. На страницах издания «Современник» писатель знакомил читателей с культурой Западной Европы.

Михайлов был не только известным поэтом и художественным переводчиком высокого уровня, он также занимался литературной критикой и публицистикой. В его статьях отчетливо проявляются революционные и демократические взгляды на общественную жизнь. Одной из главных в публицистике русского писателя в 1860-х гг. стала проблема эмансипации женщин. Михайлов одним из первых в своих статьях поднял вопрос о равноправии женщин, указывая на необходимость признания за ними всех общественных и политических прав. Его статьи пользовались большой популярностью среди читателей, поскольку выражали передовые взгляды революционной демократии на «женский вопрос». Михайлова называют и известным революционером, так как в 1860—1861 гг. он занимался практической революционной деятельностью, активно сотрудничая с писателем Н. Г. Чернышевским и одним из классиков русской социологии — П. Л. Лавровым.

Пребывание во Франции серьезно отразилось на мировоззрении русского поэта и публициста, за границей он познакомился с основными идеями феминизма. Особое влияние на М. И. Михайлова оказали труды таких мыслителей, как Жюль Мишле (1798—1874), французский историк и публицист, — его социологический этюд «Любовь» (1858) — и Пьер-Жозеф Прудон (1809—1865), французский политик, экономист, публицист, социолог, — прежде всего его работа «О справедливости в революции и церкви» (1858), а также статья Дж. Ст. Милля «Об эмансипации женщин», написанная совместно с его женой, Г. Т. Милль. Работы указанных авторов, повлиявших на отечественного писателя и публициста, были популярны и активно обсуждались во Франции и России. Статьи Михайлова способствовали обращению интереса российского читателя к данной проблематике. Наиболее известная работа М. И. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» отчасти представляет собой опровержение

основных идей Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона, а отчасти является проектом программы предполагаемых реформ [Михайлов, 1958].

Оба французских мыслителя в своих трудах активно выступают против женской эмансипации, полностью отвергая возможность равенства мужчин и женщин. Авторы рассматривают женщину исключительно в сфере семьи, ее основным призванием является трепетное отношение к мужу и воспитание детей, а главным назначением — любовь. Содержание работ данных авторов носило отчетливый антифеминистский характер, что и привлекло внимание русского писателя и общественности.

Ж. Мишле был профессором Высшей нормальной школы в Париже. Он приобрел широкую известность благодаря публикации своих трудов по всеобщей, римской истории, а также истории Франции, перевел на французский язык труд «Новая наука» Дж. Вико, оказавшего большое влияние на формирование социологии как самостоятельной науки. Помимо исторических работ, ему принадлежат и произведения, в которых нашли отражение его политические и моральные воззрения, его взгляды на общество и государство, на воспитание, историю и на жизнь в целом, такие как «Народ» [Мишле, 1965]. Интересы французского ученого распространялись на различные области. Он размышлял о необходимости любви и справедливости и общей потребности в них, а также о гармонии и божественном единстве природы. Ж. Мишле был хорошо знаком с рядом русских писателей и общественных мыслителей своего времени. В частности, вел активную переписку с А. И. Герценом, которого бесконечно уважал и ценил, испытывал огромный живой интерес к творчеству М. А. Бакунина.

Ж. Мишле исследовал одну из важнейших социальных проблем своего времени — быстрый распад семьи и падение рождаемости. Причины этих процессов усматривались автором в падении нравов во французском обществе, чему и были посвящены его социологические этюды. Представляя свой взгляд на любовь, брак, Ж. Мишле описывал женщину с позиции биологического детерминизма как слабое, несовершенное существо по сравнению с мужчиной, отмечал физический фатализм, присущий ей от природы, обусловленный «болезнью материнства» и «извечной раной». Избавляясь от этих данных природой особенностей посредством тяжелого труда, женщина одновременно теряет свою привлекательность и сексуальность. Логическим выводом автора была идея о том, что сама природа исключила женщину из сферы образования и труда. В сложившейся ситуации, по его мнению, у женщины единственная судьба — быть для всех источником любви, носителем которой она и является [Мишле, 1997].

Позиция Ж. Мишле по «женскому вопросу» не оставила Михайлова равнодушным. В работе «Народ», размышляя о любви и браке, Мишле сравнивает их современное состояние с состоянием в последние века Римской империи и пишет: «Женщины, получив право наследования, кичась своими богатствами, так третировали мужей, ставили их в такое унижительное положение, что никакими денежными подачками, никакими юридическими мерами не удавалось примирить их с ролью слуг. Мужья предпочитали бегство в пустыню» [Мишле, 1965: 128].

Другим французским мыслителем, оказавшим огромное влияние на представления Михайлова о «женском вопросе», являлся политик, публицист,

экономист, один из наиболее влиятельных теоретиков анархизма — П.-Ж. Прудон. Прудон был сыном небогатого городского ремесленника и имел непростую судьбу: «В молодости он перепробовал несколько профессий — был наборщиком, затем содержал небольшую типографию, разорившись, поступил секретарем к одному богатому барину. Затем для него стал главным источником заработка литературный труд, который, однако, не мог обеспечить ему достаточного дохода, благодаря тому что Прудон был во вражде со всеми партиями и не имел опоры в прессе» [Туган-Барановский, 1998: 224]. Французский мыслитель выражал социальные идеалы и представления класса мелкой буржуазии, к которому он принадлежал, что отражалось и на его отношении к семье и женщине. В отличие от известных утопистов своего времени Прудон не разделял убеждения в необходимости освобождения женщины. Он был женат на простой работнице, считал ее идеалом хорошей матери и хозяйки, но, по замечанию М. И. Туган-Барановского, он не любил свою жену: «Для Прудона женщины были низшим существом, созданным для пользы и удовольствия мужчины. Не будучи от природы страстным и никогда не любивши, он глубоко презирал всю поэзию любви и считал любовные увлечения недостойными сильного и умного мужчины» [Туган-Барановский, 1891: 60—61].

Прудон рассматривал положение женщин в связи с вопросом о владении личной собственностью, их усилиями, направленными на сохранение домашнего очага, ведение супружеского домохозяйства, и верой в мужское превосходство. Автор акцентировал внимание на физической слабости женщины, доказывал ее более несовершенную природу, опираясь на свои наблюдения и используя собственную систему количественных показателей, применяемую к обоим полам, например относительно меньший размер женского мозга. Выводами французского мыслителя явились утверждения об интеллектуальной и физической неполноценности женщины. Мужчина, оказавшийся в результате исследования более активным, инициативным, обучаемым, занимает высшее положение по отношению к женщине, следовательно, женщина должна ему повиноваться [Прудон, 1998].

Как отмечали многие русские мыслители, знакомые с творчеством Прудона, его восприятие мира было прочно основано на религиозном фундаменте, что отражалось и на представлениях о семье и роли женщины [Михайловский, 1909]. Распространение идей французского мыслителя в России было заметным, его труды изучались в кружке М. В. Петрашевского: «Петрашевцы с интересом восприняли анархические идеи П. Ж. Прудона о производительных ассоциациях, ибо философско-религиозные и социокультурные идеи П. Ж. Прудона имели своей целью повлиять главным образом на духовное развитие общества, вернуть в сформировавшуюся к тому времени секуляризованную культуру Западной Европы элементы общечеловеческой, христианской нравственности, утраченной, по его мнению, католической церковью» [Ундров, 2011: 101].

Две работы Прудона вызвали особый интерес у русских мыслителей с точки зрения решения одной из назревших социальных проблем — проблемы положения женщины в обществе: «О справедливости в революции и церкви» и «Порнократия, или Женщины в настоящее время». Первая работа способствовала тому, что прежде установившиеся дружеские отношения между французским мыслителем и Герценом стали ухудшаться. Она произвела на русского писателя

тяжелое впечатление и позволила назвать ее автора «несвободным человеком» вследствие высказанного отношения к женщине. Герцен охарактеризовал работу «О справедливости в революции и церкви» как «римско-католическую клевету против женщины» [Герцен, 1917: 251].

Вторая работа Прудона представляет собой этюд о женщине, который вполне можно назвать социологическим. Этюд посвящен описанию роли женщины в обществе XIX в., ее значения для развития общества, ее прав и возможностей. В целом автор однозначно указывает на неизбежность существующего неравенства полов: «Различие природных особенностей обуславливает собою коренное различие в отправлениях, в общественном и семейном назначении мужчины и женщины. Один обладает большей подвижностью, энергией и способностью продолжительного действия, другая обладает большей склонностью к семейной жизни, дающей большую прелесть и окончательное развитие их более нежной природе» [Прудон, 1998: 157].

Прудон показывает собственное неодобрительное отношение к образованным женщинам, представляя их существами низшими по отношению к мужчинам. Он сравнивает физические, умственные способности и нравственные качества мужчины и женщины, приходя к выводу о безусловном превосходстве мужчины. Автор пишет: «Пусть женщина заимствуется сколько душе угодно идеями у мужчины, пусть она увеличивает свои познания и проникает в самую глубь его умозрений; она все-таки никогда не делается “*esprit fort*”*, понимая это слово в его высшем и философском значении; чем более будет она учиться, тем более будет возрастать ее приятность. Природа, как я сказал уже, приковала ее, даже в отношении развития, к красоте; красота — ее назначение, ее состояние. Всякое отклонение от первоначального типа влечет за собою болезнь или уродство» [там же: 160].

В самом начале работы «Порнокрапия, или Женщины в настоящее время» автор утверждает, что «царство женщины — семья», а единственно приемлемая сфера деятельности — это деятельность у домашнего очага. Прудон видел в семье прочный хозяйственный союз с неизбежным и неизменным господством мужчины. Женщине отводится исключительно роль хозяйки и матери. Рассуждая о половых отношениях, французский мыслитель также исходит из принципов биологического детерминизма. Он утверждает, что женщина, как любая самка в животном мире, подчиняясь половому инстинкту, сама ищет себе партнера. Опираясь на свои представления о поведении женщины, автор приходит к заключению о том, что она «по природе одарена большею склонностью к сладострастию, чем мужчина; во-первых, уже потому, что рассудок и свобода представляют в ней весьма ограниченное сопротивление в борьбе с ее животными склонностями...» [там же: 162].

Прудон достаточно ясно формулирует собственную позицию не только относительно положения женщины в современном ему обществе, ее способностей, склонностей и возможностей, но и относительно проявлений ее эмансипации. По мнению автора, эмансипация неизбежно приведет женщину к разврату, поскольку только строгий долг и семья могут держать ее в границах дозволенного, умерять заложенную в ней природой стихийную чувственность. Прудон описывает множество причин, способных привести женщин к идеям

---

* Вольнодумец, свободомыслящий человек (фр.).

об эмансипации, в то время, по его мнению, и «появляются теории освобождения и любовного смешения, последнее слово которых — порнократия» [там же: 170]. Именно тогда, по убеждению автора, «наступает конец обществу».

Выступая против эмансипации, Прудон рассматривает ее как аномалию, противоречащую естественным законам природы. Он обвиняет женщину в презрении к своему полу, в стремлении развивать свой ум «вразрез со своим полом», в зависти к мужскому полу и клевете на мужчин, в желании их превзойти. Автор пишет: «Все это оканчивается для несчастной каким-то идиосинкратическим гермафродитизмом, лишаящим ее чувства любви и грации, свойственной ее полу, отвращающим ее от брака и повергающим ее все в больший и больший эксцентрический эротизм. Развращенность чувств служит в ней причиной разложения рассудка; все творения ее отличаются неровностью, неистощимой болтовнею, смесью женской мелочности и подражания мужчине. О рассудке в них не может быть и помину: исковерканные слова и исковерканные идеи; старание как можно скорее овладеть мыслями и выражениями соперника и сделать из них аргументы в собственную пользу; привычка отвечать на последнее слово фразы, вместо того чтобы отвечать на всю фразу; очевидная ложь, всюду награбленные формулы, прилагаемые и вкривь и вкось каламбуры, глупости, шаржи; одним словом, полнейшее смешение понятий, хаос! Вот чем отличается ум эмансипированной женщины» [там же: 175].

М. И. Михайлов, как и многие другие русские мыслители, выступил с критикой основных идей Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона. Автор пишет: «Книга Прудона замечательна не только как реакция пробудившемуся во Франции стремлению к преобразованию семейных отношений; она еще более знаменательна тем, что показывает, как глубоко сидят еще в человеке нашего времени корни деспотизма и кулачного права» [Михайлов, 1958: 370].

Русский писатель и публицист был знаком со многими новейшими разработками европейских ученых в области антропологии, медицины, на которые он опирался, размышляя о положении женщин. Автор рассуждает об их положении в XIX в. по сравнению с доцивилизованными обществами, рассматривает основания обуславливающего его биологического детерминизма. М. И. Михайлов выражает критическое отношение к использованию доводов природной неполноценности женщин, приравнивая их к расизму, идее о неполноценности людей, принадлежащих к негроидной расе. Автор подчеркивал социальную обусловленность специфического положения женщин и темнокожих в противовес природной, биологической.

Русский писатель рассматривает проблему, обозначившуюся наиболее отчетливо в тот период. Это вопрос о том, является ли женщина в интеллектуальном отношении слабее мужчины от природы. М. И. Михайлов утверждает, что творческая деятельность основывается на жизненном опыте и наблюдении за окружающим миром. Автор полемизирует с Прудоном, отмечая, что исторически возникли сложности в развитии творческих и интеллектуальных возможностей женщин, поскольку они были привязаны к дому и изолированы от общества.

Михайлова в большей степени волновали вопросы общественного развития России, что в целом было характерно для русской социологии классического периода. Одной из основных проблем в России, по мнению русского мыслителя, становится проблема женского образования. Анализируя состояние системы

образования, автор дает неудовлетворительную оценку женским институтам и пансионам, которые являлись скорее препятствием на пути развития общественного сознания и полового воспитания, навязывая общие представления о женской неполноценности. М. И. Михайлов выступал за изменение современного состояния данной системы, утверждая необходимость установления образования, одинакового для женщин и мужчин на всех уровнях: «Как элементарное, детское воспитание, так и образование в обширном смысле, общее и специальное, должны быть, в существенных условиях своих, одинаковы для обоих полов. Одинаковая забота должна прилагаться к умственному развитию как мальчика, так и девочки. <...> Всякое знание, признаваемое полезным для мужчины, должно быть признано полезным и для женщины. Личные способности каждого решают степень участия его в успехах науки, в делах общества. Но для того, чтобы человек мог взять на себя дело, согласное с его способностями, и найти в этом деле цель и счастье своей жизни, необходима полная свобода для его развития. Это правило одинаково для обоих полов» [там же: 373].

Проблему образования М. И. Михайлов тесно связывает с проблемой семьи и брака, отмечая взаимозависимость уровня образованности мужчины и женщины и возможности создания надежной, устойчивой семьи, эффективно выполняющей свои основные функции, в числе которых обеспечение хорошего образования для детей. В своих работах автор полемизирует с Прудоном по данному вопросу, подчеркивая влияние уровня образования женщины на способность ведения домашнего хозяйства. Таким образом, проблема роли женщины в семье и существования института семьи и брака также были в поле внимания русского писателя, имеющего свое собственное представление о необходимом укладе семейной жизни. М. И. Михайлов считал, что семья должна быть основана на взаимном уважении и равенстве, состоять из подходящих друг другу, прежде всего по уровню образования, супругов, имеющих общие дела и интересы, признающих равное положение друг друга. Выступая за укрепление семьи, автор придавал особое значение образованию и равенству, что должно привести к сокращению числа разводов и формированию прочных союзов мужчины и женщины.

М. И. Михайлов усматривал взаимосвязь между равенством мужчины и женщины в семье и основами управления обществом. Автор утверждал, что «уровень общественного образования и общественной нравственности тотчас начинает подниматься не только при совершенном уничтожении права одного лица владеть другим, но даже при одном только смягчении этого права» [там же]. По мнению русского мыслителя, прогресс в обществе связан с устранением эгоистического произвола в сфере отношений между полами, в том числе и в рамках семьи. «Читатель видел, — пишет автор, — что я принимаю семейство тоже за основу общества; но только при одном условии, при совершенном равенстве прав жены и мужа. Если отец и мать пользуются одинаковым голосом, одинаковым влиянием как на детей своих, так и на касающиеся их дела общества, возможность диктатуры в общественном управлении исчезает сама собою» [там же].

Вместе с расширением возможностей для получения женщиной образования стояла еще одна проблема, требовавшая немедленного решения, — это проблема равного доступа женщин ко всем видам общественной деятельности, являющимся привилегией мужчин. Михайлов был убежден в том, что само по себе образование женщины не будет иметь большого значения для общества при отсутствии

возможности его приложения. Это означает необходимость предоставления женщине свободы в выборе сферы ее деятельности. Русский писатель был уверен в том, что развитие современного ему общества с неизбежностью ведет к новому социальному порядку, при котором участие в труде, промышленности, науке, искусстве будет доступно любому совершеннолетнему члену общества. Михайлов был одним из основоположников феминистского дискурса в отечественной социологии XIX в. Его творчество можно рассматривать как огромный вклад в создание интеллектуальных предпосылок развития данного направления в науке.

Русская социология XIX в. обладала рядом особенных черт, отличающих ее от европейской. Она развивалась в непростых, неблагоприятных условиях. Ей была свойственна публицистичность, поскольку русские социальные мыслители переносили свои размышления в писательскую деятельность, не вполне отделяя ее от исследовательской. Русскую классическую социологию отличала также подчеркнутая гуманистическая ориентация, которая совпадала с характерной для того времени ориентацией на «страдающего человека» в литературе. В настоящее время проблеме взаимодействия социологии и художественной литературы, в особенности публицистики, уделяется не слишком много внимания. Проблема сохраняет свою актуальность и требует самостоятельного изучения. Решение «женского вопроса» было составной частью общего стремления русских социологов помочь угнетенному народу.

Рассматривая предпосылки и условия становления феминистской социологии как научного направления, не стоит забывать об особенностях развития социологии в России с момента ее возникновения, специфических чертах, характерных для отечественной науки. Следует обратить особое внимание на исторические, социальные и интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в русской социологии, с которых начинается перспектива зарождения в России феминизма как социального явления и теории феминизма в истории русской социальной мысли.

Библиографический список

- Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем / под ред. М. К. Лемке. Пг.: Изд. наследников авт., 1917. Т. 8. IX, 617 с.
- Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.
- Михайлов М. И.* Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. Т. 84, № 11. С. 221—250.
- Михайлов М. И.* Женщины в университете // Современник. 1861. Т. 86, № 4. С. 499—507.
- Михайлов М. И.* Уважение к женщинам // Современник. 1866. Т. 113, № 2, 3.
- Михайлов М. И.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Сочинения: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 3.
- Михайловский Н.* Прудон и Белинский, 1875 // Полное собрание сочинений. СПб.: Рус. богатство, 1909. Т. 3. С. 639—685.
- Мишле Ж.* Ведьма; Женщина. М.: Республика, 1997. 463 с.
- Мишле Ж.* Народ. М.: Наука, 1965. 208 с.
- Прудон П.-Ж.* Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1998. 367 с.

- Прудон П.-Ж. Французская демократия. М.: Красанд, 2011. 408 с.
Туган-Барановский М. П. Ж. Прудон: его жизнь и общественная деятельность: (биографический очерк). СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 80 с.
Туган-Барановский М. И. Экономические очерки. М.: РОССПЭН, 1998. 527 с.
Ундров К. В. Прудон о религии и России // Перспективы науки. 2011. № 12. С. 99—105.

References

- Gertsen, A. I. (1917) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters], vol. 8, Petrograd: Izdanie naslednikov avtora.
Levin, Iu. D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the XIX century and the development of literary translation], Leningrad: Nauka.
Mikhaïlov, M. I. (1860) Dzhon Stiuart Mill' ob emansipatsii zhenshchin [John Stuart Mill on the emancipation of women], *Sovremennik*, vol. 84, no. 11, pp. 221—250.
Mikhaïlov, M. I. (1861) Zhenshchiny v universitete [Women at the university], *Sovremennik*, vol. 86, no. 4, pp. 499—507.
Mikhaïlov, M. I. (1866) Uvazhenie k zhenshchinam [Respect for women], *Sovremennik*, vol. 113, no. 2, 3.
Mikhaïlov, M. I. (1958) Zhenshchiny, ikh vospitanie i znachenie v sem'e i obshchestve [Women, their upbringing and importance in the family and society], in: *Sochineniia*: in 3 vols, vol. 3, Moscow: Goslitizdat.
Mikhaïlovskii, N. (1909) Prudon i Belinskiï, 1875 [Proudhon and Belinsky, 1875], in: *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 3, St. Petersburg: Russkoe bogatstvo, pp. 639—685.
Mishle, Zh. (1965) *Narod* [People], Moscow: Nauka.
Mishle, Zh. (1997) *Ved'ma; Zhenshchina* [A witch; A woman], Moscow: Respublika.
Prudon, P.-Zh. (1998) *Chto takoe sobstvennost'?* Ili Issledovanie o printsipe prava i vlasti; *Bednosnt' kak ekonomicheskii printsip; Pornokratiia, ili Zhenshchiny v nastoiashchee vremia* [What is property? Or A study on the principle of law and power; Poverty as an economic principle; Pornocracy, or Women in the present], Moscow: Respublika.
Prudon, P.-Zh. (2011) *Frantsuzskaia demokratiia* [French democracy], Moscow: Krasand.
Tugan-Baranovskii, M. (1891) *P. Zh. Prudon: ego zhizn' i obshchestvennaia deiatel'nost'*: (Biograficheskii ocherk) [Proudhon: his life and social activities: (Biographical sketch)], St. Petersburg: Tipografiia Iu. N. Èrlikh.
Tugan-Baranovskii, M. I. (1998) *Èkonomicheskie ocherki* [Economic essays], Moscow: ROSSPÉN.
Undrov, K. V. (2011) Prudon o religii i Rossii [Proudhon on religion and Russia], *Perspektivy nauki*, no. 12, pp. 99—105.

Статья поступила 03.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Батуренко Светлана Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, level_s@rambler.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 126—129
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.11

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 126—129
ББК 60.561.22
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.11

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕМЬИ И ЕЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ

М. Л. Галас

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, MLGalas@fa.ru

Семейное предпринимательство как ресурс повышения качества жизни семьи и ее трудовой занятости — таков был предмет дискуссий II Российского гендерного форума (Москва, 29—30 октября 2020 г.). Модератор и инициатор форума, председатель его программного комитета профессор Г. Г. Силласте цель форума определила четко — анализ реалий и потенциала развития семейного предпринимательства как долгосрочного социального ресурса отечественной экономики и повышения качества жизни российской семьи. По оценке ученого, семейное предпринимательство является перспективной технологией развития расширяющегося в мире гендерно-нейтрального предпринимательства, эффективной социальной практикой, которая позволяет объединять усилия и опыт членов семьи в едином полезном для нее и общества деле, приносящем семье доход, уверенность в завтрашнем дне и повышающем качество жизни. Однако для расширения семейного предпринимательства требуется не только инициатива семьи, но и последовательная поддержка со стороны государства на всех уровнях его управленческой деятельности. О такой совместной работе по поиску путей повышения результативности семейной предпринимательской деятельности, укреплению экономической солидарности ее членов, организации обмена опытом и практик реализации семейных проектов, продвигающих прогрессивные экономические идеи, и состоялся разносторонний разговор на многочисленных секциях гендерного форума.

Ключевые слова: семейное предпринимательство, повышение качества жизни, социогендерные ресурсы.

FAMILY ENTREPRENEURSHIP AS A RESOURCE FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE FAMILY AND ITS EMPLOYMENT

M. L. Galas

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, MLGalas@fa.ru

Family entrepreneurship as a resource to improve the quality of life of the family and its employment was the subject of discussions of the II Russian Gender Forum, which was held in Moscow on October 29—30, 2020 at the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moderator and initiator of the Forum, chairman of its Program Committee — Professor G. G. Sillaste, scientific head of the Department of Sociology and Science School “Gender and Economic Sociology” of the Financial University under the Russian Government, a member of the scientific and expert council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly, defined the purpose of the Forum clearly — analysis of the realities and potential of the development of family entrepreneurship as a long-term social resource of the Russian economy and the quality of life. According to the scientist, family entrepreneurship is a promising technology for the development of a world of neuter gender entrepreneurship, an effective social practice that allows to combine the efforts and experience of family members in a single business useful for it and society, bringing to the family income, confidence in the future and better the quality of life. However, the expansion of family entrepreneurship requires not only the family initiative, but also consistent support from the state at all levels of its management activities. Discussions in numerous sections of the Gender Forum concerned the problems connected with the ways of improving the effectiveness of family and business activities, strengthening the economic solidarity of its members. organizing the exchange of experience, implementing family projects in promoting progressive economic ideas.

Key words: family entrepreneurship, improving the quality of life, socio-gender resources.

II Российский гендерный форум прошел в Москве 29—30 октября 2020 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ. Открыл форум приветственным словом ректор этого университета, доктор экономических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ М. А. Эскиндаров, который акцентировал внимание на мотивации готовности и неготовности россиян заниматься предпринимательской деятельностью и ее ресурсах.

Развернутый пленарный доклад «Тенденции развития предпринимательства в условиях формирования нового гендерного порядка и инклюзивной экономики» руководителя департамента социологии и научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финансового университета при Правительстве РФ, члена научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Г. Г. Силласте, по существу, задал новый пространственный диапазон обсуждаемой проблемы. Предметом анализа стали 92 сообщения предпринимателей, ученых, общественных деятелей из 12 российских городов.

О социальной значимости обсуждаемых вопросов, их актуальности говорит тот факт, что до 80 % участников форума составляли женщины-предпринимательницы, представлявшие малый и мелкий бизнес. Это вполне объяснимо и закономерно. Разнообразие мероприятий (восемь секций, два мастер-класса, молодежные панели и конкурс студенческих эссе по вопросам молодежного предпринимательства) подтвердило востребованность обсуждаемой тематики. Остановимся на основных секциях форума.

Секция «Семейное предпринимательство как предмет научного исследования: подходы, результаты, их практическое применение» (модераторы профессор Г. Г. Силласте, доцент Н. А. Николаенко) была посвящена 200-летию Г. Спенсера.

На секции «Семейное предпринимательство: средние и малые формы на пространстве ЕАЭС» (модератор М. Л. Галас, сомодератор Ч. А. Сарыбаев) анализировались правовые и правоприменительные аспекты семейного предпринимательства в сфере крестьянского фермерского хозяйства; роль сектора малого и среднего бизнеса и семейного предпринимательства в реализации новой стратегии ЕАЭС; социально-экологические ценности в семейном воспитании детей; инструменты и способы продвижения семейного предпринимательства в мире цифровых технологий, уровень вовлеченности в семейное предпринимательство и активности участия в нем в России и за рубежом.

Секция «Семья и сетевое предпринимательство в условиях самоизоляции» (модераторы Е. В. Семкина и Л. А. Василенко) объединила ученых, которые сосредоточились на обсуждении проблем полифункциональности женщины в семейном предпринимательстве; финансовой помощи семье в период кризиса; совмещения в социальном предпринимательстве вопросов здоровья, производства, инноваций, цифровизации; влияния семейного интернет-предпринимательства на гендерные роли в российских семьях и др.

Сложные и специфические проблемы сельского предпринимательства и его гендерного профиля в России рассматривались на секции под руководством ее модератора доцента М. Ю. Миловановой.

Еще одна актуальная для России проблема семейного предпринимательства — его этнический характер — стала предметом дискуссии на секции «Этническое предпринимательство и семейный бизнес» (модератор профессор Р. М. Канапьянова). Это редко затрагиваемый ракурс семейного предпринимательства, но очень важный для России.

Направление «Семейное предпринимательство в мегаполисе» (модератор доцент И. В. Зотова) вынесло на повестку дня обсуждение злободневных вопросов корпоративной культуры как инструмента адаптации новых сотрудников на малых предприятиях в условиях самоизоляции, специфики городского социального пространства и рисков его развития для молодых женщин-предпринимательниц в столичном мегаполисе.

Участники секции «Предпринимательство молодежное, студенческое и детское: реалии, противоречия, перспективы» (модератор А. А. Крылов, сомодератор В. А. Лекарева) обсуждали практику вовлечения молодежи в предпринимательские проекты как возможный резерв развития семейного предпринимательства в России, а также инвестиционные приоритеты молодого поколения, гендерные аспекты вузовской подготовки высококвалифицированных кадров и формирование их экономической активности, фриланс как форму адаптации молодежи к рынку труда и др.

К каким выводам пришли участники форума?

На предпринимательство, в том числе семейное, влияет ряд факторов, тормозящих его развитие. В первую очередь это *социально-правовые* факторы. Дело в том, что в законодательных документах РФ до сих пор отсутствует само определение и теоретическая интерпретация категории «семейное предпринимательство». Другой фактор — *отсутствие финансовых возможностей* для поддержания стартапов, а наряду с ним — нехватка знаний и опыта ведения бизнеса силами домохозяйства, нестабильная экономическая ситуация, затрудняющая поддержку предпринимателей в развитии семейного бизнеса. Этому, как известно, в России не учат, и смелые, точнее, рискованные предприниматели действуют по известной методике собственных проб и ошибок. Добавим к названным факторам еще и существующие в России многочисленные административные барьеры.

Тем не менее 30-летний опыт развития в России гендерно-ориентированного предпринимательства, вначале преимущественно мужского, в 1990-х гг. во многом криминализированного, в 2000-х гг. дополнившегося формами женского предпринимательства, создал реальную базу для перехода к гендерно-нейтральному предпринимательству, характерному для формирующегося сегодня в мире нового гендерного порядка. Одной из его форм и является предпринимательство семейное. Этот ценный вид предпринимательской деятельности обладает своим богатым социально-историческим опытом (достаточно вспомнить российское купечество). А исторический опыт — это тоже движущая сила расширения российского семейного предпринимательства.

Конечно, нужны не только финансовые, но и правовые, организационные условия, социальные гарантии, способные регулировать трудовые отношения в семейном предпринимательстве. Поэтому участники форума были единодушны в решении обратиться к Государственной думе, Российскому союзу промышленников и предпринимателей с просьбой о содействии разработке в Российской Федерации законопроекта по семейному предпринимательству. Тем более что идея придания семейному предпринимательству в России законодательной формы поддержана Президентом РФ.

Социогендерные ресурсы могут составить мощную площадку развития экономик государств — членов ЕАЭС, так как единый рынок услуг позволяет семейному предпринимательству осуществлять свою деятельность на территориях этих государств без дополнительных затрат. Итоги форума были подведены руководителями секций, мастер-классов и аналитических панелей 30 октября 2020 г. на X сессии научно-экспертного совета «Гендерный порядок и гендерные ресурсы общественного развития». Они подтвердили необходимость развития этого направления, его социально-конструктивный характер и безусловную перспективность.

Статья поступила 24.12.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Галас Марина Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, член научно-практического экспертного совета «Гендерные ресурсы общественного развития», г. Москва, Россия, MLGalas@fa.ru (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Scientific and Practical Expert Council “Gender Resources of Social Development”, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Женское движение в России: моделирование баланса взаимодействия государства и женской инициативы	3
Задворнова Ю. С. Современное женское движение в США	20
Анайбан З. В. Женские общественные объединения в современной Хакасии	33

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Прокопенко Л. Я., Денисова Т. С. Проблема гендерного паритета во внешнеполитических ведомствах стран Африки	44
Сиражудинова С. В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа	56
Хилажева Г. Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции (На примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана)	68
Швецова А. В. Барьеры профессионального развития молодых ученых в гендерно-дифференцированной среде научного сообщества	83

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Киценко О. С., Киценко Р. Н. Вопросы охраны материнства и детства в земской врачебной практике конца XIX — начала XX в. (На материалах Саратовской губернии)	94
Литвин Ю. В. Институт материнства в карельской деревне: традиционные практики в контексте общероссийских перемен (конец XIX — начало XX в.)	104
Батуренко С. А. Предпосылки оформления феминистского дискурса в русской социологии XIX в.: М. И. Михайлов	116

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Галас М. Л. Семейное предпринимательство как ресурс повышения качества жизни семьи и ее трудовой занятости	126
<i>Информация для авторов</i>	130

CONTENTS

WOMEN'S MOVEMENT AS A SOCIAL DEVELOPMENT DRIVER

Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. The Russian women's movement: the creation of the balance model of interaction between government and women's initiatives	3
Zadvornova Yu. S. Women's movement in the United States today	20
Anayban Z. V. Women's public societies in contemporary Khakassia	33

GENDER SOCIOLOGY

Prokopenko L. Ya., Denisova T. S. Gender parity in the foreign services of African countries	44
Sirazhudinova S. V. Gender strategy in Muslim society: the case of the North Caucasian republics	56
Khilazheva G. F. Modern family in the context of translocal migration (On the example of shift migrants families in Bashkortostan)	68
Shvetsova A. V. Professional development barriers of young scientists in the gender-differentiated scientific community	83

GENDER HISTORY

Kitsenko O. S., Kitsenko R. N. The issues of maternity and childhood protection in the zemstvo medical practice in the late XIX — early XX c. (On the materials of Saratov region)	94
Litvin Yu. V. Motherhood in the Karelian village: traditional practices in the context of Russia-wide changes (late XIX — early XX c.)	104
Baturenko S. A. Prerequisites of feminist discourse formation in Russian sociology of the XIX c.: M. I. Mikhailov	116

GENDER RESOURCES FOR SOCIAL DEVELOPMENT

Galas M. L. Family entrepreneurship as a resource for improving the quality of life of the family and its employment	126
<i>Information for the authors</i>	130

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 — 2021

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет (online) 18.03.2021 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 9,5

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ